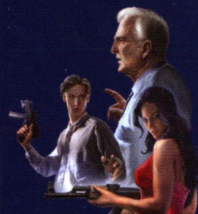

КОНТРОЛЕР
ЮРИЙ
НИКИТИН

Скелет
в шкафу

ЮРИЙ НИКИТИН

Скелет
в шкафу

КОНТРОЛЕР

—ЮРИЙ
НИКИТИН

—ЮРИЙ
НИКИТИН
К О Н Т Р О Л Е Р

Книга вторая

Скелет
в шкафу

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н62

Разработка серийного оформления
художника *Е. Савченко*

В оформлении переплета использована работа
художника *М. Петрова*

Никитин, Юрий Александрович.
Н62 Контролер. Книга вторая. Скелет в шкафу / Юрий
Никитин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. —
(Контролер. Фантастика Юрия Никитина).

ISBN 978-5-699-88861-0

Большое видится на расстоянии, тайна распада СССР начинает вырисовываться только с дистанции в три десятка лет, да и то в общих чертах. Однако многие в ГРУ полагают, что раскрывать ее все равно рано.

Но кто-то решил открыть миру правду... и вызвать мировой кризис. Владимиру Лавронову предстоит срочно вмешаться, самому решить судьбу великой тайны и, если получится, предотвратить апокалипсис...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88861-0

© Никитин Ю., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Часть 1

Глава 1

Герашенко с большой чашкой парующего кофе двигается по коридору осторожнее ассасина. Налито «с горкой», потому держит цепко и ничего, кроме колышущейся темно-коричневой поверхности, вообще не зрит и не видит.

Я догнал, сказал негромко:

— Не трясите... давайте донесу.

Он разжал пальцы, осторожно передавая чашку, лицо засветилось счастьем.

— Володенька!.. Как хорошо, что вернулся. А здесь, понимаешь, сахар кончился. Вот и бреду к лягушатникам. Хотя они не лягушатники, нечего французов зря обижать, а вообще лягушники!

— Я тоже не доверяю людям, — признался я, — что пьют кофе без сахара. А если экспериментируют на лягушках, то вообще дикари допотопные!

— Дивно смотришься, — сказал он. — Посвежел, расправил спину. Даже выше ростом. Ах да, перестанешь горбиться.

Он распахнул передо мною дверь, я внес и поставил на его стол чашку. В коридоре кто-то заорал:

— Лавронов явился!.. Не поверите, живой пришел!

Геращенко ухватил чашку обеими руками, а в комнату начал стягиваться народ, все любопытные и такие приветливые, словно еще не верят в мое выздоровление. Да и как поверить, нейроdistрофия пока не лечится, а это значит, не соперник, такого можно и пожалеть.

Я улыбался, поворачивался, отвечал на похвалы, что да, хорошо выгляжу. Участие в раскрытии воровства гранта я попросил в полиции не афишировать, так что поздравляют с тем, что не зря пару дней отдыхал дома, а то пока отсутствовал, здесь такое было, такое было, но все прошло, к счастью, и наш мирок теперь снова защищен от бурь грубой мирской жизни.

Геращенко допил кофе и вытолкнул всех за дверь, прикрикивая «Арбайтэн, арбайтэн!», а когда мы остались одни, повернулся ко мне, уже деловой и серьезный.

— Место Медведева опустело. Так что, Володенька, можешь взять его мышек. Он же кормил твоих! А также хорошо бы посмотреть, что там у него насчет ускорения регенерации аксонов. Может, просто обманывал? С такими деньгами можно жить спокойно и просто ждать эры бессмертия, пусть ее в муках и бессонных ночах открывают другие.

— Беру, — ответил я, не раздумывая. — Тем более, вчера Брайан Джюс и Роберт Ланг опубликовали статью в «Мире нейросинтеза» о новом перспективном способе стимуляции роста неких аномальных аксонов в нестандартных средах.

— Ого, — сказал он с уважением, — когда ты успел?

— И даже обдумал, — сообщил я, — как двигаться дальше. Как надо было бы... Медведеву.

— Но теперь действуй ты, — сказал он и с энтузиазмом потер ладони. — Я рад, что ты в строю!.. Тьфу-

тьфу, как же нам повезло с той сумасшедшей попыткой...

— Тихо-тихо, — шепнул я. — Узнают, нас всех возьмут за жопу. И повыгоняют отовсюду. Второй раз не повторить, нужно разрабатывать точный метод. Хорошо, пойду перетаскивать его мышек.

— Тебе все его наработки скинуть?

Я покачал головой.

— Не нужно. Я в курсе.

Он кивнул, а я подумал, что действительно в курсе всего, и даже проделал тысячи экспериментов мысленно, однако в счет принимаются только те, что в реальности, а тут главная трудность, что любую виртуальную находку, полученную за три секунды, придется подтверждать несколько лет. Мышки живут два года, а чтобы проверить, увеличилась ли продолжительность их существования, нужно ждать хотя бы эти два года, плюс какое-то время сверху, чтобы робко и еще неуверенно сообщить про успех. Лишь тогда мою методику начнут проверять в сотне подобных независимых лабораторий по всему свету, и если и там получится то же самое, только тогда метод будет признан работающим. А это не меньше пяти лет еще...

Ближе к обеду все забегали в жуткой суматохе, как муравьи по горячему песку. Я увидел в окно, как к подъезду подкатила «Тесла» последней модели, а за нею два черных джипа с охраной.

Геращенко вскрикнул в страхе:

— Это сам Мацанюк прибыл!..

— А чего такая паника? — поинтересовался я.

Он воскликнул:

— Володя, как вы не понимаете!.. От него все зависит! Захочет — даст денег на исследования, захочет — не даст!

— Ну да, — не поверил я, — с таким отношением к делу так бы и создал империю на трех континентах. Даст или не даст денег, больше зависит от того, что сделали, а не от цвета вашего галстука, что не совсем сочетается с цветом носков.

Он вскрикнул в ужасе:

— Правда?.. А какие надо?

— Да просто приспустите штаны, — посоветовал я серьезным голосом. — Калоши все прикроют.

Мышки Медведева на меня не обратили внимания, им люди просто люди, мало ли их бегают по свету, хотя и поменьше, чем самих мышей.

Я аккуратно перенес клетки в свой кабинет, заодно просматривая заново все работы Медведева. В самом деле творческие натуры более склонны как к творчеству, так и к злодейству. Мне кажется, за попытки нарушить законы природы и законы уголовного права отвечает одна и та же извилина. Наука — это точность, порядок, закономерности, а любое научное открытие нарушает строгий порядок.

В дверь стукнули, я оглянулся, Геращенко вошел непривычно тихий, посмотрел на меня как-то странно и даже вроде бы с некоторым испугом.

— Володя... там к тебе пришли...

— Пусть заходят, — ответил я автоматически, поднял голову и всмотрелся к его лицу. — Остап Шухевич, что стряслось?

Он сказал почти шепотом:

— Пойдемте, пойдемте... Это в моем кабинете.

Я не сопротивлялся, очень уж необычно ведет себя наш завлабораторией. Его кабинет на этом же этаже, мы прошли мимо ряда дверей, он торопливо распахнул дверь в свой кабинет. Я замешкался, но он втол-

кнул меня и так же быстро закрыл следом, будто опасается, что в испуге выскочу обратно.

У окна спиной ко мне мужчина, заложив руки за спину, повернулся, высокий и аристократичный, в безукоризненном английском костюме, седые волосы аккуратно подстрижены, удлиненное лицо лорда, строгое и высокомерное, холодный взгляд и безукоризненная выправка кадрового военного в десятом поколении.

— Здравствуйте, — сказал он ясным четким голосом, в котором мне послышалось лязганье затвора, — меня зовут Аркадий Валентинович, я заехал к вам по несколько необычному делу. Аркадий Валентинович Мещерский.

— Слушаю, — сказал я настороженно. — Звучит как княжеский титул.

Он сдержанно улыбнулся, дескать, так оно и есть, указал на одно из кресел у стола, единственного в нашем отделе, где вся столешница представляет огромный компьютерный экран.

— Присядем? Я не задержу вас надолго.

— Ничего, — ответил я. — Я привык к сидячей работе.

Он сел напротив, такой же прямой, элегантный, возраст заметен только по седым волосам и паре глубоких морщин, а так силен, бодр и в постоянной готовности к экшену, это просто излучается от его сильного тела.

Я подумал, что стоять перед ним еще хуже, словно подчиненный, и сел, слегка отодвинув стул в сторону.

Он некоторое время всматривался в меня, словно надеялся увидеть что-то сверх того, что я изволю экспонировать посторонним, я не двигался, рассматривал его спокойно и сдержанно, хоть вы там и князя,

но мы — ученые, а это в нашем мире неизмеримо выше. Уже выше, хотя мало кто это понимает.

— Наша сотрудница дала вам крайне лестную оценку, — сообщил он. — Вы показали себя крайне... крайне проникательным человеком. И с завидной легкостью распутали сложное дело.

Я пробормотал:

— Не думал, что вы из полиции.

Он чуть наклонил голову, не подтверждая и не отвергая, сказал ровно:

— Позвольте, перейду сразу к делу. У нас сейчас примерно такая же нештатная ситуация, и нам сверху посоветовали не менять коней на переправе.

Я постарался держать голос в той же ровной и безинтонационной тональности:

— Надеюсь, вы понимаете, что я не ваш конь?

Он не отрывал от моего лица внимательного взгляда, ответил чуть замедленно:

— Ученые вообще стараются ни от кого не зависеть... но деньги на фундаментальной науке не зарабатываются.

— Да, — согласился я. — Это единственный крючок, на который нас ловят.

Он чуть наклонил голову.

— Значит, у нас есть шанс договориться.

Я пробормотал:

— Простите, но, как вы понимаете, меня не столько заинтересовало... сколько безмерно удивило и даже покорило, что вы обращаетесь ко мне, человеку со стороны. Даже, простите, из другого мира.

Он поморщился, уже заметно, что ему в самом деле очень не хочется обращаться ко мне, своих орлов хватает, но кто-то велел, а приказы надо выполнять, выдержал мой взгляд и ответил с прежней интонацией:

— Сработало два момента. Первое, вы настолько блестяще, не побоюсь этого слова, в течение кратчайшего времени выяснили, кто похитил грант в двенадцать миллионов долларов из вашего Центра инноваций... это впечатлило, тем более, все отметили инновационность преступления. Все-таки и преступники действуют в рамках известных им правил, и, увы, правоохранительные работники не блещут поисками новых методов. Потому, как только преступник применил что-то новое, наши службы встали в тупик. Но решение нашел человек с совершенно иным складом ума.

— Гм, — сказал я, — а второе?

Он кивнул.

— Да-да. Второе... в том, что мы потеряли общий язык с одним из наших старых сотрудников. Очень старых.

— Я что, специалист по старикам?

Он произнес сдержанно:

— Нам известно, вы блестяще говорили со стариками-академиками, собирая нужные вам сведения.

— Простите?

Он чуть наклонился вперед и прямо посмотрел мне в глаза.

— Этот наш сотрудник не просто старик, он... академик, доктор наук, автор очень примечательных работ мирового уровня.

— Ого, — сказал я, — ну, я хоть и доктор наук, но пока что больше мальчик на побегушках и для битья. В науке иногда бьют. Крепко. А иногда не совсем иногда.

Он сказал настойчиво:

— Вам будет проще найти с ним общий язык.

Я поинтересовался:

— Простите, а как вам стало известно вообще о моем существовании?

— Любая страна сильна кадрами, — ответил он. — Вы ценный кадр. После того дела вас сразу взяли на заметку. Разумеется, по подсказке одного из наших сотрудников.

— Гм, — сказал я, — мне кажется, кто-то не в теме. Не припоминаю, чтобы я общался с кем-то из ваших сотрудников.

Он вскинул брови.

— Правда?.. Если я сейчас его приглашу... может, вспомните?

— Вряд ли, — ответил я. — У меня хорошая память только на термины. Из мира науки.

Он сделал короткий жест над левым углом столешницы, мне бы такой стол.

Дверь распахнулась, я охнул про себя и невольно поднялся. Из коридора вошла в красном элегантном платье Ингрид, эффектно элитная, с голыми плечами и глубоким вырезом, копна иссиня-черных волос собрана в прическу «конский хвост», из мочек ушей свисают длинные серьги, на груди жемчужное ожерелье.

Длинные и, кто бы подумал, стройные ноги без уродливых бугров мышц обуты в моднейшие сапожки до колен, с обеих сторон расшитые бисером.

Она посмотрела свысока, наслаждаясь моим искренним изумлением. В крупных глазах навывкате мрачный триумф, орлиный нос высокомерно приподнят, а я, конечно, дурак, был слишком занят, чтобы просмотреть записи с камер.

Кадровый аристократ сказал светским голосом:

— Ингрид, это Владимир Алексеевич, вы с ним уже в некоторой мере знакомы. Владимир Алексеевич, по-

звольте познакомить вас с нашей сотрудницей, капитаном контрразведки Ингрид Волковой.

Я пробормотал:

— Мне казалось... она в полиции? Типа фельдфебель... или унтер?

— Было такое задание, — сообщил он. — По сигналу о злоупотреблениях капитан Волкова работала под прикрытием. Удалось разоблачить и снять с постов двух высокопоставленных работников полиции. А с вашей помощью взяли еще одного, дополнительный улов, чего совсем не ожидали.

— Блин, — сказал я искренне, — я не думал, что она еще и красивая! Там в полиции эта ваша солдафонша рывкала на всех. Позвольте, вот это кресло...

Он с поощряющей улыбкой смотрел, как я отодвинул для нее кресло. Ингрид прошла царственно, а когда я придвинул обратно, красиво и величественно села, руками сделав такой жест, словно приподнимает края широченного и длинного до пола платья, были такие в старину, а теперь остались только в виде свадебных и вроде бы церемониально балльных.

Я сел, Мещерский кивнул и сообщил:

— Ей надо было соблюдать роль.

— А сейчас, — поинтересовался я запоздало и с растущим подозрением, — у нее какая роль?

Он ответил подчеркнуто серьезно:

— Вы не поверите, но она получила задание уговорить вас посотрудничать с нами.

Я пробормотал:

— Она уговаривать умеет... Дубинкой по ребрам.

— Надеюсь, — сказал он мягко, — до этого не дойдет. Хотя...

— Хотя? — спросил я.

— Хотя ей обычно, — пояснил он, — полномочия предоставляются. Да, предоставляются. В смысле, широкие. Действовать по обстановке и на свое усмотрение.

— Ого, — сказал я, — как я понимаю, доверенный товарищ?

— Да, — подтвердил он. — Ее рекомендацию мы приняли очень серьезно. Насчет вас.

Я повернулся к Ингрид.

— И во что вы, капитан Волкова, восхотели втянуть серьезного ученого на этот раз?

— Возникла проблема, — ответила она.

— Какая?

— Серьезная.

— А в чем ее суть?

Она покачала головой.

— Информация пока что засекречена. Соглашайся.

— Ага, — сказал я саркастически, — щас. Не глядя. И не видя, в какое говно вступлю.

Глава 2

Она в затруднении оглянулась на Мещерского. Тот посмотрел строго, даже чуть откинулся на спинку кресла.

— Вижу, словарный запас научных терминов у наших докторов наук весьма широк.

— Наука, — напомнил я, — как сказал Ленин, должна быть близка к народу. А еще каждая кухарка должна уметь управлять государством. Эти кухарки еще не начали с контрразведки?

Он поинтересовался холодно:

— Похоже, интересы страны вы не принимаете слишком близко к сердцу?

— Я человек науки, — ответил я скромно. — Наука космополитична. И хотя живу в России, но с патриотизмом не перебарщиваю.

Он произнес уже совсем холодно:

— А когда вы возвращали украденный грант, вы работали не на страну, а на свою науку?

— На общую науку, — уточнил я. — Своей ни у кого, к счастью, нет.

— Вы сработали с блеском, — заметил он.

Я ответил скромно:

— Каждый бы так поступил на моем месте.

Он вскинул брови.

— Простите...

— Каждый доктор наук, — уточнил я. — У нас в лаборатории даже кандидаты наук уже редкость. Здесь куда камень ни кинь — попадешь в доктора.

Он произнес тем же почти безразличным голосом:

— А-а, вот вы что имеете в виду.

— Именно, — ответил я. — Все-таки у нас тут постоянное кипение мысли. Тайны рождения новых аксонов разгадать не легче, чем кражу или убийство. Смею предположить, намного труднее. Было бы легко, у нас был бы золотой век... А вот бегать и стрелять, все верно, мы не мастера.

Он чуть наклонил голову.

— Бегать и стрелять... да это проще, не спору. Выучиться проще. В общем, у нас возникла чрезвычайная ситуация, когда бегать и стрелять бесполезно, не поможет. Да и вредно для дела. Нужно побывать на месте, поговорить с умнейшим человеком и... не испортить. Наша сотрудница порекомендовала обратиться к вам.

— Не знал, — проронил я, — что она любит устраивать еще и пакости. Хотя и догадываюсь.

Он светски улыбнулся.

— Вы с нею так блестяще поработали в деле возвращения похищенных денег! Она просто настаивает, чтобы привлекли вас.

— А этот капитан, — спросил я, — сейчас уже капитан или... В смысле, сейчас уже у вас или все еще в милиции?

Он улыбнулся.

— Одно другому не мешает. Наши могут быть и в бандах, и в партиях оппозиции, и в самой полиции, дабы следить за чистотой рядов. Увы, коррупция проникает везде. Потому человек со стороны хорош еще и тем, что вне подозрений... хотя бы какое-то время.

Я кивнул в сторону аристократически внимающей Ингрид.

— А ваша аристократка с дубинкой знает, в чем соль проблемы?

Он покачал головой.

— Нет. Главный вы. Если решите посвятить ее в детали — ваше дело. Потому что тогда отвечать и за нее будете уже вы.

— Я человек науки, — напомнил я. — Это к тому, что условия эксперимента сперва детально прорабатываются в уме, потом на компьютерной модели, а уж затем переходим к реальным опытам. А сейчас вы хотите, чтобы я согласился участвовать в чем-то таком, о чем не имею представления!

Он вздохнул, лицо омрачилось, даже бросил взгляд в сторону Ингрид, но она сейчас в самом деле аристократический айсберг, сверкающий, чистый и холодно недвижимый.

— Мне кажется, — произнес он еще более надменно и даже напыщенно, — вы подойдете. Как в данном случае, так и для дальнейшей работы.

— Что-что? — переспросил я.

Он посмотрел на меня, на нее, кивнул с довольным видом.

— Вы не испытываете друг к другу даже симпатии, это замечательно. Значит, сможете на задании играть мужа и жену, проживших вместе хотя бы десяток лет.

Что за солдафонствующий аристократ, мелькнуло у меня с налетом отвращения, уже распланировал, как буду служить у него на побегушках, как же, у них дисциплина, ходят строем, отдают честь, зачем честь в спецслужбах, только помешает...

Ингрид перевела на меня взгляд, полный презрения.

— Десять лет назад он в школе писался в штанишки.

Я попытался вспомнить, где я был десять лет тому, но Мещерский прервал мои раздумья:

— Неважно, пусть пять. Но вы вот уже пресыщены друг другом, а вашу семью сохраняют привычные ценности: общие дети, имущество, друзья...

Она сказала недовольно:

— А поверят, что у меня вот от такого могут быть дети?

Мещерский ухмыльнулся.

— Дети бывают от кого угодно на стороне, но брак от этого рушится редко.

— У меня рухнет, — произнес я мрачно. — Уже рухнул. Так что давайте на этом завершим. Благодарю за интересную беседу. Мы не сошлись в гораздо более важном, чем вопрос о браке. Прошу простить, но мне нужно идти, у меня там семеро мышей сидят по лавкам не кормленные.

Я поднялся, отодвинул стул, Мещерский что-то заговорил быстро, но я пошел к двери, а там крайне вежливо открыл, вышел и закрыл, не опускаясь до вульгарного хлопанья дверью из-за напрасно потерянного времени.

Минут через пять дверь за спиной приоткрылась, мне даже не нужно смотреть в видеокамеры, чтобы узнать Ингрид, ее запах отличу не просто среди тысячи, а среди миллионов подобных.

Я не успел даже недовольно хрюкнуть, как она сказала быстро:

— Я пришла извиниться.

— Не пришла, — возразил я, — а прислали. Врать нехорошо.

Она сделала вид, что чуть смутилась, даже в голос подпустила чуточку растерянности:

— Да... но я и сама пришла бы. Я перегнула не случайно. Я видела, чем кончится, поспешила ускорить. Да и Мещерский... он понял, ты все равно откажешься, потому повел себя так, чтобы ты обиделся и ушел. Поверь, все у него просчитано.

— Да ну? — спросил я с сарказмом.

— Он лучший аналитик нашего Центра, — сказала она серьезно. — Думаю, если бы пошел в науку, тоже стал бы доктором или хотя бы кандидатом. И вовсе не за меткую стрельбу и прыжки по крышам. Потому в эту минуту он садится в автомобиль и уезжает, а я здесь продолжаю тебя уговаривать.

Я окинул ее внимательным взглядом.

— А ты вообще ничё так... Кто бы подумал, в платье... Как человек!.. Даже, прости за бранное слово, почти как женщина.

Она ответила скромно:

— Мне идет любое платье. Когда фигура в порядке, надевать можно все.

— А говорила, — напомнил я, — пара туфель, пара туфель!..

— Я не врала, — сказала она мирно. — Не люблю лишнюю одежду, обувь, мебель... Но все, что нужно,

возьму в нашем хранилище. Или моментально привезут из любого люксового магазина... Но ты пойми, не только меня, но всякого в нашем управлении задевает, что ты так легко все решил... Зачем тогда все наши годы зверских тренировок, учений, марш-бросков, уроков рукопашного боя, стрельбы из любого положения?.. Обидно.

Я сказал кисло:

— Ладно, прощаю. А теперь топай, я на работе.

Она послушно сделала было шаг к двери, я молодец, голос у меня, видать, командный, командирский даже, как у Рокоссовского или Тухачевского, но там остановилась, медленно и несколько растерянно повернулась.

— Полковник хорошую работу предлагал, — сказала она негромко.

— Да ну?

— И очень нужную.

— Не спорю, — ответил я, — но для такой работы нужны люди с тремя классами образования. Как ты, например. Таких легче обучить прыгать с парашютом и убивать одним ударом. А я даже курицу убить не могу.

Ее лицо не дрогнуло, хотя наверняка обиделась, покачала головой.

— Но убитую другим человеком жарить, режешь и жрешь так, что за ушами трещит!..

— Это другое дело, — отрезал я. — Такая курица для меня выросла на дереве. Уже без головы и ошипанная. Человек совсем не то, что он есть, это голая обезьяна по Дезмонду Моррисону, а то, чем он себя представляет.

Она ответила подчеркнуто мирно:

— Не буду говорить, что ты не прав, а то сразу поссоримся.

— А мы и не мирились, — напомнил я.

— Ладно, прости еще раз, — сказала она с раскаянием. — Я пришла совсем по другому поводу. Мы в курсе, чем вы занимаетесь. И что у вас, как всегда в ученом мире, недостает денег на опыты. Наше управление могло бы выделить вам грант.

Я фыркнул.

— От контрразведки? Не смешите. Со мной никто здороваться не будет. Я имею в виду, из приличных людей. Ты смотри, не проговорись, что я участвовал в поиске украденных денег. В нашем мире ценят серьезных ученых, нацеленных на раскрытие только тайн природы! Мое участие в ловле преступников пойдет, скорее, в минус.

— При чем здесь контрразведка, — сказала она недовольно. — Грант придет либо от Академии наук, либо от фонда развития технологий. Либо еще из сотни в списке. Только назови.

— Все у вас на крючке? — спросил я едко. — Куда мир катится...

— Миллион, — прервала она. — Пока еще в долларах. Но можно в евро, хотя это чуть меньше.

Я переспросил, не веря своим ушам:

— Сикоко-сикоко?

— Миллион, — повторила она. — Для начала сотрудничества. А там видно будет.

Я запнулся, рассматривая ее зло и придиричиво. Если бы позволила себе хоть крохотную усмешечку, даже тень торжества, тут же вытолкал бы за дверь и велел забыть дорогу, но она и плечи опустила, и даже горбится, играет, понимаю, вид держит виноватый, что должно снизить во мне градус отторжения. Пусть еще не склонить к обсуждению деталей сотрудничества, но хотя бы не прерывать контакт.

— Все понятно, — сказал я нетерпеливо. — И твоя игра, и расчеты аналитического отдела твоей конторы. Да, мы остро нуждаемся в деньгах. Те деньги, что выделил Мацанюк, тут же растащили по лабораториям. Давай сразу о главном: чего от нас хотят и на каких условиях дадут денег? Частями? В какие сроки?

Она покачала головой.

— Никаких частей, сразу один миллион в долларах. У нас, конечно, средств поменьше, чем у Мацанюка, но все же есть в наличии на разные экстренные случаи. Как только согласишься.

— Что, — спросил я с недоверием, — устного согласия достаточно?

Она кивнула.

— Контракты теперь не подписывают... в подобных случаях. Все остальные ваши сотрудники нам не нужны, работу предлагают только тебе. Даже не работу, а так... единственное задание. По контракту.

— Деньги после выполнения?

Она покачала головой.

— Нет. Как только сядешь в машину. Мы не сомневаемся, что ты человек чести. И потому сделаешь все, чтобы решение было верным.

— Человек чести, — пробормотал я. — В наше-то время... Да еще ученый! С ума сойти. То ли вы там слишком наивные, еще в девятнадцатом веке, то ли присчитываете меня на Алкома-девяносто.

— Алкомы у нас нет, — ответила она, — но есть прекрасные аналитики.

Я развел руками.

— В какое время живем!.. Наука, от которой зависит все-все, питается крохами, а олигархи покупают острова под виллы, яхты за полмиллиарда долларов и «Боинги», чтобы возить шлюх в свои дальние дворцы...

— Мы не олигархи, — проронила она, — у нас денег тоже меньше, чем нужно. Но поделимся.... Поехали?

— Ты с мигалкой?

Она улыбнулась.

— Увы, у меня теперь очень неприметный автомобиль.

— Но бронированный?

Она посмотрела с удивлением.

— А как иначе?

— Посиди здесь, — сказал я. — Поговорю с начальством, чтобы отпустил.

Она встрепелась.

— Может быть, лучше звонок от нас?

— Ни в коем случае, — сказал я в ужасе. — Со мной здороваться не будут!.. Сам лучше совру что-нить хитрое.

— Тогда я вниз, — сообщила она. — Подожду в авто, а то тут так отвратительно пахнет мышиным пометом!

В коридоре пусто, я позаглядывал в кабинеты, сотрудники все до единого тише мышей, с которыми работаем, смотрят в пугливом ожидании, то ли уже знают, кто появился, то ли Ингрид в ее блистающем платье цвета свежей крови действует на мужчин и женщин, как взрыв термобарической бомбы.

Геращенко отыскался в последнем, всегда так, надо было начинать с конца, хотя он тогда точно оказался бы в начале, сейчас встрепенулся мне навстречу:

— Володя?

— Остап Шухеович, — сказал я невесело, — я вынужден отлучиться. У этих служб появились вопросы ко мне, так как я был дружен с Медведевым, а он не просто спер двенадцать миллионов, но и часто ездил в проклятую Госдепию на конференции.

Геращенко сказал пугливым шепотом:

— То-то я сразу заподозрил, что они не просто из полиции. Какой ужас!

— Вот-вот, — сказал я, — однако, чтобы все было без шума, они пообещали выделить нашей лаборатории грант в миллион долларов! Не от себя, а от фондов поощрения науки. Если не кинут, заживем. И еще пару мышей купим.

Он охнул, глаза округлились.

— Миллион?

В глазах я увидел быстро меняющиеся цифры, сколько пойдет на оборудование, сколько можно бросить на закупку новых сотрудников.

— Да, — ответил я. — Пообещали. Так что отбываю. Надеюсь, ненадолго. Помните, пару мышей для меня!

— Сделаем, Володя...

— С клетками.

Он охнул.

— Еще и с клетками? Поместишь к своим старым.

— Ну ладно, — согласился я.

Он сказал пугливо:

— Только ты там... все отрицай. Вы же с Медведевым вместе всего пару раз бывали в Калифорнийском, а еще в Центре Курцвейла...

— Мне пообещали, — заверил я, — что бить не будут. У них теперь какие-то особенные пытки, следов не остаются, правозащитники пусть умоются.

Он охнул, а я пожал ему руку и поспешил к лифту.

Ингрид просигналила, иначе бы не увидел ее автомобиль с крыльца. Легонький такой с виду, чисто дамский, вертлявый и донельзя изящный, но я, спускаясь по ступенькам, посмотрел своим внутренним взором, через долю секунды уже знал, что за каждым из колес следит свой компьютер, бортовая система заточена на

выявление дальних угроз на земле и воздухе, а при необходимости с двух сторон поднимутся турели и собьют неопознанные вертолеты в тот момент, как только те начнут ловить машину в прицел.

Она распахнула для меня дверцу справа, я сел с самым довольным видом, похлопал по борту.

— Толстые.

Она ответила невинно:

— Там аккумуляторы Макса. Бензин теперь не нужен, к тому же в бортах добавочная защита от столкновений.

— Да, — согласился я, — а вот тут можно прятать добавочный пистолет. Даже автомат.

Ее лицо чуть-чуть напряглось, но тут же улыбнулась.

— Фильмов насмотрелся?

— В фильмах таких авто еще нет, — ответил я. — Но в реале я бы расположил. Аккумуляторы все уменьшаются в размерах, а место надо бы занять чем-то полезным для дома, для семьи.

Она засмеялась.

— Пистолет, автомат... это для дома, для семьи? Быстро начинаешь смотреть глазами оперативников.

Глава 3

Автомобиль сорвался с места достаточно быстро, хотя теперь замечаю такие мелочи, как усиленная работа мотора и на долю секунду замедление при старте. Мне достаточно рассчитать толщину брони и ее вес, так как все типы автомобилей с их точными характеристиками выпрыгивают перед глазами по первому требованию, и уже знаю, какой сорт стали пошел на обшивку и почему в толстых стенках совершенно нет незаполненных пустот.

Эти электромобили хороши уже тем, что в них в самом деле навставляли много всяких гаджетов для безопасного вождения, а еще освободилось место там, где раньше находился двигатель внутреннего сгорания. Постороннему трудно поверить, что здесь прямо в обшивке упрятаны «глок», автомат «вал», винторез и даже по лаунчеру с каждого бока.

Она поглядывала на меня искоса, наконец поинтересовалась:

— Ты как?

— В сомнениях, — ответил я.

— Понимаю, — сказала она. — Еще как понимаю.

Я сказал со вздохом:

— С выявлением похитителя гранта нам просто повезло. Не только мы растяпы в этом деле, но и похитители... гм... один достаточно умелый микробиолог, но вор из него хреновый, другие — профессионалы совсем не в таких делах. Да, умеют десантироваться ночью на крыши казарм с террористами, но такое умение слабовато помогает раскрывать настоящие загадки, а их в жизни все больше и больше. Сама жизнь — загадка, не знала?

Она буркнула:

— Не задумывалась. Хочешь сказать, в другой раз можем столкнуться с настоящими профессионалами?

Я переспросил:

— Мы?

— Разве мы не вместе?

— Разве в те моменты, — сказал я, — когда будешь мне спинку чесать. Не «если», а «когда». Насколько я понял, мне предстоит всего лишь разговор с очень умным, как сказал твой начальник, человеком. А так как у вас там собственных умных даже начинать искать не стоит, то решили обратиться к доктору наук на стороне.

Она сказала с презрением:

— От скромности не умрешь!.. Даже экземы не будет.

— Жаль?

— Еще как! Вообще-то я раньше докторов наук представляла иначе.

— А я представлял иначе силовиков, — сообщил я. — Без сисек. Даже у тебя их сперва не увидел, помнишь? Так что квиты. Вообще-то мне рекомендован полный отдых... Никакой мозговой деятельности. А раз так, то вполне могу помогать в ваших расследованиях.

Она покосилась с заметным подозрением.

— Звучит как-то не очень... лестно.

— А что? — удивился я. — Вы же силовые структуры! У вас пистолеты и дубинки, зачем еще и...

Я умолк, она закончила саркастически:

— ...мозги? Нам мозги совсем не нужны? Совсем-совсем?

Я сказал примирительно:

— Без обид, я не хотел сказать, что силовым структурам мозги не нужны совсем.

— Ну-ну?

— Иначе вы бы и ложкой не умели пользоваться, — пояснил я, — и штаны бы надеть не удалось.

Она сказала с едкой ноткой:

— А кто сказал, что умеем ложкой? Нет, прямо из мисок хлебам. А кто-то и вовсе лакает. И штаны нам надевает целый штат санитаров... Свинья ты распоследняя!

Руль крутнула с такой силой, что инерция едва не расплющила меня о стенку автомобиля, все-таки гравитация в девять с хвостиком великовата. Когда у нас будет выбор, предпочту планету с гравитацией в семь,

влажностью поменьше, давлением... хотя вообще-то сингуляру все эти мелочи будут по фигу.

Автомобиль скрипнул тормозами и замер перед подъездом старинного вида здания с колоннами, портиком и лепными фигурками по бокам и над дверью. Да и сама дверь хоть и металлическая, но сверху донизу покрыта барельефами сценок на мифологические темы.

— Фух, — сказал я с облегчением, — а я думал, заложила такой поворот, чтобы от меня избавиться.

Она смерила меня презрительным взглядом.

— Ты все еще такой нежный?

— А то!

— Но бицуха вроде бы стала толще.

— Моя бицуха в мозгах, — напомнил я. — Я интеллеktуал, мать вашу. Эстет. Культуролог нового поколения, который старую культуру похоронит, а новую не заведет ввиду ее ненадобности.

Она вышла молча, даже не изволив возмутиться такой наглостью, что вовсе не наглость, если подумать. Сингулярность уже рядом, как сказал Курцвейл, но люди предпочитают жить во вчерашнем дне и полагать, что и завтра будет то же самое, только «лучше», а лучше для них, когда морды шире.

Я захлопнул за собой дверцу, и автомобиль всего лишь чуть отодвинулся, даже не подумав искать стоянку. Впрочем, если это то самое управление, о котором думаю, то все должно быть наготове и близко.

— Какой памятник старины испохабили, — сказал я скорбно. — Этот дворец для своей любовницы, балерины Императорского театра, построил промышленник Юрий Староконюший!.. Он сразу стал достопримечательностью...

Она перебила:

— А сейчас ты скажешь, что здесь бывали в гостях у балерины Комиссаржевской Репин, Чехов, Толстой и даже Чайковский?

— Кроме Чайковского, — согласился я. — Он не бывал, так как был в контрах с Репиным, а тот отсюда не вылезал... Зато бывал Мусоргский. И, кстати, Комиссаржевская не балерина, а хорошая такая актриса Малого Императорского театра.

— Гад, — сказала она в сердцах, — сколько же мусора в головах у людей!.. А еще доктор наук! Вот куда уходят народные деньги... Иди быстрее, не рассматривай!

Я поднялся на крыльцо, она идет сзади, как конвоир, контролируя каждое мое движение, вдруг упаду в обморок от излишней волнительности, ученые все такие нервные, пугливые.

Дверь Ингрид сама распахнула для меня, доказывая, что доминант здесь она, а я субдоминант, хоть и вроде бы самец, но это в координатах старого времени с его завышенными оценками роли мужчин в обществе.

Я пробормотал:

— А эту дверь поставили всего двенадцать лет назад, сохранив рисунки и стиль оружейных дел мастера Уварова, который изготовил ее в рекордно короткие сроки.

Она пихнула меня в спину, я подумал, как веселятся ребята из секретной службы, наблюдая на мониторах ее бурное детское негодование.

— Теперь ваше управление здесь? — спросил я.

Она посмотрела на меня с подозрением.

— Будто не знаешь где! А здесь филиал. Один из.

— А остальные?

Она сказала с сарказмом:

— Вот так щас и скажу! А ты вдруг увешен госдеповскими микрофонами!.. А еще есть квартиры для конспиративных встреч, чтобы не засвечивать наших агентов под прикрытием. Шагай быстрее, каракатица!

В холле мужчина в приличном костюме посмотрел на меня цепким безразличным взглядом, углядев типичного ботаника, и больше не обращал внимания, как только заметил за моей спиной неотступно следующую Ингрид.

— Стоп, — велела она. — Не туда!.. Куда смотришь?.. Вверх по лестнице!

— Дикари, — сказал я с чувством. — Это у них вождь должен сидеть выше всех. Даже трон всегда ставили на помосте.

Она фыркнула.

— Можно подумать, ваш директор не под самой крышей!

— Я и говорю, — согласился я. — Дикари. Директор не ученый, а всего лишь администратор. Возможно, еще и у вас жалованье получает?

— Что-что?

— Ага, — сказал я с удовлетворением, — у тебя к таким тайнам нет допуска, понял!

— Не останавливайся.

— Я и говорю, что погоны у него... невидимые для нас?.. Ничего, придет сингулярность, мы вас всех...

Она прикрикнула:

— Ногами не останавливайся, а не языком!

На втором этаже прошли по короткому коридору, там наткнулись на парня в строгом костюме, но на дипломата похож не больше, чем я на балерину.

Ингрид кивнула ему, он посмотрел мимо нас, это что-то у них значит, а она открыла дверь в последнюю комнату, я не успел сдвинуться, как втокнула вовнутрь.

Я остановился там, она бросила парню в костюме дипломата:

— Доложите Мещерскому о прибытии.

Он кивнул, пряча улыбку.

— Уже ждет.

Она повернулась к открытой двери, грозная и злая.

— Уже сел? Единственное, что делаешь быстро. Вставай! И не вздумай выкидывать свои шуточки.

Парень шагнул к соседней двери, вежливо открыл перед нами, а когда мы переступили порог, плотно закрыл следом.

Кабинет у Мещерского, который нас ждет, именно такой, каким я увидел через видеокамеры две минуты назад, когда входили в здание. Суровая простота обстановки и богатство компьютерной техники слежения, где на десятке экранов быстро сменяются картинки городской жизни.

Едва мы вошли, Мещерский переключил на официальные новости, но я продолжал видеть то, за чем он наблюдал, и не скажу, что понравился пристальный интерес к двум митингам либералов и националистов, что проходят слишком близко друг от друга. Насколько я знаю, места для подобных предприятий выбирает городская дума. И если в огромном городе они оказались так близко, то быть потехе на радость журналистам.

Вежливый и корректный, он улыбнулся достаточно радушно, чего не делал раньше, но здесь он хозяин и принимает не подчиненного, а человека, которого сам желает заполучить к себе. Не на службу, в его учреждение я не пойду и за миллиарды долларов, и он об этом должен догадываться, не совсем уж дурак, а насчет знатока психоаналитики как-то не очень верю, хотя совсем нетрудно порыться в его деле.

— Прошу вас, — сказал он и гостеприимным жестом указал на кресла у стола, — рад, что откликнулись так быстро.

— Ваш фельдфебель был очень настойчив, — ответил я, — и убедителен. Я имею в виду грант в сто миллионов долларов.

Он произнес сдержанно:

— Сразу быка за рога?.. Похвально для ученого. Да, наш капитан получил именно такие инструкции. Мы готовы предоставить миллион долларов... не вам, конечно, а вашей лаборатории. Он будет перечислен со счета одного из фондов, поддерживающих развитие науки. Разумеется, после того как дадите согласие на участие в операции и подпишете пункт о неразглашении.

— Что за операция? — спросил я.

Он помялся, а Ингрид сказала с укором:

— Разве я тебя когда-то подводила?

Я покачал головой.

— Простите, это несерьезно.

Мещерский сказал сдержанно:

— Вам не придется ни стрелять, ни прыгать с парашютом. Как я и говорил, нужно всего лишь то, что вы умеете... поговорить с доктором наук, крупным ученым и уговорить его не разглашать некоторые тайны, которые он знает.

— А что, — спросил я, — он готов что-то разгласить?

Он кивнул.

— Да.

— Но может, — спросил я, — разглашение как раз и есть лучший вариант?

Он посмотрел на меня в упор, я рассмотрел наконец упрятанную в его глазах усталость.

— Вы ученый... и работаете в сравнительно благополучном мире. Подумайте, нужны ли вам потрясения, даже благополучные? Кстати, я вообще не верю в благополучные потрясения. А вы?

— Таких не бывает, — ответил я.

— Обнародование неких документов, — сказал он, — вызовет потрясения. В нашем обществе... и даже за рубежом. А нам всем так важно сохранять мир и стабильность хотя бы в своих странах.

Я подумал, кивнул.

— Хорошо. Этот доктор наук здесь в Москве или нужно куда-то ехать?

Мещерский ответил чуть быстрее, явно начинает оживать:

— Это близко. На границе Московской области и Тульской. Вас доставят вертолетом. Не обижайтесь, но операция очень серьезная, хотя и кажется пустяком, потому за вами будет присматривать наш человек. Как вы догадались, Ингрид Волкова. У нее свои полномочия.

— Пустить мне пулю в затылок, — спросил я, — если она по своей капитанской мудрости решит, что нечто идет не так? Капитаны — это же светочи!

— Что вы, — сказал он и как-то злорадно заулыбался, — вы поедете как благополучная супружеская пара.

Я покосился на Ингрид, у нее на лице проступило изумление. Похоже, для нее это тоже новость.

Я сказал брезгливо:

— Она совершенно не в моем вкусе. Чтобы я женился на такой штангистке? Никто в такое не поверит. Я что, похож на футбольного фаната?

— Нет, — согласился он, — но... это желательно для дела.

— Должна быть, — сказал я, — веская причина. Которую вам не отыскать.

— Например? — спросил он.

Я сдвинул плечами.

— Например, она должна быть баснословно богата. Мещерский поинтересовался деловито:

— Насколько?

— Не знаю, — ответил я. — Вы же знаете, какая у меня месячная зарплата? Должна быть сумма, чтобы повергла... Учтите, доктор наук стоит дороже, чем кандидат, а то для вас все научные работники на одно лицо, будто мы из Китая.

Пока он раздумывал, я порылся в инете и не отыскал ничего похожего на диплом Мещерского Аркадия Валентиновича, да и сам Мещерский не существует, хотя есть Мещерский Аркадий Семенович, работник мукомольного завода, но это вроде бы не совсем то...

Ингрид сказала мне язвительно:

— А репутация?.. Не стыдно быть женатым на миллионах?

— Так будет хотя бы оправдание, — отрезал я. — Любой демократ и либерал меня поймет и одобрит. Еще и позавидует. Правозащитники вообще скажут, что их человек до мозга костей. У нас рынок или нет? Любой человек — товар. Да и госдеп одобрит.

Мещерский подумал, сказал с самым невозмутимым видом:

— Владимир Алексеевич прав. Сейчас что делается без одобрения госдепа? Но в России с ее остатками добропорядочности и моральных устоев... самым тяжким способом разбогатеть остается женитьба.

— Вот-вот, — согласился я.

— Сумма должна быть, — сказал он раздумывающе, — где-то от десяти миллионов...

Глава 4

Он окинул Ингрид оценивающим взглядом, словно прикидывал, за сколько женился бы он сам, но то ли погоны полковника на откатах и так дают хороший доход, то ли решил, что за фамилию Мещерских могут дать больше.

— Десять? — сказал я. — За десять пусть на ней крокодил женится. Я еще не настолько низко пал. Сто!

Он снова посмотрел на Ингрид, как мясник на козу у входа на рынок.

— Сто многовато. Хотя я капитана Волкову ценю, но...

Я покачал головой.

— А в чем проблема? Да хоть двести, это же всего лишь прикрытые, а не реальные деньги!

Ингрид сказала обидчиво:

— Вы все врете! Я знаю ребят, счастливых жениться на мне хоть сейчас! Бесплатно. Напротив, у них самих хорошие деньги.

— Видите, — сказал я, — какой у нас народ со здоровыми вкусами? Любит здоровых людей!.. Главное — победить на чемпионате мира по штанге, а Интернет пусть изобретают другие!.. Те, кто всего лишь умный.

Ингрид обидчиво поджала губы, Мещерский сказал уже более деловым голосом:

— Ладно, сделаем. Вам будет даже позволено пользоваться вашим счетом.

— Ого!

— Разумеется, — уточнил он, — с объяснениями, куда, сколько и с какой целью. Но это нормальная практика в нашем мутно-прозрачном обществе, где люди под наблюдением поневоле становятся законопослушнее и даже нравственнее.

Ингрид сказала недовольно:

— Дело не в том, что мне должно быть обидно, но не слишком ли большие суммы озвучиваете?.. Как уже сказала, могу назвать имена людей, кто хоть сейчас вступит со мной в брак...

— Тоже штангисты? — спросил я. — А в самом деле, почему не привлечь то, что дешевле? Мышцы дешевле мозгов. И с каждым годом заметна тенденция, как говорят банкиры, к дальнейшему обесцениванию этой гладиаторскости. Если, конечно, не брать высшую лигу.

Мещерский сказал задумчиво:

— Проблему вашего личного счета решим.

— Как?

— Перекинем с одного счета на другой, сделаем все бумаги, свадебные снимки, счета за обеды в ресторанах...

Я посмотрел на него с сомнением.

— Вы серьезно?.. Такая легенда в самом деле что-то значит в нашем насквозь пролиберальненном обществе?

Он развел руками.

— При всей свободе отношений в нынешнем свободном демократическом мире остается прослойка людей, что выступает за традиционные ценности. Их уже немного, однако...

— Однако что?

— Однако, — договорил он, — эти люди обычно занимают более привилегированное место в обществе. Я имею в виду, наверху. Власти и средств в их руках неизмеримо больше в процентном отношении, если брать их мизерную численность. Потому, готовя вам легенду, мы их тоже принимаем во внимание. А остальному демократическому большинству, кото-

рое и так ничего не решает, все равно, в браке вы или нет, так что ваш имидж будет защищен со всех сторон.

Ингрид сидит злая и надутая, а я сказал в нетерпении:

— Хорошо-хорошо. Договорились. Вы как-то обеспечиваете моей лаборатории грант в размере миллиона долларов, а я поступаю в ваше распоряжение... на одно-единственное задание. Что случилось такое особое, что вы, отодвинув своих прыгающе-стреляющих суперменов, решили обратиться ко мне?

— Хорошо, — сказал он, — Ингрид, ты можешь пока выйти. А я этого товарища введу в курс дела.

В дверь стукнули, вошел в таком же элегантном костюме, только стального цвета, высокий и приятно улыбающийся мужчина, хорошо сложенный и с пропорциональной мускулатурой элитного гладиатора, которую не спрячешь даже под тканью костюма от Гриффина Бримли.

Не глядя в нашу с Ингрид сторону, спросил вежливо:

— Аркадий Валентинович... вызывали?

Ингрид прошла мимо него в коридор, а Мещерский сказал коротко:

— Да.

Дверь за Ингрид захлопнулась плотно, Мещерский выждал чуть и сказал в мою сторону ровным голосом:

— Это майор Бондаренко Ростислав Васильевич, заведующий общим отделом. Ему предстоит подготовить легенду для Ингрид и вас, Владимир Алексеевич. Семейная пара, пять лет в браке, она богатая наследница, вы женились как бы не ради денег, но стали обладателем пары контрольных пакетов где-нить... Ростислав Васильевич, подберите что-нить нейтральное,

а на личный счет счастливого жениха должно капнуть два-три миллиона долларов.

Я напомнил:

— Договаривались о десяти! Иначе женитесь сами.

— Остальное в акциях, — напомнил он. — Солидные люди поступают именно так. А если все деньги на счет — это мечта бедняков.

Я буркнул:

— Ладно. Хотя я вообще-то и есть бедняк из бедняков.

— Бедность не порок, — сказал Мещерский, — хотя, конечно, наука голодать не должна.

— Но голодает, — сообщил я, — кстати, во всех странах.

Он вздохнул.

— Мы все еще не в идеальном мире... Словом, у нас назрела крайне щекотливая ситуация... в разрешении которой не помогут навыки спецназа, умение точно стрелять в темноте или прыгать по крышам. В общем, нужны люди, умеющие правильно оценить ситуацию.

Бондаренко подсказал тихонько:

— Оценить и принять решение.

— Ого, — сказал я. — А после «принять решение» что-то следует еще?... Выстрел в затылок, удавка на шею или удар ледорубом?

Они переглянулись, Мещерский поинтересовался с каким-то странным выражением:

— Почему именно ледорубом?

Я сдвинул плечами.

— Не знаю. Так, странная ассоциация. Возникла — и все тут. Поэтическая вольность. Не обращайтесь внимания.

Они переглянулись снова, Бондаренко промолчал, Мещерский проговорил с некоторой заминкой:

— Вы как будто мысли читаете... Нет-нет, никаких ледорубов, никаких убийств не требуется! Совсем наоборот. Мы крайне заинтересованы в жизни и здоровье некоего... товарища.

Бондаренко подсказал:

— Он крупный партийный деятель в недавнем, по меркам истории, прошлом. Член ЦК КПСС, кандидат в Политбюро КПСС, заведующий весьма важным отделом...

Я взглянул остро.

— А-а, так вот почему эта ассоциация с ледорубом?.. Странно, если вы не хотите его... рубануть, то при чем тут ледоруб?

Мещерский поморщился, а Бондаренко сказал терпеливо:

— Наверное, потому, что его хотят рубануть другие. Не обязательно ледорубом, но... вы очень чуткий человек, Владимир Алексеевич. Хотя оценили ситуацию неверно, но ощутили нечто эдакое, верно?

Я поинтересовался:

— Если вам нужно его всего лишь охранять, то что может быть проще? Поместить на правительственную дачу, поставить хорошую охрану... Как я понимаю, он человек пожилой, даже очень пожилой, никуда не ездит, разве что сидит в кресле-качалке на веранде и любуется на закат...

Мещерский вздохнул.

— Вы все понимаете верно. Все так и есть. Конечно же, он находится в охраняемом месте. Но одна тонкость. Он узнал об угрозе своей жизни и напомнил нам, что в день его смерти начнется рассылка весьма важных документов.

Я уточнил:

— По инету?

— Да, — подтвердил он. — По емэйлам, скайпу, мессенджерам и прочему-прочему. Во все СМИ, всем лидерам... Электронная почта позволяет отправить миллионы писем в одну секунду, таково наше паршивое для работы секретных служб время.

— Оно дает и возможности, — напомнил я. — Инет можно отрубить, заглушить, да вообще сотни способов перекрыть кислород любой электронике.

Мещерский вздохнул.

— Как раз этого делать и нельзя.

— Прекращение связи, — спросил я, — вызывает рассылку автоматически?

Он кивнул.

— Да. Вы все понимаете с полунамека. Программа «Мертвая рука». Надеюсь, капитан Волкова у вас чему-нить научится. Если этот человек перестанет подавать сигнал, останавливающий рассылку, будет катастрофа.

Я спросил внезапно:

— А эта легенда насчет крепкой семьи по пролетарскому образцу... это не для него ли создается?

Он посмотрел на меня с интересом.

— Вы все схватываете чрезвычайно быстро. Да, хотя и в нашем руководстве предпочитают людей с крепкими моральными устоями, но еще больше на устойчивых семьях были зациклены в ЦК КПСС. И этот товарищ как раз из тех мамонтов.

— Гм...

— Обстановка непростая, — сказал он невесело. — Первое, у нас есть сигналы насчет раскачки ситуации. Кто-то не прочь вынудить его все-таки обнародовать документы. Для этого и были совершены два покушения...

— Ого!

Он отмахнулся.

— Да это были больше демонстративные, вынуждающие сделать шаг. Он и сделал. Хотя у нас есть предположения, что это был для него только повод.

— В смысле?

Бондаренко сказал, понизив голос:

— Он сам хочет обнародовать.

Я сказал медленно:

— Давайте попробую догадаться. Он потребовал, чтобы разобрались с этим... вопросом. А вы, не придя к единому решению, решили... попытаться привлечь меня, человека со стороны?

Мещерский развел руками.

— Ситуация уникальная. Раньше таких не возникало... да и не могло возникнуть. Но теперь мы видим, с нашими методами, пусть и получаем самую совершенную технику для исследований, все же иногда не успеваем своевременно реагировать на новые вызовы. Вы — доктор наук, блестящий ученый... такую характеристику вам дают в Центре биотехнологий, и только благодаря тому, что вы мыслите несколько иначе, чем наши сыщики, вы сумели отыскать те двадцать украденных миллионов.

Я усмехнулся.

— Потому что их украл кандидат наук, а не мелкий воришка с улицы.

— Вот-вот, — сказал он, пропуская мимо ушей намек, что им под силу ловить только мелких воришек, — нужен новый подход, новый взгляд, новая концепция.

Я поинтересовался:

— А можно узнать, что же за такие тайны этот престарелый член партийной элиты хранит и лелеет?

Они снова переглянулись, Мещерский сказал мягко:

— Это, как вы понимаете, тайна. Но раз уж вы взялись за эту проблему... а вы точно взялись?.. то вам все будет открыто... как бы поневоле. Потому сядьте поудобнее, нам сейчас принесут кофе и булочки, я расскажу все подробно.

Наш разговор, как понимаю, мониторится, и вообще все пишется по крайней мере с трех камер, ага, вижу, что-то горблюсь, надо плечи чуть раздвинуть, и лицо у меня несколько испуганное, с чего бы...

Дверь приоткрылась, пропуская в кабинет женщину с подносом в руках, три большие чашки, молодцы, не люблю это выпендривание псевдоэстетов, что пьют из наперстков, а еще там широкое блюдо с булочками и печеньем.

Она быстро расставила перед нами чашки, я уловил от нее аромат духов «Эстерелла», руки сильные, чувствую железную хватку даже по тому, как взяла и красиво опустила на середину стола блюдо с булочками и сладостями.

Судя по ее точному взгляду, за мгновение осмотрела меня и дала оценку, которую, увы, не вижу в ее мозгу, но это нетрудно высчитать почти со стопроцентной достоверностью по ее вроде бы неподвижно приветливому лицу, жестам, движениям, едва заметному сдвигу лицевых мускулов.

— Спасибо, — сказал Мещерский.

Бондаренко кивнул, я тоже промолчал, только проводил ее взглядом. Девушка примерно в звании лейтенанта, кофе и булочки внесла в самом деле без явного заказа, точно следят за каждым нашим словом и движением. Здесь такое место, что шпионят друг за другом и считают это нормой, в таких местах все помешаны на сохранении государственных тайн.

Я мерно отхлебывал кофе, в самом деле хорош, толк знают, во всех кофейнях мира побывали, восточные сласти тоже вполне, надо и у нас в лаборатории такие же, а то бесконечные бутерброды уже чересчур, будто у нас в самом деле фантазия заканчивается на митохондриях.

— Итак? — сказал я.

Бондаренко задержал чашку у рта, взглянул на меня в упор через фарфоровый край.

— Мы вам рассказываем все очень подробно, — произнес он замедленно и тяжеловесно, — потому что вы... человек науки. Не руководствуетесь лозунгами, энтузиазмом и прочими не имеющими к делу вещами. Я просто уверен, что примете нашу точку зрения.

Мещерский уточнил с самым хмурым видом:

— Только учтите, нет такой вещи, как наша точка зрения. Мы и сейчас оцениваем... каждый по-своему. Но так как мы тоже ученые... ну, не в общепринятом смысле, еще как ученые, то все еще не поубивали друг друга.

— Я думал, — проронил я, — у вас дисциплина.

— Она есть, — ответил Мещерский, — и она строгая. Но это после принятия решения. А его еще не приняли. Надеюсь, примем после вашего доклада.

— Сейчас тот случай, — вставил Бондаренко, — когда политики готовы прислушаться к мнению ученых.

— Редкостный случай, — пробормотал я.

— Разве, — ответил он, — не во всех странах так?..

— Польщен, — пробормотал я с некоторой тревогой. — Надо было запрашивать больше... Ладно, я готов слушать.

Мещерский сказал деловым тоном:

— Итак, вы получили допуск, подписали о неразглашении и прошли все прочие формальности. Да-да,

сейчас нас мониторят и докладывают о ваших реакциях. Рад, что вы приняли окончательное и бесповоротное решение, теперь могу посвятить вас в наши сложности.

— Да-да, я уже скрестил пальцы.

Он сказал, морщась:

— Стельмах Валентин Афанасьевич, так зовут нашего последнего из ЦК КПСС, утверждает, что СССР развалили не США. Что США как раз больше всех были заинтересованы в сохранении советской власти, так как под властью коммунистов Россия постепенно слабела, а США наращивали преимущество.

Я спросил, чуточку прибалдев:

— А кто же развалил...

— КГБ, — ответил он с огромной неохотой. — Стельмах утверждает, что это была тщательно спланированная и продуманная во всех деталях операция, которую КГБ осуществил просто ювелирно.

Я пробормотал:

— Но это же бред!.. И пусть утверждает... Ему сколько лет? Девяносто? Так у него уже старческая деменция!

Бондаренко помалкивал, а Мещерский тяжело вздохнул.

— Он абсолютно здоров. Практически все члены Политбюро ЦК КПСС еще в те далекие времена доживали как минимум до девяноста годков, а многие и больше. А сейчас тем более... Но дело не в этом. По нашим сведениям, у него есть какие-то документы, которые он намерен опубликовать. Или просто обнародовать. Сейчас с этим просто, черт бы побрал эти технологии! Достаточно выложить в Сеть, мигом разлетится по всему миру.

Я сказал медленно:

— Простите, но разве Стельмах был членом Политбюро? Такой фамилии нет даже среди кандидатов в члены.

Они переглянулись, Можайский поинтересовался вежливо:

— А вы откуда знаете?

— У нашего ректора, — сообщил я, — в кабинете висели портреты членов Политбюро. Он даже потом в КПРФ не восхотел вступать, заявил гордо, что все еще член КПСС... Хотя, думаю, это была просто бравада и ностальгия.

Можайский сказал с уважением:

— У вас хорошая память.

— Спасибо, — ответил я.

— Действительно, — произнес он, — Стельмаха в списках Политбюро нет. И никогда не было.

Я сказал живо:

— А-а, под программой защиты?... Придумана другая биография?

Он ответил с неохотой:

— Его настоящая фамилия не Стельмах, понятно, но программой защиты и не пахнет. Она для людей попроще, а это один из тех, на плечах которого держалась система. У них все особое.

— Как и сейчас, — добавил Бондаренко.

Можайский с чашкой в руке поднялся, прошелся по кабинету. Бондаренко тоже застыл в размышлениях, опустил чашку на стол, а Мещерский некоторое время смотрел в окно, медленно отхлебывал кофе.

— Хорошо, — сказал он, не поворачиваясь. — Ростислав Васильевич, распорядитесь. Вертолет, снаряжение и... все остальное. Предупредите встречающих... А вам, Владимир Алексеевич, рекомендую

пока заскочить в нашу столовую на втором этаже. Ваша напарница покажет. Заодно убедитесь, что не шикуюем. Вылет через полчаса.

Глава 5

Ингрид ждала в конце коридора, чуть присев на подоконник, увидела, соскочила. За моей спиной хлопнула дверь, я не оборачивался, это вышел майор Бондаренко.

До Ингрид оставалось несколько шагов, когда он догнал меня и сказал властно:

— Товарищ Волкова подождет еще пару минут, а я дам пару советов на дорогу...

— Но мы же с нею напарники? — спросил я.

Он кивнул.

— Но старший вы. Вам отвечать за успех операции. Сюда, в эту комнату.

Похоже, это его кабинет, чувствуется некая бондаренковскость, занимает его уже не первый день, обжил.

Я вежливо остановился у порога, он прошел к креслу по ту сторону большого канцелярского стола, кивнул на стул напротив.

— Присядьте, Владимир Алексеевич. Я не задержу вас надолго.

Я сел, ответил сдержанно:

— Слушаю вас.

— Я рад, — сказал он, — что у вас все в порядке.

— У меня и было в порядке, — ответил я вежливо.

Он криво усмехнулся.

— Ученые чувствительны к словам... Я имел в виду, в порядке, что все поняли, приняли, согласились, понимаете, о чем речь?

— Да, — ответил я. — Полковник Мещерский, как вы слышали, ввел меня в курс дела.

Он поморщился.

— Да-да, ввел, но слишком вкратце. Я предпочел бы, чтобы вы знали больше. К тому же у нас с ним несколько разные точки зрения на то, что произошло, но, смею уверить, моя более точная.

Я поддакнул:

— Еще бы! Вы же майор, а он уже полковник. Мы же чем моложе и ниже по званию, тем умнее, верно?

Он взглянул остро.

— Что, по мне видно, как заношусь? Впрочем, это неважно. Моя точка зрения зиждется на том, что я больше знаю. У меня допуск к секретной информации хоть и не шире, но к этой — полный, анализировать я тоже умею. Я не хочу сказать, что полковник ошибается, но у него масса и других дел...

— Как и везде, — согласился я. — Чем выше пост, тем шире поле деятельности. Генерал вообще видит лес, а не деревья.

Он кивнул, лицо чуть потеплело.

— Вы совершенно правы. Тот человек, к которому вас направляем, как вы уже слышали, академик, доктор наук, автор очень примечательных работ мирового уровня. Еще он крупный партийный деятель. Член ЦК КССС, кандидат в члены Политбюро КПСС, заведующий весьма важным отделом... Это вы уже знаете. Осталось добавить только, что он был одним из той инициативной группы, что продумала детальный план роспуска Советского Союза.

— Ого, — сказал я.

Он спросил остро:

— Что вас задело?

— Слово «ропуск», — пояснил я. — Не развал, а ро-
пуск.

Он кивнул.

— Вы реагируете очень быстро. Это хорошо. Именно в этом и дело. Идею о роспуске СССР начали вынашивать в середине правления Брежнева, когда тот еще был силен и бодр. Именно тогда начали медленно подбирать людей, прорабатывать детальные планы... Все-таки у нас не Латвия какая-нибудь, что хоть по численности, хоть по размерам мельче любого из районов не только Москвы, но уже и Перми. Приходилось иметь дело с множеством разнонаправленных факторов, и было видно, что обязательно чем-то придется жертвовать.

Я пробормотал несколько ошалело:

— Признаться, я не думал, что... что это была наша инициатива. Все-таки вся пресса, наша и госдеповская, да вообще весь мир трубит о том, как Запад эффектно победил и завалил такого слона.

— Первые публикации сделали наши люди, — сообщил он. — Там и здесь. Правда, некоторые за океаном, кто поумнее, ошалели от такой неожиданной победы. ЦРУ вообще заявило, что оно ни сном ни духом. По его прикидкам, нашей стране ничто не грозило ближайшие десятилетия, но им самим заткнули рты свои же восторженные политики, что поспешили приписать победу себе, своей мудрости, мужеству и дальновидности... словом, вы знаете, что они все говорят в подобных случаях.

— Гм, — сказал я, — да, это ударило даже по моим мозгам.

— Это потому, — заверил он, — что вы о политике вообще не задумывались. Вы ученый! Потому все, что

не касается вашей нейрофизиологии, принимаете на веру. Либо вообще не обращаете внимания.

— А почему, — спросил я осторожно, — было принято такое решение? Если, конечно, вы в курсе.

Он пробормотал:

— Конечно, в курсе. Вообще-то это можно было сделать еще во времена Хрущева, такие идеи возникали, но мы же такие, пока жареный петух не клюнет... Да и нужно все-таки, чтобы созрело и общество, и часть элпээров...

— Элпээры? — переспросил я.

Он кивнул.

— Так тогда называли лиц, принимающих решения. ЛПР!.. Директор предприятия был на виду, а рулил на самом деле секретарь райкома. И так на разных уровнях. КГБ окончательно пришел к идее роспуска СССР еще в начале эры Брежнева. Уже тогда было видно, что идея на сознательность людей дала серьезную трещину. Человек может быть сознательным и правильным какое-то время, но не всю жизнь.

Я спросил:

— Так почему же тогда...

Он вздохнул и развел руками.

— Почему не отказались от идеи коммунизма еще тогда? Вы не поверите, об этом не говорят... да и раньше не говорили, но для всего мира, для всей цивилизации это было бы слишком большим потрясением. Коммунизм в то время был самой чистой, светлой и благороднейшей идеей. Очевидно, как человек молодой, вы даже не знаете, что во всех цивилизованных странах мира были мощные Коммунистические партии? Они были и в нецивилизованных тоже, но самые сильные в Германии, Франции, Испании и прочей Европе, а за океаном — в США. Там вообще настолько

страшились Коммунистической партии США, что в нарушение всяческих демократических принципов добились ее запрета, тогда еще была создана сенатская комиссия Маккарти, что проверяла всех граждан Америки на принадлежность к Коммунистической партии и тут же лишала таких всех постов, изгоняла с работы...

Я обронил:

— У Гитлера самым опасным конкурентом была Коммунистическая партия Германии. Ее удалось обойти только благодаря тому, что Гитлер сделал ставку на самое примитивное в человеке: национализм. Все-таки в любом обществе примитивных людей больше, чем воодушевленных светлыми идеями.

Он взглянул на меня благосклонно.

— Вот-вот. И все смотрели с надеждой на СССР, где коммунизм победил и строит справедливое общество для всех людей мира, а не только для русских. Как... скажите, как все это обрушить?.. Все лучшие люди мира, самые честные и совестливые стремились помочь нашей стране!.. Таких были тысячи и тысячи, кто, рискуя жизнями, делал все для того, чтобы СССР жил и строил самое правильное общество будущего!.. И вот представьте себе, правительство СССР принимает решение отказаться от строительства коммунизма...

— Не представляю, — сказал я искренне.

Он кивнул.

— Именно. Это вызвало бы потрясение во всем мире. В первую очередь среди тех, кто смотрел на СССР с надеждой и верой, кто сочувствовал и в меру сил старался помочь, пусть даже протестами и митингами в своих странах. Для них это было бы... как грязным молотом по хрустальной посуде!

— Я это могу представить, — пробормотал я.

— Потому, — сказал он невесело, — еще несколько лет искали пути не столь болезненного выхода из нарастающего кризиса. Одновременно усиливались нехорошие тенденции в демографии, что становились все тревожнее. Подготовка к отсоединению шла давно. Помню, однажды запустили в печать статистику, в которой указывалось, что среднеазиатские фрукты в десять раз выше по стоимости на базарах, чем белорусская картошка, что принималось как данное, но цифры убедительно доказывали, что себестоимость такая же точно один в один, картошку выращивать ничуть не легче, а то и труднее, чем мандарины, персики, алычу, гранаты и прочую как бы экзотику.

Он умолк, глядя на меня вопрошающе, я понял, что нужно что-то сказать, проговорил осторожно:

— Да, теперь я это знаю. Но тогда, наверное, люди впервые начали спрашивать, почему килограмм мандаринов стоит в двадцать раз дороже килограмма картошки?

— Вот-вот, — сказал он со сдерживаемым жаром. — Потом очень осторожно начали доводить до их сознания мысль, что среднеазиатские регионы, как и весь Кавказ, всегда были дотационными регионами и до сих пор висят тяжелым грузом на шее России. Но, обиднее всего, как раз дотационные регионы и кричали больше всего, что Москва их объедает и что без проклятых русских у них был бы рай!

Я невесело усмехнулся.

— Только из-за этого и стоило распустить Советский Союз.

Он посмотрел на меня внимательно.

— А вы, как ни странно, угадали. Нет, это была не единственная причина, но достаточно весомая. Нелег-

ко всю жизнь слышать оскорбления, что живешь за чужой счет, особенно когда сам кормишь оскорбляющего!.. Это тоже был весомый камешек на чашу весов. Не экономический, но очень весомый, так как сильно ранил чувство справедливости.

— Понимаю, — проронил я.

— Вот так постепенно, — сказал он, — подготовили и сам народ. Дескать, ломка будет достаточно болезненная, но зато потом Россия выйдет из нее сильной, без гирь на ногах. А те, кто кричал, что кормят Москву, пусть попробуют хотя бы себя накормить...

Я сказал осторожно:

— Звучит достаточно убедительно.

Он усмехнулся.

— Дело не только в убедительности происходящего. У меня тоже сохранились кое-какие материалы по подготовке к роспуску Советского Союза и отсоединению социалистических республик. Для этого КГБ тайком поддерживал рост национального самосознания, так это говорится, хотя на самом деле это были всего лишь отмороженные националисты, но они постепенно входили в силу. И когда Советский Союз как бы распался, националисты уже были готовы начинать строить свое государство в каждой из республик.

Я поморщился.

— Но это не лучший вариант.

— Других не было, — заверил он. — Нужна была простая, понятная объединяющая сила. Национализм понятен интеллектуалам и простому народу в равной мере! Нельзя было строить новое государство ни на коммунистическом наследии, ни на западном... которого еще не было. Кроме националистов никто не

брался! Потому сейчас я вас отпускаю в столовую, а то Волкова заждалась, а затем сразу и вылетайте.

Я поднялся, поинтересовался:

— Не автомобилем? Тут же близко?

— Вертолетом быстрее, — ответил он без улыбки. — Вы же ученый, секунды бережете?

— Вы не представляете, — ответил я с чувством, — как они бездарно тратятся!

Он поднялся, собрал в папку бумаги, я ждал, он взглянул мне в глаза строго и требовательно.

— Надеюсь, обстановку оцените быстро и правильно. Мы доверяем вашему решению.

— Ой, — сказал я с опаской, — а можно как-то иначе? Я, бывает, сам себе не доверяю. Да и вообще, это же значит, мне и нести ответственность?

— Не любите? — спросил он понимающе.

— Не выношу, — признался я.

Он вздохнул.

— А кто из нас любит?.. Но раскрою вам страшную тайну, если не мы, то кто? Уже не в стране, в мире кадровый голод. Жизнь усложнилась резко, и вдруг стало не доставать людей, которые... могут. Все хотят отдохнуть, наслаждаться жизнью, ни хрена не делать... Так что действуйте, Вольдемар.

Я вскинул брови.

— Что, посмотрели мой ник?

— И ваших персов, — сообщил он. — Играете редко, но очень... продуманно. Ваш характер как на ладони. Ингрид на вас злится, чувствует ваше превосходство, хотя вы им не козыряете, но она человек военный, подчиняться будет беспрекословно.

— Ей даны такие инструкции?

— Достаточно вас назначить старшим в группе, — ответил он.

Глава 6

Ингрид при виде меня, выходящего из кабинета Бондаренко, быстро пошла навстречу, вздернутая, чутьочку обиженная и настороженная.

— Ну что?

— Получены последние инструкции, — сообщил я. — Командую я во всем и везде, ты моя рабыня. Во всех действиях, кроме секса, даю тебе свободу, как Стенька Разин простому и даже очень простому народу с его придавленными Фрейдом инстинктами. Где тут ваша королевская столовая?

Она критически оглядела меня с ног до головы и обратно.

— Ожил... А я когда вошла в лабораторию, ты вроде бы жрал?

— Мышек кормил, — пояснил я. — А сейчас ты моя мышка. Заодно и сам покушаю немножко.

— Знаю твои немножко, — буркнула она. — Но ты уже не тот хиляк, это заметно. Хотя еще и не человек.

Столовая никакая не столовая, а крохотное помещение с тремя столиками, хотя, как понимаю, в таком здании их около десятка, но сделано уединенно намеренно то ли в условиях секретности, то ли еще почему-то.

Ингрид заказала полноценный обед, я предпочел вместо первого блюда два вторых и с удовольствием резал и пожирал сочные бифштексы, пока она работала ложкой.

— Они что, — поинтересовался я, — в самом деле считают нас командой?

Она покачала головой.

— Нет.

— А что?

— Тебя считают, — сообщила она с мрачной иронией. — А меня присобачили разве что... как телохранителя?

— Как надзирателя, — уточнил я. — Все-таки ты доверенный у них человек. А я все еще темная лошадка.

— И слишком независим, — согласилась она. — Сам понимаешь, в силовых структурах не может быть независимых исполнителей.

— А я исполнитель?

Она замялась с ответом, то ли опасаясь меня обидеть, то ли еще сама не до конца поняла мою роль.

— Да... но не только. Похоже, у тебя роль исследователя... Или нет, судьи! Ты должен что-то решить.

— Ни фиги себе, — ответил я с тревогой. — Этого мне еще недоставало! Почему я?

— Мнения наверху разделились, — ответила она. — Потому от твоего решения будет зависеть, как поступить. Передай соль.

Я подвинул ей стеклянную коробочку, хотя и сама могла бы дотянуться, но такая просьба что-то значит или о чем-то говорит, не знаю, да и знать такое не изволю, и так слишком много всякой хрени в череп стучится, сколько ни ставь фильтры, все равно протискивается, обдирая бока.

С обедом я закончил первым, Ингрид тут же торопливо доглотала горячий кофе и поднялась.

— Пойдем! Пора.

Заинтересованный, я пошел следом, здание очень интересное, здесь столько электроники, проводов в стенах и даже толстых кабелей, что сразу и не сообразишь, для чего все это, а Ингрид быстро сбегала по ступенькам вниз, дальше по коридору, в конце открыла незаметную дверь.

Вспыхнул свет, я рассмотрел уходящие вниз ступеньки. Она толкнула в спину, я невольно сделал пару шагов вниз, услышал, как сзади защелкнулись замки.

— Готика, — сказал я с чувством. — Мрачные подвалы... Камеры пыток где-то здесь? Поблизости?

— Не болтай, — бросила она.

— Госдеп подслушивает?

Ступеньки привели в неглубокий тоннель, просторный и хорошо освещенный. Чувствуется, пользуются им часто: чисто, воздух свежий, вентиляторы и очистители работают исправно.

Если сосредоточиться, то могу даже сказать, сколько человек прошло здесь за последние трое суток, но эта информация ничего не даст ни мне, ни отечеству, кроме головной боли от перенапряжения, а я на службе ГРУ предпочел бы получить миллион долларов без напряжения. Не потому, что ленив или так уж берегу себя, а как-то стыдно напрягаться на службе у власти, тем более, выполняя задание самого репрессивного ее органа, я же все-таки либерал недодавленный, обязан быть в оппозиции, и если власть говорит, что дважды два равняется четырем, должен кричать, что семь или двенадцать, а то и вовсе насчет стеариновой свечи.

Тоннель, как я понял, идет под шоссеиной дорогой к высотному зданию на той стороне улицы, так что когда в конце тоннеля показались снова ступеньки, но уже вверх, я понимал, где мы находимся.

Ингрид все время шла впереди, в руке смартфон, время от времени водит кончиком пальца. Я не то чтобы очень уж любопытный, но, как в том детском журнале с характерным названием «Хочу все знать!», предпочитаю действительно знать, что происходит вокруг меня и может коснуться моей драгоценной персоны.

Да и вообще в нашем открытом и прозрачном обществе уже исчезли даже такие, казалось, незыблемые устои, как запрет на подслушивание, подсматривание и чтение чужих писем.

Сперва за нами подслушивали и подсматривали власти, читая наши письма и даже эсэмэски, а теперь уже и мы свободны от этих старорежимных оков, сковывающих наши гражданские права, свободы и возжелания.

Она остановилась перед дверью, прислушалась. Я выждал чуть, спросил с интересом:

— Чё стоим?

Она приложила палец к губам. За дверью с той стороны послышался легкий приближающийся шум. Ингрид выждала, когда он оборвется, толкнула дверь.

Мы шагнули с боковой стороны в кабинку, как понимаю, самого обыкновенного лифта. Ингрид тут же нажала кнопку, кабинка быстро понеслась наверх.

— Удобно, — заметил я. — А как местные?

Она пожала плечами.

— А что местные?.. Иногда человек спускается, а потом вспоминает, что забыл в квартире на столе ключи от машины.

— Ну?

— А ты ни разу не видел, — сказала она саркастически, — как опускающийся лифт вдруг останавливается и, не открывая двери, устремляется снова вверх?

— А изнутри, — сказал я, осматриваясь, — дверцу лифта так просто не открыть? Я бы открыл.

— Ты бы да, — ответила она недовольно, — но в доме простые жильцы, что либо спешат на службу, либо вечером домой.

— Неплохо замаскировали, — согласился я. — Мало ли какие приборы и силовые установки в стенках,

но интеллигентных людей проблемы сантехников и лифтеров не интересуют, верно?

— Но ты же не сантехник?

— Все мы в этом мире сантехники, — ответил я.

Лифт домчал до последнего этажа, Ингрид мигом выскочила и повела к лестнице, а там через два пролета мы поднялись на плоскую крышу.

— Запаздывают, — проворчала она.

— Вон летит, — возразил я.

Она поджала губы.

— Он должен был коснуться колесами крыши в тот момент, когда мы появились на ней!..

— Непорядок, — согласился я. — Дисциплинка хромает. То ли было при Иосифе Виссарионовиче...

Она поджала губы еще сильнее, еще не зная, как реагировать, хоть и говорю очень серьезно, но трудно представить ученых, поддерживающих авторитарный строй, что делил науку на свою и чужую.

Хлопнула металлическая дверь, я не стал оглядываться, через телекамеры видел, как Бондаренко поднимается по лестнице, а теперь вышел на крышу и топает к нам.

Ингрид развернулась, я услышал ее удивленный голос:

— Ростислав Васильевич?

— Вышел вас проводить, — сообщил он. — Дело абсолютно непривычное, потому даже Мещерский в замешательстве. Ингрид, не кляни пилотов, я уже вижу... Это я велел им на пять минут позже, чтобы я успел сказать вам на дорогу пару слов.

Она смолчала, а я спросил:

— Простите, я человек науки, в политике совсем дикарь. Почему так важно сохранить это в тайне? Для

меня такое, простите, как-то диковато. Мы, люди науки, напротив, стараемся раскрыть тайны природы...

Он невесело усмехнулся, развел руками.

— Хороший вопрос. И нет ответа такого вот четкого, однозначного. Природа человека сложнее окружающей природы, а природа человеческих отношений так и вовсе... Некоторые наши говорят, что хрен с ним, пусть разоблачает. И времени уже прошло много, и, самое главное, народ увидит, что все было не так ужасно, как подается в прессе... хоть нашей, хоть госдеповской...

Я уточнил:

— Что, госдеповская и наша освещают одинаково?

Он кивнул.

— В точности.

— Почему?

Он сдвинул плечами.

— Интересы противоположные, но здесь совпадают. Конечно, нам хочется дать госдепу по рогам и сообщить ошеломляющую правду, пусть умоются...

— Ну-ну?

— С другой стороны, — ответил он невесело, — наше руководство и вся наша политика могут приобрести некоторый зловещий облик... Пугающий даже.

— Злокозненный, — пробормотал я. — Да, верно...

Он возразил с некоторой горячностью:

— А надо ли, когда во всех странах подают свою как прозрачную и абсолютно предсказуемую для любого человека? Хотя, как вы знаете, это совсем не так. Потому лучше промолчать, что это была самая масштабная спецоперация КГБ.

Я проговорил с некоторой растерянностью:

— Только сейчас начинаю понимать сложность того, что надо мне сделать... Хотя никакой злокозненно-

сти не было, но подготовиться, да, пришлось вам тайно, чтобы не сеять паники... Но все равно это бьет по мозгам. В народе считается, что именно КГБ охранял СССР...

Он кивнул.

— Академик Сахаров часто говорил, что в СССР осталась только одна абсолютно некоррупцированная структура, это КГБ. Эти слова даже «Голос Америки» несколько раз повторил в передачах на СССР, а потом и Би-би-си, но там был сделан акцент на том, что все остальное было коррумпировано. Это, конечно, ложь.

— Коррупции не было?

Он поморщился.

— Коррупция на уровне комиссионного магазина была, но не в верхах, как теперь. Суслов, серый кардинал Кремля, самый влиятельный человек Политбюро, всю жизнь прожил в однокомнатной квартире! Ни у кого не было дворцов, даже дети высших иерархов партии не пользовались привилегиями. Дети Сталина носили фамилию Джугашвили, а Микоян, когда его сын еще в детстве начал козырять, что его отец — член Политбюро ЦК КПСС, собственноручно избил его и сказал: «Это я Микоян, а ты пока еще никто!» Это к тому, что не было и намека на нынешнюю коррупцию, что уже и не скрывается... Тем более, немыслимым было такое чудовищное хамство, чтобы приемный сын взял себе в фамилию литературный псевдоним известного в партийных кругах писателя, что позволило сделать карьеру ему, а потом еще и внуку.

Ингрид завозилась беспокойно, он взглянул на нее и сдержанно улыбнулся.

— Да-да, я отвлекся. Просто задело за живое. Распускать в открытую было нельзя, это сразу было бы по-

дано еще тогда, что мы кинули своих братьев по Союзу! Потому вроде бы лучше сделать вид, что нас победили, разрушили Союз, и теперь это госдеп виноват в том, что происходит на Украине, в Прибалтике и вообще во всех бывших республиках СССР! Как, впрочем, оно и есть на самом деле.

Ингрид молча поглядывает то на Бондаренко, то на меня круглыми непонимающими глазами, и теперь вижу, что это просто сильная и волевая женщина, умеющая принимать быстрые тактические решения, но абсолютно не способная на стратегическое видение и мышление.

— Сложный выбор, — сказал я. — Это нечестно, я не могу решать такие вопросы.

Бондаренко сказал с горечью:

— Но теперь видите, у нас в Управлении нет общей точки зрения даже в своем узком кругу! Так что с Богом или как угодно, но постарайтесь как-то понять эту проблему и дать нам четкий и ясный доклад. Вы та песчинка или крохотный камешек, что склонит чашу весов в ту или другую сторону.

Над головой нарастал грохот, вертолет завис над серединой площадки, свирепый ветер от стремительно вращающегося винта прижал нас к стене.

Я зябко передернул плечами, это не вертолет, а его скелет: только пол и крыша с винтом, а вместо стен пара металлических прутьев, даже сзади нет двери, а огромный проем.

Полозья коснулись бетона, винт сразу начал вращаться медленнее, грохот утих, как и ветер.

Бондаренко сказал уже другим тоном, подбадривающим:

— К счастью, вам не придется ни стрелять, ни драться. Вообще ничего... из силового. А если вдруг, то на

это там охрана. Хорошая охрана. Как последний ресурс — Ингрид Волкова, она участник боевых операций в арабских странах, везде проявила себя достойно.

Я подумал, кивнул.

— Это хорошо, что мне ничего не придется. Я по состоянию здоровья не служил в рядах, и пистолета даже в руке не держал.

— Нам нужна только ваша голова, — заверил он. — И умение вести доверительную беседу... Ну, с Богом! Никогда не думал, что такое скажу...

— Все мы меняемся, — заверил я дежурно, хотя уверен, что меняться уже не буду, и так само совершенство. — Спасибо, что проводили.

Он крепко пожал Ингрид и мне руки, пилот уже в нетерпении выглядывает из кабинки, и мы побежали, пригибаясь, к вертолету.

Винт, не успев остановиться, снова начал раскручиваться. Через несколько секунд площадка на крыше словно отстрелилась и резко пошла вниз.

На некоторое время я ощутил, что гравитационная постоянная на этой планете равна девять восемьсот семь, атмосферное давление сейчас повышено, а солнечная вспышка была неделю назад, хотя мой организм ее практически игнорирует.

Ингрид быстро пристегнула меня широким жестким ремнем, совсем не то изысканное удобство, что в ее автомобиле.

— Это Спарта, — сказала Ингрид злорадно, — не кривись, ботаник!

— Можем выпасть?

— Теперь нет, — заверила она, — но если пилот вздумает сделать мертвую петлю, то тебе за шиворот кое-что затечет!

— Грубая ты, — сказал я с мягким укором воспитанного человека. — А мне уже почти показалось, будто ты леди. Или хотя бы женщина.

Глава 7

Ингрид, вижу по ней, на жестком сиденье вертолета чувствует себя так же комфортно, как и в роскошном автомобиле. На меня поглядывает насмешливо, слабак, хотя не вижу причин для гордости, это в питекантропье время мускулы и все такое ценились справедливо, но даже этот вертолет придуман и создан не благодаря мускулам. Да пошла она, дура... хотя, конечно, задевает.

Хотя я и умный, но инстинкт велит, что хорошо бы еще и быть сильным, ну как питекантроп. И таким же бесцеремонно грубым, что считается настоящей мужской чертой, мужским характером, как будто мужчины только воюют, а науку двигают женщины.

— Не смотри вниз, — произнесла она высокомерно.

— А что там?

— Голова закружится, — сообщила она.

— У тебя? — спросил я. — За меня не волнуйся, я знаю, что летим на вертолете с реактивным приводом несущего винта, на высоте тысяча семьсот двадцать четыре метра, аварии на нем случаются в семьсот семьдесят четыре раза реже, чем с автомобилями. К тому же вертолеты не выскакивают на встречу и не пересекают двойную линию...

Она фыркнула.

— Подумаешь, умник! Что, знание ситуации освобождает от страха?

— Конечно, — ответил я уверенно, хотя, конечно, соврал, но кто из нас не брешет женщинам. — Но тебе это не совсем понятно, инстинктивница?

Дома и коттеджные поселки, обступившие Москву на некотором расстоянии, это чтоб вдали от выхлопных газов, постепенно отодвинулись, а дальше внизу потянулся лес, даже на такой небольшой высоте похожий на мшистое болото.

Я даже не думал, что леса в Подмосковье такие дикие, даже Сибирь отдыхает. Разве что Дальний Восток, где в Приморье непролазные заросли, европейцам и не приснятся в самом страшном сне.

— Здорово, — сказал я.

— Что здорового?

— Чисто, — сообщил я. — Ни бутылок, ни пластиковых пакетов... Так и кажется, что вот-вот навстречу выйдут питекантропы. Кстати, эти леса были точно такими же.

Страх в самом деле нет, ну что тут особо страшного, я же не братья Райт, у которых первый полет. Все норм, уже все летают, вот-вот в продажу поступят автомобили со складывающимися крыльями, тогда вообще начнется веселое время, вертолеты перестанут быть самым безопасным видом транспорта.

А мир вообще-то дик и человеком не освоен. Что там говорить о необъятной Сибири или Дальнем Востоке, стоит взглянуть вниз, это Московская область, но вон в тех местах точно не ступала нога человека, настолько дремучие леса, где исполинские деревья вырастают, сгнивают от старости, на их месте поднимаются другие, и так миллион за миллионом лет...

Ингрид сказала бодро:

— Вон там на горизонте... вроде бы наше место.

Среди зеленого дремучего леса впереди проступило идеальное ровное и расчищенное место размером с футбольное поле, нет, даже побольше. В центре кукольный домик, таким кажется отсюда, изящный, в таком должна юная принцесса ждать принца на белом коне, а не доживать последние дни престарелый член Политбюро ЦК КПСС.

Ограду рассмотрел чуть позже, высоченный сплошной забор, через такой не перепрыгнешь, да и перелезть, думаю, непросто, наверняка поверху либо стекла, либо колючая проволока. Хорошо, если еще не под напряжением. Помимо основного дома в конце довольно ухоженного участка еще и гостевой, это точно для нас.

В сторонке роскошная теплица, выглядит хрустальным дворцом, что изо всех сил строил Чернышевский и в которой Достоевский из грязного подвала остервенело бросал камни.

Ингрид сказала с оценивающим видом:

— Далеко забрался!.. Смотри, к нему даже дороги нет.

— Как только и строили, — буркнул я.

Она посмотрела на меня с интересом.

— А то не знаешь, что армейский грузовой вертолет может целиком перенести весь этот дом?..

— А-а, — сказал я, сразу же посмотрел характеристики грузовых вертолетов, МИ26Т в самом деле может переносить даже корабли из одного моря в другое, — тогда да, лишь бы не развалился при транспортировке.

Особняк, как я оценил сверху, хорош сам по себе, но еще и стоит на стратегически выгодном месте, то есть на абсолютно гладком, словно готовили под газон.

По нему невозможно выстрелить с крыши небоскреба, как уже случилось недавно, разве что с вертолета, но нет на свете снайпера, чтобы с дрожащего и дергающегося вертолета попал даже в слона с сотни шагов.

Вертолет дернулся, чуть накренился, я невольно ухватился за поручень. Земля начала быстро приближаться, чересчур быстро даже для армейского вертолета, но в последний миг мотор протестующе взревел, пол трянуло, и через секунду полозья коснулись земли.

От далекого дома в нашу сторону заспешили двое, мужчина и женщина, оба в рабочей одежде.

Ингрид выскочила первой, издевательски подала мне руку. Я оперся, стараясь, чтобы в то же время не слишком, а то отдернет, свалюсь к ее ногам под хохот пилота и улыбки рабочих коттеджа.

— Спасибо, сержант, — поблагодарил я. — Вольно-вольно, не нужно так тянуться. Бить пока не буду.

Мужчина подбежал первым, рослый и с простым деревенским лицом, загорелый и обветренный, точно садовник, рукава рубашки закатаны выше локтей, руки тоже загорелые до черноты, заметны крохотные шрамы от колючек кустов роз.

— Я Грегор Ратник, — сказал он и протянул руку, — Грегор Иванович, но можно без отчества. Садовник.

Рукопожатие его показалось мне осторожным, хотя ладонь чуть ли не вдвое шире моей, но явно старался не повредить. То ли знает, что я с нейродистрофией, то ли просто выгляжу очень уж кабинетным ботаником.

Женщина подошла с довольной улыбкой во все лицо, тоже явно деревенской кости, крепенькая, загорелая, с живыми блестящими глазами.

— Тереза Карпова, — сказала она и крепко пожала мне руку, ее ладонь тоже вроде бы шире моей, обидно, — добро пожаловать!.. А то немножко скучновато...

— У вас нет Интернета? — спросил я.

Она засмеялась.

— Все есть, вечерами даже деремся в онлайновых!.. Вы — Владимир Алексеевич Лавронов?.. Не ожидала такого молодого красавца, вы же доктор наук, профессор?.. Можно, я буду вас звать просто Владимиром?.. А я Тереза без всяких длиннющих отчеств. А вы Ингрид, верно?

Ингрид с улыбкой обменялась с ними рукопожатием.

— Верно, — ответила она. — У вас тут красиво. Просто идеально красиво. Даже удивительно, как вам удастся все вдвоем.

Тереза сказала весело:

— Это все Грегор!.. Я только в доме.

Садовник улыбнулся.

— Здесь такая техника, одному можно обрабатывать участок. Еще зарабатывал бы у соседей, если бы они появились. Пойдемте в дом.

— Удивительное место, — сказал я на ходу. — И что, сюда в самом деле нельзя никак, кроме как на вертолете?

Он хохотнул.

— Удивляет?..

— Еще бы!

— Меры безопасности, — сообщил он. — Надежнее, когда все под контролем на много километров вокруг. Автомобили есть у всех, а вот вертолеты пока что частным лицам не продаются.

Я сказал:

— Но можно и пешком.

— Точно, — согласился он, — однако на ключевых высотах видеокамеры. Уже молчу, что со спутников каждый сантиметр как на ладони ребенка. Кто бы ни вздумал подойти к усадьбе достаточно близко, его еще задолго до этого будут вести на мушке.

Ингрид бросила быстрый взгляд по сторонам.

— Все верно, коттедж умело упрятан в лесу, участок обнесен высоким забором, видеонаблюдения и лазерные средства оповещения, круглосуточная охрана, тут уж снайперу не подобраться! Небоскребов поблизости нет, а с вершины дерева тоже не достать.

Грегор добавил:

— Только с вертолета.

— С вертолета прицельный огонь вести невозможно, — авторитетно сказала Ингрид.

Умники, подумал я с отвращением. Еще бы сказали, что лошади кушают овес и сено, а Волга впадает в Каспийское море.

— Вертолет и сбить легко, — добавила Тереза. — Пойдемте в дом.

Красиво вымощенная булыжником дорожка привела к крыльцу, по обе стороны широкие перила с балясинами из белого мрамора под старину, мраморные ступеньки, но с синтетической дорожкой посередине, это чтоб в дождь или снег не поскользнуться, просторная веранда с белоснежным столом и такими же белыми стульями вокруг, двенадцать штук, но не думаю, что у хозяина бывает много гостей.

Грегор распахнул дверь в дом, сделал приглашающий жест.

— У счастью, вещей у вас нет, так что можете помыть руки и осмотреть нижний этаж. На второй пока не поднимайтесь, Валентин Афанасьевич работает.

— Вас только двое? — спросил я. — А начальник охраны?

Он коротко усмехнулся.

— Когда-то был не только начальник, но и сама охрана. Но потом в целях экономии убрали.

Я заметил сочувствующе:

— Да и техника следит днем и ночью.

— Не пьет и по бабам не ходит, — согласился Грегор. — А то тут раньше от безделья мужики дурели. Так что я теперь и охрана, и все-все, что не кухня.

Тереза мило улыбнулась и сказала мягким певучим голосом с отчетливым полтавским акцентом:

— Не знаю, надолго ли вы здесь, но, надеюсь, вам понравится.

— Спасибо, лейтенант, — ответил я, она чуть дернулась, я сказал с сочувствием: — что-то не так? Вас нужно звать Анной Дмитриевной?

Она смирла меня сердитым взглядом.

— Не знаю, о чем вы говорите. Меня зовут Тереза.

— Да ладно, — ответил я с барской небрежностью, — раз уж мы тут, то мы знаем, где мы. Правда, капитан Васильковский?

Грегор не вздрогнул, но посмотрел на меня очень пристально.

— Не думаю, — произнес он сухо, — что понимаю вас.

Я отмахнулся.

— Не хотите, не надо. Я, кстати, тоже только Владимир Алексеевич, доктор наук нейрофизиологии и ничего больше. Покажите моей жене душевую, а я обойдусь.

Он кивнул, понимая и принимая мужское нежелание мыться, а «жене» гостеприимным жестом указал в коридор направо. Ингрид ожгла меня убийственным

взглядом, но смолчала и гордо прошествовала в ту сторону.

Я еще раз прошелся по записям двенадцати телекамер, установленных в коттедже, восемь снаружи и четыре в доме. Новейшие, широкоформатные, но поставили недавно, четыре месяца назад стояли попроще, вижу по качеству снимков, теперь же небо и земля, еще чуть — и будут снимать в 4К.

Домик только выглядит пряничным, заслуга облицовки, но толстые стены литые, бетон армированный, это не штатовские домики из тонких досочек, что проламываются кулаком.

Гостевой домик тоже только выглядит намного проще как по материалам, так и внутри. Мне хватило доли секунды, чтобы осмотреть все, включая оранжевую и теплицу, там тоже по видеокамере.

Дверь за Ингрид еще не успела закрыться, как я заинтересовался негромко:

— Вы ведь в курсе проблемы, не так ли?

Грегор кивнул и, бросив по сторонам осторожный взгляд, ответил совсем тихо:

— Мне предписано оказывать вам всяческое содействие.

— Прекрасно, — ответил я. — У меня резонный вопрос, почему товарищ Стельмах решил обнародовать именно сейчас?

Он развел руками.

— Вы что, телевизор совсем не смотрите, новостные сайты не посещаете?

— Если честно, — ответил я, — заглядываю только на специализированные по нейрофизиологии и смежным дисциплинам. А смотреть телепередачи... уж простите, но у меня в сутках всего двадцать четыре часа, которых и так недостает.

— Понятно, — ответил он, — человек науки. Но Валентин Афанасьевич тоже человек науки, только его областью является политика. Ее нельзя проводить, не зная, что хочет народ, что он потребляет, что ему вливают в уши.

— Дальше, — сказал я.

— Вы просто не замечаете, — заговорил он, чуть набирая темп, — какая на Западе сейчас поднялась целенаправленная волна клеветы против России!..

— Разве она когда-то стихала? — спросил я.

Он понимающе кивнул.

— И то верно. Но сейчас с особой силой везде и всюду постоянно подчеркивается, что СССР был чудовищной машиной репрессий, а вот благородный Запад сумел нас победить и сломать эту машину. За это весь мир должен целовать их в жопу и отдать нефть, землю и свободы. Потому Валентин Афанасьевич и сорвался, заявил, что обнародует всю правду и заткнет им вонючие пасти.

Я пробормотал:

— А может... он прав?

Он взглянул на меня остро.

— Может быть. Но может, и не прав. В управлении, как я понимаю, мнения расходятся. Но все-таки большинство полагает, что время для правды еще не настало. Сейчас это беречь еще не зажившие до конца раны.

— Но если большинство, — сказал я и замолчал.

Он уточнил:

— Не большинство, вы очень точно заметили нюанс, а наиболее... так сказать, умудренные. Или даже мудрые. Те, кто всегда отличался более точным подходом. И чьи прогнозы оправдываются.

— А почему тогда не выгнать остальных? — спросил я.

Он посмотрел на меня с укором.

— Вы серьезно? А кто придет на смену?.. Это вас удалось привлечь со стороны, а остальных приходится выращивать у себя. Постепенно и эти горячие станут умнее.

Ингрид вышла из туалетной комнаты в самом деле освеженная, словно успела принять душ. Грегор посмотрел на нее и на меня, улыбнулся.

— Хорошо, что вы в самом деле муж и жена. Валентин Афанасьевич достаточно чувствителен в этом вопросе. Он как был, так и остался коммунистом. Особенно это касается нравственных ориентиров, брака и семьи. Как вы слышали, наверное, коммунистов, изменивших жене, вызывали на партсобрание и «прорабатывали», выясняли, почему он так поступил и что нужно сделать, чтобы отныне вел себя соответственно статусу семейного человека.

Ингрид бросила на меня быстрый взгляд.

— Ну... мы не настолько уж и муж и жена.

Он сказал успокаивающе:

— Я не слепой. Вы интересуетесь друг другом даже больше, чем муж и жена, а это очень-очень хорошо в вашей миссии.

Я пробормотал:

— Да какая там миссия... В Управлении опасаются, что кто-то пытается дестабилизировать обстановку. Потому мы здесь, чтобы чем-то помочь, если такое возможно, хотя, честно говоря, из нас хреновые помощники. Когда он нас примет?

Он взглянул на часы, сказал почти шепотом:

— У хозяина строгий режим дня. С утра работает до обеда, затем полчаса занимается в спортивном зале, а потом снова за бумаги...

— За бумаги? — переспросил я.

Он кивнул.

— Это стандартный оборот. Называем же емэйлы письмами, словно живем все еще во времена Екатерины Великой... Конечно, у него все в электронном варианте.

— Это хорошо, — сказал я. — Меньше шансов потерять. Сейчас он... в своем кабинете?

Он сказал так же негромко:

— В спортзале. Потом обед, затем снова работа. Уже до ужина. Вы это время пробудете в своем гостевом домике. Он обычно заканчивает в одно и то же время. После ужина свободен и примет вас.

Ингрид сказала быстро:

— Прекрасно. Передайте нашу благодарность.

Он взглянул на меня, я добавил:

— И восхищение, что не разводит розы, а продолжает работу.

— За розами слежу я, — сказал он, — но все верно, он не пытается выбирать работу полегче. В смысле, жизнь полегче. А благодарность передам, когда освободится.

Глава 8

На лестнице, ведущей со второго этажа, слышались шаги. Грегор и Тереза встали, мы с Ингрид переглянулись и поднялись тоже.

Он спускался неспешно, но уверенно, деревянных перил касается слегка-слегка, именно касается, а не опирается. На мой взгляд, в восемьдесят восемь выгля-

дит на шестьдесят, а то и меньше. Поджарый, жилистый, с худым костистым лицом и такими же плечами, смотрится все еще сильным и крепким, что проживет не меньше десятка лет в добром здравии, а дальше как получится.

Не замечая нас, прошел на первый этаж и скрылся за дверью кухни-столовой.

Ингрид проводила его тревожным взглядом.

— Всегда чувствую себя неловко с такими динозаврами, — пожаловалась она. — Кажусь себе такой глупой верещащей белкой.

— Ну, — сказал я великодушно, — чего уж белкой... Какая из тебя белка... Ты что-то крупное, еще не до конца исследованное ученым-испытателем в моем благородном облике.

— А все остальное, — сказала она язвительно, — при мне? Свинья ты.

Грегор сказал с легкой усмешкой:

— Пойдемте, покажу вам гостевой дом. Нужно было сразу, но я решил, что вам стоит показать обстановку здесь, это может дать какие-то ключи...

Тереза осталась в доме, а мы вышли за Грегором.

Я сказал мирно:

— Ингрид, ты чего? Разве это я назвал тебя глупой верещащей белкой? Это ты сама, как в зеркало посмотрелась... Топай быстрее, нужно собраться и обдумать, что говорить, когда он поужинает и примет нас.

— А вдруг не примет?

— Ну да, — сказал я, — ему же самому интересно.

— Думаешь, — спросила она шепотом, — интерес с возрастом не падает?

— Это ты в каком смысле? — спросил я с подозрением. — О каком интересе речь?

— Свинья, — сказала она в который раз, — я говорю вообще об интересе к жизни, к новым людям.

— Узнаем, — ответил я, — когда доживем до его возраста. Но, думаю, он нам скажет уже сегодня.

Грегор сказал деловым тоном:

— Не ссорьтесь, дети. Ну скажите же, что здесь красиво!

Дорожка вилюжится между роскошными клумбами с яркими цветами, плотно посаженными кустами черники, ежевики и черной смородины.

Я на ходу сорвал ягоду черники, полная и спелая, с готовностью лопнула во рту, заливая язык сладчайшим соком.

Грегор поощряюще улыбнулся.

— Выходите сюда пасться.

Ингрид кивнула, а я поинтересовался:

— Не жалко? Мы прожорливые. Особенно вот она... Видите, какая пасть?

Он хмыкнул.

— Все равно больше половины осыпается. Я тоже люблю ягоды, но больше тазика за один раз ну никак не съесть.

— Она вот съест корытце, — заверил я. — Ну и я поклюю из чашечки.

Он поднялся на крыльцо гостевого, где сразу потянул за ручку двери. Та послушно открылась, показывая чистый холл и дальше пространство гостиной со столом и креслами..

— В доме всего две спальни, — сказал он, — стандартная кухня, душ и ванная. Туалет тоже без наворотов, хозяин привык к удобствам, но без чрезмерности. Если что понадобится, лучше обращайтесь к Терезе. Я больше по двору, по саду.

Я спросил понимающе:

— Забор тоже в вашем ведении?

Он кивнул, по виду заметно, что понял к чему вопрос.

— Да. Как и то, что по ту сторону.

— А что вы знаете о проблеме? — спросил я. — Вы же знаете, что случилось. И даже зачем мы здесь.

Он бросил в мою сторону осторожный взгляд.

— Что случилось знаю, но ваша роль мне пока что неясна. Именно ваша, а не вашей жены.

— Я при ней, — сообщил я. — Интеллигентное с виду прикрытие. Ну, вид у меня интеллигентный, а так вы же знаете, поскреби интеллигента...

Ингрид, не слушая мое умничание, пошла осматривать дом, из ванной комнаты донесся ее довольный возглас.

Грегор посмотрел в ту сторону, лицо стало озабоченным.

— Она из тех, сразу видно, кто привык решать все вопросы пулей в лоб. Увы, здесь такое не катит. Напротив... Вы имеете дело со старой доброй системой рассылки, называемой иногда «Мертвой рукой». Вы уже наверняка знаете, он разместил на удаленных серверах секретные документы, которые появятся в Сети сразу же, как только палец отпустит кнопку взрывателя.

— А пароль подтверждает каждый день? — уточнила Ингрид, появляясь в дверях ванной.

Он вяло отмахнулся.

— Да хоть раз в неделю, нам не легче. Остановить это нельзя. Напоминаю, для того чтобы запустить рассылку документов, не нужно ничего делать! Напротив, чтобы не допускать, он каждый раз вводит код...

Она переспросила:

— А схватить и потребовать выдать пароль? Чтобы войти на сервер и уничтожить компромат?

— Потребовать, — переспросил он с легким сарказмом в голосе, — под пытками?

Она сказала сердито:

— Ну... есть же такие психотропные вещества? Сыворотка правды?.. А если нет, то допустимы и пытки. У нас общество гуманное, но не до идиотизма.

Он покачал головой.

— Такая сыворотка есть, но только для простаков. Так же, как легко обмануть детектор лжи, так же просто не поддаваться сыворотке... кто обучен, конечно. Кроме того, Валентин Афанасьевич способен продержаться и под пытками до тех пор, пока информация не уйдет в Сеть и во все издания. А нам не он нужен, а информация. И вообще... мне даже говорить неприятно о каком-то физическом воздействии. Валентин Афанасьевич прекрасный человек! И хотя работаю в Управлении, но Валентина Афанасьевича намерен защищать любыми средствами.

Я уточнил:

— Не информация вам нужна, как я понял, вы все это знаете не хуже него, верно?.. Вам нужно, чтобы это не попало в Интернет? Не стало достоянием всех-всех?

Он посмотрел на меня мрачно.

— Да, — ответил с таким неудовольствием, что я почти услышал хруст моих костей в его челюстях. — Да, это должно остаться тайной.

Ингрид сказала задумчиво:

— А попробовать проследить за самим кодом?

Он сказал раздраженно:

— Как? Подсмотреть?

— Подсмотреть, — согласилась она. — Не с помощью видеокамер, понятно. Но каждое прикосновение к клавишам можно ощутить, проследить, интерпрети-

ровать... Мой дедушка мог узнать телефонный номер, стоя спиной к телефонной будке...

Грегор сказал уязвленно:

— Каждый агент КГБ это умел, но такое было только в эпоху дисковых телефонов. Всего-то нужно считать щелчки. От единички при повороте диска два щелчка, а от девятки — одиннадцать. Но как сейчас?

Она указала на меня взглядом.

— Владимир говорит, что нет абсолютно одинаковых клавиатур! А еще даже при десятипальцевом методе нажим на клавиши разнится. Валентин Афанасьевич же наверняка печатает одним пальцем. Ну, пусть двумя. Разница ощутима, при коротком сеансе сличения всегда можно сказать, что человек печатал, прослушав только с помощью направленного микрофона стук клавиш.

Он проворчал:

— Боюсь, такое предусмотрено. И такие точки, куда можно взобраться с подобным микрофоном... под наблюдением.

— Я говорю о принципе, — сказала она обиженно и, гордо выпрямившись, отправилась исследовать кухню.

Он снова проводил ее обеспокоенным взглядом, что и понятно, никому из мужчин не нравится прыгающая и стреляющая женщина. И вовсе не потому, что вторгается в мужской мир и может в чем-то превзойти, хрен нас эти обезьяны с гранатами превзойдут, а что из-за женской неуравновешенности и эмоциональности наломают дров. Не зря же эти анекдоты про блондинок, а женщины все до одной блондинки.

— Ладно, — сказал он, — я пойду, а вы обустройтесь, отдыхайте. Если что, обращайтесь.

Он не добавил обычное «помогу», что и понятно, незачем брать на себя такие обязательства, а так — обращайтесь, а я посмотрю, может быть, и в самом деле пожелаю в какой-то малости помочь.

Ингрид вышла из спальни, довольно потирая руки, позвала кивком.

— Кухня здесь, несмотря на старинный домик, самая технологично продвинутая.

— Удручена?

— С чего бы? — спросила она обидчиво. — Люблю, когда все автоматизировано.

— Понятно, — сказал я, — ленивая.

Она поморщилась.

— Слушай, а нельзя проследить за этими его сигналами? Ну, что все в порядке, пока рассылка отменяется.

— Уже проверил, — признался я, увидел на ее лице удивление и ругнулся на себя, что вот так и проколоться можно. — Это просто. Любой продвинутый школьник проследит. Но его сигнал идет не на какой-то свой сопливый сайтик, где лежат эти материалы, а на крупные серверы разных компаний по всему миру. А там такая система, не буду вдаваться в подробности, сам их не знаю, ни одна секретная служба не взломает.

— Ну хоть что-то не знаешь, — ответила она с сарказмом. — А то прям говорящий попугай, а не профессор!

— Я не профессор, — ответил я, — хотя, конечно, доктор наук обычно и профессор. Ты вообще-то держись скромнее, женщина. А то вдруг и тут видеокамеры.

Она ответила шепотом:

— Что значит скромнее?

— Лежи на спине, — объяснил я, — раздвинув ноги. И все.

— Чего-чего? — протянула она. — А что можно?

— Стесняться, — объяснил я. — В советское время секса не было. Потому стесняться можно и нужно.

— Но что-то же было?

— Было совокупление, — сообщил я. — Был коитус, мужчина и женщина могли иметь стыд... это то же самое... еще копуляция, а то и вовсе копулирование...

— Как это то же самое?

— Эвфемизм, — пояснил я. — Это как ты говоришь гостям или хозяевам, что пошла помыть руки, а на самом деле отправилась срать. И хотя все понимают, что ты там срешь, пыхтя и выпучивая глаза, но никто в приличном обществе вслух такое не скажет, а при коммунистическом строе все были приличными, скромными и добропорядочными.

Она надулась, буркнула:

— Ты уверен, что везде просматривается и прослушивается?

— Нет, — ответил я, — но мы должны соблюдать конспирацию, не так ли?

— Тогда и тебе чего-то нельзя? — спросила она с надеждой.

— Мне можно все, — ответил я гордо. — При коммунистическом режиме примат мужчин поддерживался и культивировался. А женщина должна быть скромной, застенчивой и прилежной. У тебя как насчет застенчивости?

— Лучше, чем у тебя, — огрызнулась она.

— А мне и не требуется, — сообщил я. — Доминант должен доминировать. Ты давай раздевайся и становись в позу, а я подоминирую.

Она отрезала:

— Какую-такую позу? Сам сказал, я должна только лежать на спине и стесняться.

— Мужу нельзя перечить, — напомнил я. — Это из Библии перешло прямо в Устав ВКП(б)...

— Что за...

— Устав Всесоюзной, — пояснил я, — Коммунистической Партии Большевиков. Слово «большевиков» писалось со строчной, так как были еще и меньшевики, но про них решили забыть при Хрущеве и партию переименовали в КПСС. Гм, подумать только, как много из Библии позаимствовано для Устава Коммунистической партии... Чего рот открыла? Ложись и раздвигай ноги!

Глава 9

Мы успели отдохнуть, так это называется, хотя я успевал посматривать, что происходит в доме, и когда Грегор вышел и направился по дорожке с гостевому домику, я сказал с понятным оживлением:

— Думаю, хозяин уже ужинает.

— Откуда знаешь?

— Грегор идет к нам, — сообщил я.

— И что?

— Предложит, а здесь это равносильно приказанию, присоединиться к хозяину за чашкой кофе.

Она покосилась с недоверием.

— Откуда...

— Время, — сказал я. — Валентин Афанасьевич не будет долго наслаждаться ужином. Люди такого ранга не смакуют, а просто утоляют голод и снова за работу.

— И что, ты определяешь так точно?

— Я ученый, — напомнил я скромно. — Мы помещаны на точности, так как наука вся на точности и сверхточности. Но ты можешь лежать, так будет естественнее...

В дверь дважды стукнули, я ответил громко:

— Входите!

Ингрид вскочила и принялась поспешно одеваться. Дверь распахнулась, Грегор возник на пороге, я ощутил его профессионально ошупывающий взгляд, что пробежал по всему телу. На лице почти отразилось неудовольствие, что не увидел на мне ни автомата с двумя рожками, ни хотя бы парочки пистолетов в кобурах для скрытого ношения.

— Валентин Афанасьевич готов принять вас, — сказал он, абсолютно не обращая внимания на быстро натягивающую блузку поверх торчащих сисек Ингрид.

Она спросила почти сердито:

— Поужинал?

— Да, — ответил он, — а кофе пьет на веранде. Туда приглашает и вас.

— На фронтальной или задней? — спросила Ингрид.

— Я вас проведу, — ответил он.

Вторая веранда, что с задней стороны дома, просторнее, на ней кроме стола с овальной столешницей вдоль стены с десятков крупных ваз с живыми цветами. С той стороны стола в белом пластмассовом кресле сидит хозяин особняка с чашкой кофе в руке.

Мы приблизились, он улыбнулся нам и Грегору. Тот сказал торопливо:

— Валентин Афанасьевич, вот те товарищи, о которых предупреждали. Владимир Алексеевич и его супруга Ингрид.

Стельмах сделал небрежный жест в сторону кресел с правой стороны.

— Садитесь. Не слишком далеко, а то я начинаю подозревать, что слух мой уже не тот, что прежде. Владимир Алексеевич, вы мне вполне во внуки годитесь, так что буду звать вас Владимиром, так проще.

— Хорошо, Валентин Афанасьевич, — ответил я почтительно.

Он смотрел отечески снисходительно, и хотя под глазами трёхъярусные мешки, что оттягивают кожу почти до середины щеки, проклятая гравитация, но сами глаза мудрые, понимающие, и с той добротой, что либо политик с вот таким стажем, либо в самом деле уже осточертело идти по трупам, а костюм Санта-Клауса пробует вот только сейчас.

— Я в курсе, — сообщил он, — что благодаря вашему острому уму удалось вернуть украденные из вашего института двенадцать миллионов долларов... Да-да, мне объяснили, почему посылают именно вас, вроде бы далекого от наших дел человека... Я всегда говорил, что уровень интеллекта важен во всем, а не только в рассматривании пробирок. Умный человек все делает лучше и качественнее, но, конечно, умных людей на все должности не напасешься.

Тереза вошла на веранду с подносом, на котором две большие чашки с парующим кофе и тарелка с восточными сладостями.

Ингрид вскочила и помогла снять чашки и тарелку. Тереза кивнула с благодарностью в глазах и торопливо удалилась.

Стельмах продолжал нас рассматривать из-под опущенных бровей внимательно и строго, хотя на губах по-прежнему играет доброжелательная улыбка.

— Как я понимаю, — сказал он, — вас прислали определить, насколько я сошел с ума.

Ингрид охнула:

— Что вы! Как вы можете...

Он поднес чашку к губам, а другой рукой сделал отметающий жест.

— Милая, не нужно... Я те игры знаю.

Я поспешил вмешаться:

— Простите, но я человек новый, как вы уже наверняка выяснили, мне бы хотелось поскорее понять, из-за чего взволновались в Управлении настолько, что решились обратиться, как вы точно сказали, к абсолютно постороннему человеку.

— К арбитражу, — произнес он веско, — им нужен не просто ваш совет, а ваше решение!.. Представляете, насколько у них там все прогнило? Вы — арбитр!

Я зябко передернул плечами.

— Ничего себе... Вы меня ошеломили. Меньше всего в жизни я хотел бы оказаться в такой роли.

— Такое случается не только с вами, — произнес он мирно. — И чаще всего человек не готов.

— Абсолютно верно, — сказал я подавленно.

— Жизнь бросает нас в воду на глубоком месте, — проговорил он, — чтобы научились плавать. Вам наверняка в общих чертах сообщили, из-за чего сыр-бор...

— В настолько общих, — признался я, — что ничего и не понял. Для меня слишком все оказалось неожиданным и ошеломляющим. Я доктор физиологии, вы же представляете, насколько это далеко! И даже не знаю, что в сказанном мне правда, а что... неправда.

Он допил кофе, замедленным движением опустил чашку на столешницу.

— Еще больше ошеломит то, что правда как раз все. Да, я верю, что вам сказали все, как есть. По мелочи у нас не жульничают. Но... чтобы картина была яснее, давайте сообщу то, что обывателю непонятно и даже противно. Мы строили коммунизм, а сам по себе коммунизм — самая великая, светлая и благородная идея человечества!.. Это только самая тупая и подлая часть людского племени может обвинять коммунизм в каких-то грехах. Коммунизм как раз чист и безгрешен,

чего нельзя сказать о других идеях, время от времени охватывающих человечество.

Ингрид сидит с застывшим лицом, похоже, вообще не врубилась, а я сказал понимающе:

— Да-да, коммунизм не в России придумали, как многие считают. Он сперва охватил лучшие умы в западных странах, а к нам пришел через десятилетия.

Он посмотрел на меня почти с благодарностью.

— Спасибо, чувствуется, что вы ученый, а не... Только абсолютно глупые или подлые, а чаще то и другое, говорили и все еще говорят, что коммунистические партии во всем мире жили за счет средств Коммунистической партии СССР. Ага, точно, особенно если учесть, что коммунистические партии Европы возникли намного раньше самого Советского Союза!

— Верно, — подтвердил я.

Он поморщился.

— Дураки и подлецы. Как можно подумать, что многочисленные коммунистические партии Франции, Германии, Испании, Италии да и других стран, что на выборах боролись за власть в своих странах, могли существовать за счет нищей России? Это оскорбление в адрес Розенбергов, что передавали все атомные секреты из правительственных лабораторий США коммунистической России и в конце концов были арестованы, и приняли смертную казнь на электрическом стуле. Это Филби и тысячи энтузиастов на высоких постах в Европе, у которых, по мнению демократов, «уже было», но тем не менее они выбрали путь служения высокой и чистой Идее, за что чаще всего и платили жизнями в своих так называемых демократических странах!

Ингрид пробормотала:

— Но тогда почему...

Он ответил с тяжелым вздохом:

— Коммунизм основан на вере в то, что человек должен поступать правильно и честно, если поймет, что это хорошо и правильно. Человек вообще должен поступать в интересах общества.

Она сказала с недоумением:

— Но это бесспорно...

— Человек это понимает, — ответил он с горечью в голосе, — но... биология в нас постепенно берет верх. Как все мы, составив замечательный режим дня и повесив на стенку, несколько дней, а то и недель, старательно встаем рано по будильнику, чистим зубы, делаем гимнастику, учим уроки или работаем, читаем правильные книги, не пьем и не курим, с дурными женщинами не общаемся... Так же и с коммунизмом: охваченные благородной идеей, живем несколько лет чисто и правильно, но потом биология берет свое...

Она вздохнула, на лицо набежала тень, явно вспомнила, как проваливала свои режимы, как срывалась в загулы.

— Продолжайте, — попросил я.

— Ошибка власти, — продолжил он, — которая пыталась строить коммунизм в отдельно взятой стране, в том, что долгое время старалась продолжать это строительство с людьми, у которых животные инстинкты все больше брали верх. Точно так же за Савонаролой в свое время шли и низы, и верхи, как помните по истории. Охваченные благородным порывом люди бросали в костры на площади свои золотые украшения, серьги с бриллиантами, а кончилось тем, что когда энтузиазм угас, а Савонарола продолжал обличать богатство и распутство, то весь народ, уже соскучившийся по распутству, схватил Савонаролу и сжег его самого на той же площади.

Я кивнул.

— Это было предостережение всем, даже декабристам.

— Вот-вот, Запад это предостережение учел... и строить коммунизм не стал. За это взялась чистая и наивная Россия, причем «строить коммунизм для всего человечества». Понятно, что получилось то же самое, что и с Савонаролой, разве что строительство коммунизма продолжалось дольше, чем проповеди коммунизма.

— Это я понимаю, — сказал я.

— Знаете ли, — пояснил он нехотя, — многие мифы настолько укоренились в народе, что даже не пытаешься с ними как-то бороться. И не только у молодого поколения, но и у тех, кто тогда жил... К примеру, даже в народе закрепилось представление, что Коммунистическая партия — это одни воры и преступники. Все это было придумано в среде так называемых диссидентов, а это люди, которых по ряду причин не принимали в партию коммунистов.

Ингрид спросила робко:

— Почему?

— На самом деле, — ответил он, — можете спросить людей того времени, в Коммунистическую партию принимали лучших из лучших. Во всех институтах, академиях, научных учреждениях стояла очередь на поступление в ряды. Комиссия тщательно проверяла подноготную каждого кандидата. Это вам сейчас покажется смешным, но коммунист должен был быть безупречным не только на работе, но и в быту, и в семье. Сейчас высмеивают, что в те времена женщина могла бежать в партком жаловаться на неверного мужа, но в большинстве случаев это помогало. Вызовут на собрание такого гулену и спросят строго: ты чего же от жены бегаешь по бабам? Разве это хорошо?.. Раз-

ве они не все одинаковы?.. Лучше физкультурой займись, а то вон пузо растет, пить бросай...

Ингрид фыркнула.

— Наивно.

Он кивнул.

— Да, наивно. С академиками и творческой интеллигенцией нужно было иначе. Но на уровне рабочих и крестьян, которых в стране было абсолютное большинство, это работало прекрасно. Но дело не в этом... Я говорю о том, что руководство КПСС мудро... ладно, вы можете сказать хитро и коварно, смысл не поменяется, заранее затаскивало лучших в ряды КПСС. И потому оппозиции практически не могло возникнуть. Не из кого было. А та, что была, — это люди, которые стремились в партию, но их не приняли по каким-то морально-этическим параметрам. То ли судимость, то ли спал с чужой женой, то ли уличен в чем-то крайне неподобающем, но ухитрился отвертеться от суда...

Ингрид сказала с иронией:

— Сейчас наш президент действует так же. Самых активных из оппозиции приглашает на работу в правительство.

— Разве плохо? — спросил он. — Пусть покажут, как надо работать. А то языками трепать и критиковать все умеют.

— Особенно дворники и таксисты, — добавила она, — да всякий там планктон.

— Революцию сделали идеалисты, — сказал он с грустью. — А идеалисты чересчур верят в человека. В человека и его возможности идти к идеалам, отбросив все скотское в своей натуре! Но, как указывает исторический опыт, на пути следования к светлым идеалам человек быстро выдыхается, и верх берет его скотская натура... Ну не читали большевики Фрейда, не

читали! А если бы и читали, не поверили бы. Дескать, у других не получалось, а у нас получится! Вечная ошибка молодости.

Я вставил:

— Запад не умнее, просто сразу сдался, согласился, что скотскую суть человека не переделать никакими способами. Можно только обставить множеством законов и договоров, чтобы если кто-то навредил, то тут же получал наказание. Вон Ингрид, как силовая структура, подтвердит...

Ингрид нахмурилась, а он продолжал невесело:

— Все равно идеалисты, будь это декабристы, якобинцы или большевики, свято верили, что если человеку объяснить, как это здорово быть хорошим и честным, он тут же им станет!.. Да, станет. На какое-то время. Я уже говорил, Савонарола так зажег Италию, что люди бросали в костры все свои драгоценности, стыдясь быть богатыми, когда в мире еще есть нищета и бедность, но этого порыва хватило всего на несколько лет. Когда был трудный час у России в связи с нашествием поляков, мужчины отдавали все свое богатство, а женщины срывали с себя ожерелья, серьги и снимали кольца, складывая в кучу с пожертвованиями, чтобы собрать и вооружить войско князя Пожарского...

— Дивное было время, — пробормотал я.

— Но как только врагов выгнали, тут же скотская натура даже в самых светлых и чистых душах взяла свое, и началась боярская междоусобица! Запад поступил не умнее, он просто сдался сразу. Признал скотство не скотством, а неизменной человеческой сущностью, где намешано не только от питекантропов, но даже от кистеперых рыб. Дескать, называть это скотством некорректно, это и есть человек, а его скотскую натуру выдавить из человека невозможно, ее нужно

всего лишь ограждать красными флажками законов, правил, жестких наказаний.

— Что верно, — заметил я. — Они признали реальность. А коммунисты слишком уж начитались французских утопистов. Дескать, человек изначально хорош. Но даже в Библии сказано, что человек уже рождается грешной свиньей.

Он кивнул с одобрением, покосился на Ингрид.

— Ваша жена еще не заснула?.. Этот разговор точно не для женщин.

— Жена профессора, — сказал я строго, — должна понимать, за кого вышла. С вечеринками и ночными клубами отныне покончено раз и навсегда, хотя мои одноклассники все еще отрываются там... Бабуины какие-то.

Он поднялся, я тут же встал, а через секунду поднялась Ингрид.

— Оставляю вас до завтра, — сказал он. — Мне врачи рекомендуют ложиться в двадцать два, за час раньше приняв мелатонин. Но утром после завтрака можем продолжить. Сегодня я дал вам вводную, а завтра будет основная.

Глава 10

Утром она проснулась раньше, но лежала тихо. То ли соблюдает конспирацию, мы же здесь при коммунистическом режиме в последнем оплоте коммунизма, то ли строит какие-то козни, женщины всегда их строят, иначе какие они женщины, а Ингрид вполне так женщина, в постели вовсе не чувствуешь ее мышцы, вся такая мягкая и теплая, что просто щупать и щупать, будто прогретую на солнце плюшевую игрушку.

Я шевельнулся, она шепнула:

— Ты уже?

— Еще перед сном, — напомнил я.

— Я спрашиваю, — повысила она голос, — уже проснулся, или это во сне вертишься, будто тебе Черномырдин снится?

— Ой, — сказал я опасливо, — только не бей, а то всю нашу малину зашухаришь. Я проснулся, проснулся!..

— Ладно, — буркнула она, — тебе вообще-то как?

— Ты ничего, — ответил я. — Одобряю.

— Я о хозяине, скотина неумытая!

— Нравится, — сказал я. — Как и тебе, я же видел. Такие преданные идее люди всегда нравятся. Мы, которые в принципе способны на подлость, всегда чувствуем свое превосходство над такими ограниченными правилами чести и слова людьми.

Она посмотрела зло.

— Ты чего?

— Я не говорю, — уточнил я, — что мы делаем или будем делать подлянки, но нам это сделать проще, чем ему, которому связывают руки долг, честь, преданность идее. А мы, безыдейные, способны как и на самые чистые поступки, так и на подлейшие, потому мы шире, многограннее и как бы духовно богаче.

Она нахмурилась, но свиньей еще не назвала, а может, просто слишком задумалась.

— Способность на дурные поступки, — сказала она в конце концов, — не делает нас богаче.

— Смотря как смотреть, — возразил я. — Для природы нет дурных поступков. Там хорошо все, что позволяет выжить. Выжить и победить соперника. Запад продолжает идти по этому оправдавшему себя пути со времен пещерного времени. А в России решили, что уже можно изменить звериную природу человека. Увы,

оказалось, что не просто рано, но и разрушительно для всего общества. Хорошо хоть, что коммунизм начали строить в отдельно взятой стране.

— Все равно, — сказала она упрямо, — такие люди мне нравятся. Даже то, что мы вынуждены изображать супругов, а не вести себя как обычно, когда вольные отношения всех и со всеми уже норма. Что-то в этих древних нормах наивное, но хорошее.

— Кофе сейчас можешь не пить, — сказал я, — все равно он угостит.

— Еще чего, — ответила она с самым оскорбленным видом. — Пока дойду до веранды, мне снова восхочется! Кофе у него великолепный, ароматный и крепкий.

Перебравшись через меня и не дав ухватить себя за, она красиво и выпрямленно ушлепала на кухню.

Я выбрался из постели, из кухни донесся повелительный крик Ингрид:

— На завтрак разогрею котлеты, а к кофе пирожки с творогом!

— Я все ем, — ответил я.

Завтракали быстро и жадно, после кофе я натянул джинсы, с удовольствием замечая, что становятся все туже и даже короче. На экране одной из камер увидел, как Грегор набирает мой номер.

Ингрид сложила посуду в мойку, а я вытащил из кармана мобильник, и сразу же раздался звонок.

— Слушаю, — ответил я.

На дисплее появилось лицо Грегора.

— Как быстро, — сказал он довольно. — Готовились звонить мне?

— Да, — ответил я. — Как раз собирался. Как там?

— Завтрак окончен, — сообщил он, — Валентин Афанасьевич сейчас перейдет на веранду, где его ждет

традиционный утренний кофе. Это единственное время, которое может уделить вам, а потом только вечером. Только учтите, утром он пьет на веранде с тыльной стороны дома. Чтобы видеть восход солнца.

— Бегу, — ответил я. — Спасибо!

Ингрид оглянулась со стороны кухни.

— Что там?

— Ты хотела еще кофе? — спросил я. — Надеюсь, нас угостят снова. Хозяин сейчас вышел с кухни и двигается в направлении веранды. Шевелись шибче, коровище!

От гостевого домика до веранды с этой стороны проложена отдельная дорожка, почти не извилистая, с обеих сторон кусты смородины: черной, красной и белой, а также черника и ежевика и прочие подобные прелести, что и понятно, роскошные клумбы с цветами должны располагаться с фронтальной части двора, а здесь более приземленные вещи, как та же теплица. Свою клубнику, помидоры и огурцы все любят больше, чем с базара или из магазина.

Тереза догнала нас на ступеньках с подносом в руках, улыбнулась приветливо, но не больше, чем положено домработнице.

— Что-нибудь еще? — спросила она и уточнила. — К кофе?.. Жареную курицу не принесу, и не просите, но есть выбор печенья, пряников, сладостей, медовых пирожков...

— Ой, — ответила Ингрид, — на ваш вкус, ладно?

Тереза сказала доброжелательно:

— Ну да, я же знаю лучше, где у меня не подгорело... ха-ха!

Ингрид посторонилась, Тереза вплыла на веранду, как царица-лебедь, Стельмах уже за столом на веран-

де, место занял такое же, как и прежде. Я сам бы там сел, мужчины инстинктивно выбирают место в любом помещении, как собаки в конуре: лицом к двери.

— Доброе утро, — сказала Ингрид.

— Доброе, — ответил он. — Как спалось на новом месте?

— Восхитительно, — воскликнула Ингрид. — Я до этого дня полагала, что моя квартира находится в тихом жилом районе, но только здесь я поняла, что такое тишина!.. А утром птички поют...

— Даже орут, — согласился он. — Не дают поспать последние пять минут, когда сон истончается... Владимир, вы такой загадочный, что-то снилось непонятное?... Садитесь-садитесь! А то кофе остынет.

Пока мы усаживались и придвигались вместе со стульями, Тереза принесла на двух широких, как крышки от металлических бочек, тарелках множество рассыпчатого печенья, нежных булочек и медовых пирожков с горькой рахат-лукума.

Стедьмах мерно отхлебывает кофе из большой чашки, и, как я уловил по аромату, либо кофе иного сорта, либо просто крепче почти вдвое.

Он что-то понял по моему взгляду, сказал успокаивающе:

— Медики говорят, кофе мне вреден. Потому утром крепкий из большой чашки, днем из чашки поменьше, а к вечеру вообще втрое слабее и всего с одной ложечкой сахара.

— Медики правы, — согласился я.

— Точно? — спросил он с сомнением.

— Только не всегда, — уточнил я, — и не во всем. Но, к счастью, у них хватает мужества опровергать свои выводы, как только появляются новые данные.

Кофе каждые полтора года попеременно относят то к крайне вредным, то к крайне полезным.

Он коротко усмехнулся.

— Да, ему не везет, никак не попадет в середину.

Осмыслили, что я говорил вчера?

Я ответил как бы с некоторым удивлением:

— А что нужно было осмысливать? Это бесспорно.

Он остро взглянул поверх чашки.

— Так уж?

Я сдвинул плечами.

— Даже не понимаю, что тут возражать... если, конечно, не футбольный фанат, который кроме своего «Спартак» ничего не знает и знать не желает. Просто большинство не задумывается над высокими проблемами, у всех более неотложные заботы: работа, семья, дети, плохие оценки у ребенка в школе, заболела собачка, хомячок сдох, сапоги жене, автомобиль что-то барахлит...

Он отхлебнул кофе, на мгновение прикрыл глаза, наслаждаясь вкусом и ароматом, затем взглянул на меня неожиданно остро.

— И что, никаких вопросов?

Я вздохнул.

— Как это? Масса.

— Давайте, — сказал он. — Посмотрим, как оценивает ситуацию нынешнее поколение.

— Вопросов много, — повторил я, — но вот самый первый: почему так не скоро? Если еще во времена Брежнева было ясно, что нужна глубокая перестройка общества?

Он кивнул.

— Хороший вопрос, как теперь принято говорить в ответ, несмотря на любую глупость, какую б ни спросили. Но вопрос в самом деле не слишком глуп, про-

сто дилетантский. Но это и понятно, доктор нейрофизиологии не обязан знать то, что элементарно для доктора экономики. В общем, прежде чем приступать к началу перестройки, нужно было решить самую важную проблему... Не помню, кто это сказал насчет того, что не приведи господи увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный?

— Пушкин, — подсказал я.

Он кивнул.

— Ну вот, еще он это понял. Нигде в мире не было такого разгула зверства и кровавой жестокости, бессмысленной и беспощадной. Болотников, Разин, Пугачев... да ладно, гораздо ближе крестьянские бунты и зверства Гражданской войны, махновщина и кроваво-жадные банды, захватившие страну... Так вот, самая первая проблема была в том, чтобы при сломе системы не допустить кровавой вакханалии по всей стране. И по всем республикам. Вы не представляете себе, что такое советская власть... в первую очередь это означает, что ее власть была абсолютной и единственной. Единственной!.. И вот эта власть исчезает...

Он произнес это таким голосом, что у меня по спине побежали не мурашки, а громадные жуки.

— Боюсь и представить, — проговорил я вздрагивающим голосом.

— Вот-вот, — сказал он горько. — Это была первая часть великой задачи. К остальному нельзя было приступать, пока не будет полностью решена эта проблема.

Ингрид сидит тихая, как мышь, благоговеет, еще бы, он для нее олицетворение высшей и абсолютной власти, какая была у Коммунистической партии СССР, это не я, всего лишь доктор наук, у которого и власти нет, и получает меньше, чем иной офисный клерк.

— И как, — спросил я осторожно, — это было решено?.. Или не было?

Он криво усмехнулся.

— Еще бы не было... Я же сказал, это было предварительное условие, без него бы к слову СССР и роспуску республик не приступали. Надо сказать, что задача была непростая. На самом деле, как вы должны понять, Америке был бы выгоднее прежний строй в СССР, когда этот гигант все ослаблял свою экономику, стараясь тащить на себе все многочисленные народы не только в самом СССР, но затем и в мире, поддерживая финансово страны Азии, Африки, Латинской Америки, Китая, Индии!

Грегор появился в дверях, что ведут из дома на веранду, Стельмах его заметил, но ничего не сказал, и Грегор неслышно отступил в дом.

Я ответил осторожно:

— Мне бесспорно то, что вы сказали. Даже не понимаю, почему не бесспорно для масс...

— Светлые умы, — сказал Стельмах, — что с азартом взялись строить коммунизм, не учли, что на азарте и энтузиазме нельзя держаться всю жизнь. Когда говорят, мол, ничто человеческое мне не чуждо, подумайте, о чем речь! При чем тут человеческое? Говорят как раз о скотском, а не человеческом. Нажраться, посовокупляться, повеселиться — это у нас как раз от животных, а от человека — наука, религия, стремление к совершенству... Но даже совершенные люди устают быть совершенными, животное начало берет свое...

— Взяло и в СССР, — согласился я. — Энтузиазм не может длиться семьдесят лет.

— Да и эти постоянные обвинения, — сказал он с горечью, — что Россия их объедает, что они все сообща кормят нищую и спившуюся Россию... Господи, да

теперь и статистики никакой не надо! Стоит посмотреть на те страны, что были в составе Советского Союза, сейчас они где?.. В конце списка беднейших стран. Разве что какие-то страны Африки еще беднее.

Я сказал с готовностью:

— Помню анекдоты эпохи СССР. Мчится по крутой горной дороге автомобиль «Волга», водитель не справился с управлением, сорвался с обрыва. Машина в хлам, вылезает грузин и горюет: что же я наделал, чтоб купить такую снова, надо месяц работать! Смотрит, мчится «жигуль», срывается с обрыва, ба-бах, весь в хлам, вылезает армянин и причитает: что же наделал, мне теперь два месяца копить, чтобы купить такой же... Стоят горюют, тут мчится «Запорожец», срывается с обрыва, машина в хлам, вылезает русский и вопит в горе: что же я наделал, я же на эту машину всю жизнь копил!.. Грузин и армянин переглянулись сочувствующе, один говорит: слушай, ну зачем такую дарагую машину купыл?

Ингрид сдержанно заулыбалась, Стельмах сказал с улыбкой:

— Я тоже помню и этот, и еще кучу... Все верно, ни одна из тех республик, простите, стран, теперь не живет богаче России. Но все равно никто не складывает два и два. И если сложит, все равно получается стеариновая свеча. Все утверждают, что это они сами победно вышли из Советского Союза, чтобы не кормить нищую и вечно голодную Россию!

Я спросил медленно:

— Тогда вопрос... вы в самом деле хотите грубо нарушить этот сладостный золотой сон...

Он усмехнулся.

— Это из Беранже? Был такой пролетарский поэт во Франции.

— Да, — согласился я. — Сказать всем, что их провели? А это не обидит еще больше?

Он развел руками.

— Сейчас как раз в этом и вопрос. Одни в руководстве говорят, что пора сказать правду, другие — нельзя, это поссорит нас. Хотя поссорить еще больше уже нельзя, как мне кажется. С другой стороны, живущие в России оценят мастерски проведенную операцию и перестанут чувствовать себя проигравшими в великом противостоянии. Да, мы не смогли выстроить великое и справедливое общество для всего человечества... что ж, но мы хоть пытались. А вы, остальной мир? Живущим в России и строившим коммунизм пора вернуть чувство гордости!

— Это уже началось, — сказал я. — Один Крым чего стоит.

— Гордость усилится, — ответил он, — когда люди узнают, как было на самом деле. Надо, кстати, чаще публиковать статистические данные, какие республики в СССР были дотационными, а какие донорами.

— Россия, Белоруссия и Казахстан, — сказал я. — Остальные жили на дотации.

Он взглянул на меня с уважением.

— Вы либо хорошо подготовились, либо знаете этот вопрос достаточно глубоко... как всякий культурный человек. И нужно сравнивать положение в республиках, какое было во времена СССР, и сейчас. Прибалтика с распадом СССР и вхождением в ЕС потеряла почти половину населения, в ней рухнуло все машиностроение, и все три страны превращаются в сплошной огород! Вообще все страны и бывшего СССР, что вошли в Евросоюз после СССР, обнищали куда уж больше!

Грегор появился в дверях снова, постоял, пока Стельмах его заметит, тот подумал, махнул рукой.

— Скажи Терезе, пусть принесет еще по чашке. Мне две ложки сахара. Нет, три!

Грегор в озабоченности покачал головой.

— Надо ли столько кофе...

Стельмах сказал ровно:

— Правила создаем мы, а не они нас.

— Тогда маленькую?

— Среднюю, — уточнил Стельмах и посмотрел на меня смеющимися глазами, — видите, я способен на компромисс!..

Глава 11

Тереза через пару минут в самом деле появилась с подносом, две большие чашки и одна поменьше, средняя, как и велел Стельмах, а также на широкой тарелке грудка колечек с творогом, хотя еще и прежние восточные сласти мы не оприходовали.

Стельмах взял чашку в обе руки, сделал глоток, мы с Ингрид молча ждали, а он после паузы произнес с удовольствием:

— Люблю кофе... У нас был выбор: пройти через жесточайшую ломку системы, когда на несколько лет будут порваны все связи и воцарятся неизбежная нищета, преступность, голод... или сохранять все как есть, и потом все рухнет уже так страшно и так глубоко, что Россия не выберется из той ямы, а само слово «Россия» станет только географическим понятием. Да, понимаю, нужно было распустить СССР еще раньше, но мы потратили пару лишних лет, стараясь все предусмотреть и ко всему подготовиться.

— Россия слишком велика, — согласился я. — Это не крохотные европейские страны, которые один дворник может держать в чистоте.

— Вот-вот, — сказал он. — Можете себе представить, какая работа была проделана в масштабах страны? Членов партии в СССР четырнадцать миллионов, а либералы, дай им волю, всех бы перебили до единого, вешали бы на столбах, давили бы автомобилями, распарывали кишки и наматывали на деревья, как было в Венгрии, когда вспыхнуло восстание против коммунистов!

Я зябко передернул плечами.

— Были бы уничтожены все ученые, все врачи, все инженеры, как и самые трудоспособные из рабочих... Даже не представляю, как вы решали задачу сохранения кадров.

— Это было самое важное, — ответил он невесело. — Мы исходили из того, что рядовых коммунистов слишком уж много, сумеют дать отпор, да и мы приняли меры, а вот аппаратчиков перебьют обязательно! Нужно было спасти старых испытанных партийцев от возможных репрессий, что хоть и не продлился долго, но в первые недели могут нанести непоправимый урон. Потому всем кадровикам, начиная от рядовых партторгов на предприятиях и выше-выше, настойчиво порекомендовали уйти со своих постов под предлогом, что нужно резко омолодить кадры. Дескать, влить молодую кровь в их партийные организации, а старым кадрам рекомендовано уйти на хозяйственную работу.

— Как я понимаю, — сказал я, — при строжайшей партийной дисциплине это было проделано везде и очень организованно?

— Да, — ответил он. — Страна все больше теряла запал, но члены партии все еще оставались дисциплинированной армией... Одновременно на должность генсека партии выдвинули самого ничтожнейшего из Политбюро, с которым никто не считался и которого никто не уважал. Этот человек страшился сказать даже слово без санкции тех, кто его поставил, всегда отвечал, что вот сперва посоветуется с Раисой Максимовной...

Ингрид сказала быстро:

— Но как раз тогда академик Сахаров выступил против советской власти!

Он посмотрел на нее с ласковым интересом, как на ребенка, копающего лопаткой деревянный пол у его ног.

— Правда? Он выступил против советской власти?

— Ну да, — ответила она, но уже без уверенности в голосе.

— Академик Сахаров, — повторил он со вкусом. — Ну да, как же, диссидент, противник советской власти, подвергнут репрессиям...

— А что не так?

Он сказал хитрым голосом:

— Академик Сахаров известен как отец водородной бомбы и ярый враг США, а затем как неожиданно осознавший нечто и вставший на сторону США... А как вам его идея, основанная на его точных и скрупулезных расчетах, что нужно заложить на морском дне вдоль побережья Соединенных Штатов ряд атомных зарядов и предъявить США ультиматум типа, если хоть раз гавкнут на нашу страну или посмотрят косо, то рванем! И тогда мощная океанская волна высотой в километр смоем все в Штатах в океан на ту сторону их континента, оставив сухими только пики трех-пяти гор!

Она пробормотала в ужасе:

— Не знала...

Он хмыкнул.

— Да загляните в Вики или в другие открытые источники в инете! И подумайте, мог ли он всю жизнь работать на то, чтобы стереть Штаты с лица земли, а потом вдруг резко переменить взгляды?.. Не-е-ет, это, я уже говорил, с началом подготовки к роспуску Советского Союза во весь рост встала проблема спасения ценных кадров. Лучших из лучших партия всегда привлекала в свои ряды, потому коммунисты должны быть выведены из-под удара, чтобы при роспуске СССР не случилось, как я уже сказал, венгерского варианта, когда коммунистов убивали всех подряд где выстрелами, а где топорами, молотами, вилами, выбрасывали из окон...

Ингрид шумно вздохнула.

— Если так делали в Венгрии, то можно представить себе, что творилось бы в России!

Он кивнул.

— Вот-вот. Нужно было продумать так, чтобы по всей огромной стране суметь спустить пар, не допуская до взрывов!.. Малейший неверный шаг, даже крохотный шажок, и рвануло бы так, что от России осталось бы не больше, чем от Скифии. Потому академик Сахаров выступил с запланированным осуждением политики СССР и был подвергнут демонстративным репрессиям: выслан на свою правительственную дачу, где и продолжал работу, получая помимо всего прочего свои шестьсот рублей за звание академика, а зарплата инженера тогда равнялась ста двадцати рублям. Эти академические шестьсот рублей нельзя было отнять ни при каких обстоятельствах, и даже в тюрьме Сахаров бы получал их... Но, конечно, какая тюрьма, когда он продолжал

пользоваться как Кремлевской больницей, так и всеми привилегиями, которые тогда были доступны только членам ЦК КПСС?

— Не знала, — прошептала она убито.

— Точно так же, — сказал он, — были выведены из-под возможного удара и другие значимые фигуры, как в науке, так и в политике, экономике и даже искусстве. На последнем этапе операции, как я уже сказал, на должность генерального секретаря ЦК КПСС решено было выдвинуть самого молодого, самого неавторитетного, кем не жалко пожертвовать.

Я уточнил:

— Тогда всем членам Политбюро было далеко за семьдесят?

— Точно, — сказал он, — а Горбачеву всего пятьдесят с чем-то. Кажется, пятьдесят три! Он представлял не какой-либо значимый регион, а простое сельскохозяйственное Ставрополье, за что его и называли «овечьим королем» высокомерные руководители регионов, где развивалось тяжелое машиностроение, строились атомные ледоколы и могучие крейсера, самолеты, как военные, так гражданские, а также космическая отрасль...

Ингрид пробормотала нехотя:

— Я была совсем маленькой, но потом спрашивала у отца, почему поставили главой СССР такого ничего не значащего человека, даже ничтожнейшего...

Стельмах спросил с интересом:

— И что ответил?

— Вздыхнул и развел руками.

Он сказал, морщась, как от застарелой зубной боли:

— Сейчас стараются не вспоминать тот позор, который был виден всем, но даже Запад смолчал в инте-

ресах дела, так как это были первые выборы в СССР президента страны!.. А по стране был горький смех, пошли анекдоты. Суть в том, что на первых выборах президента... демократических выборах!.. предлагалась только одна кандидатура!.. Горбачев. Ни одного другого кандидата. Даже самого провального. Потому что понимали, даже если поймать бродячего пса и выдвинуть его в президенты, то вся страна проголосует за него, а не за Горбачева.

— Стыдно, — пробормотала Ингрид.

— Это было стыдно нам, но не Западу, — сказал он. — Как там говорят: да, это сукин сын, но это наш сукин сын. И вот прошли выборы без выборов, когда президента выбирали из одного человека!.. Нигде в мире не было такой комедии, но Запад молчал, так как Горбачев рушил Россию и коммунистический строй, а это и было для Запада и США главным. И потом, несмотря на его полнейшее ничтожество, его приняли в западном мире как героя, ему надавали премий, грантов, пачки денег и все-все, что полагается в таких случаях в стране капитализма, где материальные блага выше всего на свете, плюс даже Нобелевскую премию!

Мы молчали, ошарашенные не сколько новостью, многое уже знаем, но когда вот так концентрированно, это по мозгам бьет.

— Все верно, — проговорил я. — Нужно было поставить на высший пост человека, которого не жалко. Пусть в него бросают камни, плюют и проклинают. А с его ай-кью, что меньше размера его ботинка, и не понять даже, зачем его выдвинули.

Стезьмах уже давно вертел в руках пустую чашку, наконец со вздохом опустил ее на столешницу.

— Все, нужно идти работать. Человек живет до тех пор, пока трудится. И вообще он только тогда человек. Отдыхать любое животное может.

Мы с Ингрид поднялись, когда он встал, я не выдержал, поинтересовался:

— А почему не обнародовать правду? Пусть люди знают, что это была не победа США, а наше собственное решение.

Он поморщился.

— В наших руководителях все еще сидит заскорузлый советский альтруизм. Даже сейчас. Как и тогда, выслушивая оскорбления, что все республики кормят и поят Россию, наши деликатно и себе во вред помалкивали, чтобы не обидеть правдой. Так и сейчас все еще относятся слишком по-отечески к тем, кто продолжает бросаться грязью. Дескать, малые еще, неразумные, что они понимают, потом им же стыдно будет, а мы великая нация, стерпим.

— Дурость, — сказала Ингрид воспламененно.

Он грустно улыбнулся.

— Они в самом деле малые и неразумные. Практически ни одной республики не существовало раньше. Сперва это были территории Российской империи, потом вошли в состав Советского Союза. И лишь когда в КГБ было принято решение выйти из Советского Союза, эти дотационные земли получили самостоятельность. Но чтобы ею научиться пользоваться, недостаточно даже десятка лет... Пока что у них у всех синдром детства, когда родители им всегда должны! И вообще весь мир должен помогать.

Ингрид сказала сердито:

— Это не снимает с них ответственности!

Он кивнул и пошел с веранды в дом. Мы наблюдали через окно, как он там пошел на второй этаж, хва-

таясь за перила и помогая себе подниматься по ступенькам, но все же двигается достаточно быстро, есть еще порох в пороховницах.

— Пойдем, — сказал я, — наша ниша — гостевой домик. Пока дойдем — есть захочешь, я тебя знаю.

Мои мозги работают в турборежиме, даже когда удастся отсечь лавину эсэмэсок, телефонных разговоров, картинок со спутников, что рвется из инета. Все это старается помочь, подсказать, но, блин, слишком уж назойливо, не понимает, почему раньше требовал поднатужиться, выдать еще информации хоть каплю, а сейчас отбиваюсь...

Задействовав несколько сотен тысяч мощных компьютеров, я за несколько минут поставил около сотни экспериментов, создавая компьютерные модели с исправленными генами по методу CRISPR, выбрал десяток наиболее перспективных, когда существа получились достаточно жизнеспособными и пригодными к воспроизведению, дал им возможность эволюционировать в ускоренном режиме.

Из этого десятка семерых остановил, получают химеры, но в одном случае результат получился наконец-то ожидаемым...

Я запустил процесс эволюции еще быстрее, и тут со стороны кухни прозвенел противный человеческий голос, хуже того, женский:

— Ты чего там застыл, как муха на морозе?

— Работаю, — ответил я.

— Над чем?

Я ответил сердито:

— А поймешь?

— А-а, — сказала она и встала в красивой позе в дверном проеме, — удаленный доступ к своим мышкам?.. И что они говорят?

— Просят ускорить работы над бессмертием.

— Ого!

— А ты думала?.. Сперва сделаем бессмертными мышек, а уже потом начнем остороженько переносить... применять полученные наработки к человеку. Но надо торопиться, мышиный век — два года.

Она сказала саркастически:

— Понятно, ради мышей чего не сделаешь?..

— Вот-вот. Чего хотела?

— Пройтись по саду.

Я буркнул:

— Кто-то мешает?

— Могут подумать, — сказала она, — что мы поспорились. Пойдем вместе. Если сегодня-завтра примешь какое-то решение, то сразу же улетим обратно. Я в Управление, ты к мышам.

Я вздохнул, поднялся, но все еще вырезал там в своей лаборатории участки кода и заменял другими блоками, чувствуя странную такую раздвоенность, когда я работаю там и одновременно общаюсь с женщиной здесь.

Глава 12

Грегор уже в саду, оставив Стельмаха на Терезу, мощным секатором ровняет живую изгородь, оглянувшись, на лице проступила сдержанная улыбка.

— Что-то вы какие-то... обеспокоенные, ребята.

Я кивнул на Ингрид.

— Да вот она в ужасе.

— Что случилось?

— Насмотрелась фильмов, — пояснил я, — что у вас тех, кто слишком много знает, обязательно убивают. Потому у вас одни силовики, а ученых нет. И меня убьете обязательно. А она добрая, хоть и не показывает, а то и ее убьют. Добрым у вас нельзя, добрые все предатели.

Он вскинул в изумлении брови.

— Почему убьют?

— Но мы теперь узнали так много, — сказал я, — так много, что просто и не знаю. Теперь что, с нами случится автомобильная катастрофа? Или чайку с полонием?

Он поморщился.

— А что вы узнали?.. Какой-то невероятный слух... У вас же нет документов, что подтверждают. То, что вы знаете, это меньше, чем слухи про НЛО, которые все хотя бы видели где-то мельком... Главное, документы. Написанные лично главой КГБ, членами Политбюро КПСС, инструкции главе МИДа, послам...

Я переспросил:

— Они тоже знали?

Он покачал головой.

— Зачем? В СССР был порядок, а не демократия. Сказал — выполнил. Лишних вопросов не задавали. Вся операция готовилась несколько лет, а такое могла сохранить в тайне только верхушка КГБ. Никто посторонний не знал, даже генсек КПСС. Потому ЦРУ и все разведки мира жутко изумились, что СССР вдруг рухнул неожиданно для них всех!.. Отдыхайте, собирайтесь с мыслями.

— Спасибо за напутствие, — ответил я. — Вон жена у меня такая волнительная, что теперь целый день спать не будет!.. А ночью есть не встанет.

Он улыбнулся.

— Женщины все такие, если они еще женщины.

— Вы хорошо знаете Стельмаха? — сказал я.

— Еще бы, — ответил он. — Знаете, сколько лет я здесь?.. Все на зубок знаю... Как вы догадываетесь, я слышал все, о чем вы говорили. Да, работа такая... Могу добавить, что в девяностом году, можете проверить по вполне открытым и легальным источникам, в России товаров и услуг производилось на семнадцать тысяч пятьсот долларов в расчете на человека.

— Немало, — сказала Ингрид.

— Дело не в том, — заметил он, — много это или мало, а что потреблялось на одиннадцать тысяч восемьсот долларов. А вот в Грузии, к примеру, производилось на десять тысяч шестьсот, а потреблялось на сорок одну тысячу девятьсот!

Он посмотрел на меня, я понял так и не прозвучавший вопрос, ответил послушно:

— Каждый житель России отдавал другим республикам пять тысяч семьсот долларов, а каждый житель Грузии получал от других республик... от России, понятно, тридцать одну тысячу триста долларов... Понимаю, простой народ, даже обнародуй эти цифры, чего тогда не делалось, все равно ничего не понял бы, а экономисты забеспокоились, верно?

Он улыбнулся, довольный, мы с Ингрид вернулись в гостевой домик, где Ингрид сразу же отправилась на кухню, а я включил комп и сделал вид, что начал шарить в инете.

Когда знаешь что искать, то в этом хаосе быстро собираются те крохи, что сами по себе ничего не говорят, но когда в уме держишь некий перечень требований, то выстраиваются довольно быстро и непротиворечиво. Более того, картина получается цельная и точная.

Есть поговорка: один с сошкой, семеро с ложкой, но в СССР сложилась ситуация, что с сошками были только Россия и Белоруссия, а все остальные с ложками. Даже богатейшая якобы Украина тоже с ложкой, потому что прибыль давал только Донбасс, центральные части потребляли больше, чем давали, а больше всего потреблял ничего не производящий запад Украины, который в то же время больше всех требовал независимости.

Прибалтика производила достаточно много, но потребляла неизмеримо больше, так как руководство СССР выставило ее как некую витрину для Запада. И, конечно, больше всех потребляло Закавказье. Та же Грузия купалась в роскоши, у всех личные дома, автомобили, ежедневные застолья...

Ингрид крикнула из кухни:

— Ты там уже делаешь выводы?

— Не спешу, — ответил я.

— Почему? Ты тормоз?

— А ты безбашенница? — поинтересовался я. — А еще самка!.. Я думаю быстро, но решаю медленно.

Она показалась на пороге кухни, уперев обе руки в бока, как украинка, которой по фигуре, на каком ухе у меня тибетейка.

— А что там решать? — спросила она. — Я вот вижу, что Россия вышла из хаоса разрухи сильной и обновленной! И все из-за того, что впервые перестала кормить нахлебников. Я застала время, когда обладателя даже самого дешевенького «жигуленка» считали богатым человеком, а после того, как «перестали кормить Россию», практически у каждого россиянина появилась иномарка, да и не самая плохонькая, а дайте ему новую модель, да чтоб с наворотами!

Я пробормотал:

— Лошади кушают овес и сено...

Она резко остановилась, посмотрела зверем.

— Что-что?

— А Волга впадает в Каспийское море, — продолжил я. — Так, классику почему-то вспомнил.

Она все равно не поняла, вижу по ее лицу, женщин не остановить, если начинают вести, как они считают, мысль.

— Даже уровень жизни, — сказала она веско, как припечатала, — во всех остальных республиках рухнул на самое дно! Хотя об этом стараются не упоминать. Конечно, приняв прибалтийские страны в Европейский союз и в НАТО, им оттуда постоянно подбирают дотации, но все равно Прибалтика обнищала, а ее население сократилось вполтину.

— И что? — спросил я.

Она вскрикнула:

— Ты что, дурак? Он же только что тебе это втемяшивал! Уже все забыл?

Я покачал головой.

— Дело не в этом. В Интернете документов никаких нет, но если собрать вроде бы никак не связанные мелкие факты, то они говорят о том же, что сказал Стельмах. Только без точных доказательств, а как картину, которую можно трактовать так и эдак.

— Я ему верю, — упрямо сказала она.

Я подумал, сдвинул плечами.

— Я тоже.

— Так в чем дело?

— А в том, — ответил я, — что мне нужно было убедиться не в том, как блистательно провел КГБ эту масштабнейшую операцию, а в ее возможной оценке мировым сообществом и возможным влиянием на отношение к России.

Она запнулась, посмотрела непонимающе, глаза стали еще крупнее, круглее и красиво растерянные.

— То есть предавать огласке или нет?

— Вот-вот, — ответил я. — Раньше было нельзя, потом будет нужно, а сейчас мы как раз посередине: фифти-фифти.

Она что-то говорила из кухни, но я уже не слушал, это же какое счастье, когда благодаря удаленному доступу могу работать в своей лаборатории, что и делаю при первой же возможности!

Ингрид принесла кое-что перекусить, две большие чашки с кофе, тут же развернула планшет и смартфон, до предела то и другое, принялась самозабвенно рыться, как курица в огороде, среди необъятного инета.

Через пару часов у нее и у меня уже по блюдцу с крошками от сожранных бутербродов и по две пустые чашки из-под кофе, когда дверь распахнулась в слепяще яркий солнечный день, на пороге появился Грегор.

— Хозяин заканчивает с ужином, — сказал он, — вы приглашены на вечерний кофе.

— Прекрасно, — ответил я бодро. — Ингрид, поднимай задницу! Что-то отяжелела всего после десятка бутербродов.

Она буркнула:

— Уже вечер?.. А солнце еще высоко.

— Летом дни длиннее, — сообщил я ей новость. — А ночи короче. Вставай! Что, без штанги и жизнь не жизнь?

Грегор сказал значительно:

— Если после завтрака он уделил вам на пятнадцать минут больше времени, чем я рассчитывал, то, думаю, после ужина захочет поговорить на близкую ему тему еще дольше.

— Прекрасно, — повторил я. — Я тоже больше люблю говорить, чем работать. А моя супруга так и во все... Там она, правда, робела, но тут трещала без умолку. Ингрид, готова?

Грегор улыбнулся и вышел, оставив дверь открытой. Ингрид прошла первой, больно ткнув меня в бок локтем.

— Он с Терезой, — вдруг сказала она без всякой связи, — похоже, в самом деле муж и жена.

— Что, — спросил я скептически, — спят вместе?

— Теперь это ничего не значит, — напомнила она, — как и зубные щетки в одном стакане. Но есть в них что-то общее.

Я сказал ехидно:

— Может быть, учились стрелять у одних и тех же инструкторов?

Она поморщилась.

— Я серьезно. Муж и жена через несколько лет совместной жизни становятся похожими. Не знал?

— И знать не хочу, — отрезал я.

— А зря, — сказала она победно. — В нашей работе такое может пригодиться.

— В вашей, — уточнил я. — В моей уж точно нет.

Она на ходу сорвала пару ягод черники, но есть не стала, в кустах чирикнула мелкая птичка, и ягода прицельно полетела в ее сторону.

Стельмах уже на веранде после трудного рабочего дня и плотного ужина, но и здесь, в расстегнутой до пояса рубашке, все равно застегнут на все пуговицы, пребывание в высших эшелонах власти накладывает отпечаток на всю жизнь.

Он приветствовал нас сдержанной улыбкой, мы поклонились со всей почтительностью, ничуть не показной, а он жестом пригласил за стол. Не знаю, что

ест на завтрак, обед и ужин, но сейчас вместе с кофе потребляет восточные сласти, печенье, от которого якобы толстеют, но все равно остается поджарым и худощавым, в то же время это, как понимаю, еще не саркопения.

— Прекрасное чувство, — сказал он, когда работа сделана, а сам выходишь на веранду, где спокойно наслаждаешься чашкой заслуженного кофе!

Мы с Ингрид скромно уселись на уже знакомые места, Тереза принесла и нам по чашке. Стельмах кивнул на горку печенья.

— Тереза сама пекла.

Ингрид сказала восторженно:

— Ой, они даже с виду такие вкусные!

— Мы, — произнес Стельмах, — мужчины, удивляемся, какой в этом смысл, когда дешевле и проще купить у профессионалов, но вот эти существа что-то такое особенное находят в самом процессе. Всегда удивлялся.

— Атавизм, — ответил я. — Миллион лет колдовали у костра, пока мы добывали мамонтов. Вот теперь это поведение закрепилось в крови и генетической памяти.

Тереза гордо задрала носик и ушла, не изволив удостоить ответом, мы с Ингрид взяли по чашке, а я еще и цапнул с тарелки большой кусок рахат-лукума.

Стельмах с интересом рассматривал нас из-под припущенных век.

— Похоже, — сказал он чуть насмешливо, — вопросы у вас появились нешуточные.

— Заметно? — спросил я.

— Вы не политик, — обронил он, — тех учат даже при выстреле за спиной не шевелить бровью и не менять выражение лица.

— Что да, то да, — ответил я. — Вопросы есть. Думаю, одним из главных препятствий было опасение насчет НАТО?.. Вдруг ударят по распадающемуся Союзу?

Он кивнул, отхлебнул кофе, чуть прижмурился.

— Верно-верно.

— И как?

— Были долгие дебаты, — ответил он мирно, — и насчет НАТО, что с распадом Советского Союза вообще сядет на голову. Нас в тот момент можно было вообще шапками забросать... и все-таки нашим аналитикам удалось доказать, что в НАТО, как и во всей Европе, умных и храбрых не стало больше, а в правительстве и в военных кругах их точно нет...

— После де Голля, — сказал я.

Он кивнул.

— Вы четко улавливаете расклад сил. Да, после де Голля там не было личностей. А те, что создали Евросоюз, по нашим прикидкам, постараются подобрать все те «страны», что «освободились от советской тирании», и на этом погорят.

— Просчитали? — переспросил я. — Уже тогда были уверены?

Он сказал почти весело:

— А мы не погорели, тянуть те страны? То же самое будет и с Евросоюзом. Только мы их о грядущей опасности предупреждать не стали, ха-ха!

Ингрид произнесла осторожно:

— Если бы НАТО напал на Россию и даже захватил, то все равно была бы партизанская война... К тому же побежденных кормить надо, устраивать у них жизнь...

— В такой огромной стране, — заметил я, — НАТО утонул бы точно. К тому же они помнят все время, что ядерные силы России как были, так и остались спо-

собными одним ударом сокрушить НАТО и стереть с лица земли Штаты.

Он снова кивнул.

— Верно. Потому мы почти со стопроцентной уверенностью знали, что НАТО не нападет, а постарается подобрать все те страны, что откололись от нас.

Я сказал с сочувствием:

— Это было трудное для вас время.

Он сразу посерьезнел, даже лицо слегка омрачилось, словно то страшное время было только вчера.

— Вы и не представляете, — произнес он тяжелым голосом. — Но все-таки та часть плана получилась безукоризненной: когда рухнул, как все считали, Советский Союз, в Евросоюзе было двенадцать стран. Двенадцать! Но Евросоюз в жадной спешке захапал и вобрал в себя еще тринадцать государств — тринадцать! — а еще хотел было Грузию, Молдавию и Украину, но эти у нас совсем уж под боком, потому мы воспротивились, а были бы те дальше — отдали бы! Сделали бы вид, что не можем тягаться с Евросоюзом и отдали бы!.. И Евросоюз затрепал бы по швам еще раньше.

Я подумал, кивнул.

— Верно, принимая к себе те страны, Евросоюз принял и все их проблемы, о чем не подумал впопыхах. А это бедные страны, капризные и, самое главное, не привыкшие работать так, как работают приученные к капитализму европейцы. Новые члены Евросоюза хотели бы работать, как в СССР, а получать, как в Европе, да еще пользоваться всеми льготами. Стоит учесть, что протестантская Европа приняла после роспуска СССР по большей части православную часть, но по статистике даже католики работают вдвое хуже, чем протестанты, а уж о православных и говорить не хочется...

Глава 13

Он чуть нахмурился, выпад в сторону православия задел, но я прав, он и сам знает такую статистику, однако ему понравилось, я со своей чувствительностью это заметил, когда я сказал «ропуск СССР» вместо привычного «развал СССР».

— Увеличив свой Союз сразу на тринадцать стран, — повторил он, — Евросоюз взвалил на свои плечи те проблемы, которые сбросила со своих Россия. Поддерживать те новые страны в работоспособном состоянии Евросоюз, как ни пытается, не может и сейчас. Приходится выделять из своих бюджетов огромные дотации новым членам, которые те принимают без капли благодарности. Как же, Евросоюз обязан кормить их и лелеять, как делал Советский Союз! Жители Германии, Франции и других стран сперва закрывали глаза на «временные трудности», так как зато Евросоюз, по их мнению, стал вдвое крупнее и как бы могущественнее, все так думали, а ради этого можно немножко потерпеть, а потом все наладится, всем будет еще лучше, все станут еще богаче и счастливее...

Ингрид проронила:

— Уже видят, что не налаживается, а становится все хуже...

Он неожиданно и с каким-то злорадством рассмеялся.

— А теперь представьте себе, каково сейчас Штатам!.. На них плюет весь мир, как на нас тогда всего лишь пятнадцать республик.. Вернее, не столько плюет, как предъявляет претензии. Большинство в мире уверены, что исчезли бы США, сразу б всем стало жить легче... Дураки. Не понимают, что именно Штаты после Второй мировой приняли жесткие меры, чтобы

третьей не дать даже шанса. Для того в Германии оставили свою армию, как и в Японии, законодательно запретив обеим странам вообще иметь армию, флот и авиацию! И сейчас Штаты по всему миру в меру своих сил стараются не допускать возникновения мощных авторитарных режимов, где могут начать большую войну!

Ингрид робко вякнула:

— Но Штаты по всему миру сами развязывают войны...

Он отмахнулся.

— Не смешите, девочка. То не войны. Обычно это подавление очагов огня, из которого могут образоваться лесные пожары, сжигающие целые страны.

Она не сдавалась, судя по ее лицу, сказала:

— Но после прихода туда американцев конфликты разгораются с новой силой!... Там льется кровь...

Он хмыкнул.

— Льется кровь не американцев и даже не европейцев, девочка, что тоже почти американцы, но похуже. Воевать и одерживать победы можно по-разному. Я вот считаю величайшей победой Массачусеттсской операции по вызволению заложников, а прекрасную операцию иудейского агента Эбн Альсоди Сабай, который принял ислам, а затем в нем создал учение шиитов и расколол единый и могучий ислам и заставил мусульман настолько яростно воевать друг с другом, что сил для натиска на Европу уже не осталось. Если бы не та блестящая операция, ислам бы с легкостью захватил Европу. И весь мир, потому что тогда Европа и была всем миром, и открывать Америку отправились бы уже мусульмане.

— Сейчас, — вставил я, — США делают примерно то же самое.

Стельмах кивнул.

— Вот-вот, то же самое, что делал Эбн Альсоди Сабай. Сунниты и шииты продолжают истреблять друг друга с прежней первобытной яростью, а когда Штатам это кажется мало, они умело создают всякие там алькаиды, хесболлахи, игилы и прочие-прочие, что никогда не примирятся в первую очередь друг с другом.

Она сказала растерянно:

— Вы что же... оправдываете Штаты?

— Штаты наш противник, — ответил он, — но не враг. Штаты делают то, что делал Советский Союз. Вы не представляете, что будет, если Штаты устанут от плевков в лицо и бросаемых в них камней и скажут: да гребитесь вы конем, живите как хотите!.. Мы забираем все свои военные базы к себе за океан, а вы тут хоть поубивайте друг друга!

Ингрид спросила настороженно:

— И что... поубивают?

— А вы сами подумайте, — сказал он почти ласково. — Вы же умная девушка. Вам всего лишь некогда было над этим задуматься, а то бы сами пришли к этим выводам. Нам всем некогда самим задумываться над всем на свете. Потому то, что не касается именно нашей непосредственной работы, принимаем на веру. Я тоже такой, кстати. Просто политология — моя профессия. Но вот насчет бозона Хикса или квантового компьютера принимаю на веру. Надеюсь, меня не обманывают, ха-ха...

— Я тоже принимаю на веру, — признался я, — хотя вроде бы тоже из мира науки.

Он вздохнул, жестом велел возникшей на пороге Терезе принести еще кофе.

— Я с сочувствием, — сказал он, — и злорадством слежу за попытками Штатов удерживать мир в отно-

сительном равновесии. Они стараются не допустить большой войны, по которой просто изголодался род человеческий. За годы со времен Второй мировой накопилось много мусора, который популяция жаждет выбросить, опасаясь погибнуть из-за него. Всю историю человечества род людской чистили от больных и слабых эпидемии чумы, холеры, оспы, испанки, а также войны. После каждой войны род человеческий выходил ослабленным, как всякий больной, но быстро восстанавливался и делал рывок в прогресс с новыми силами!

Она следила за ним пристально большими серьезными глазами.

— Сейчас эпидемии ликвидированы, — произнесла она. — Остаются только войны?

Он посмотрел на нее с сочувствием.

— Вы знаете о наших инстинктах, у которых могучий разум всего лишь на побегушках, но знаете ли, что у каждого вида тоже есть свои регуляторы?.. Обыкновенные кузнечики умеют только прыгать, но при превышении некоего порога в популяции превращаются в ужасную саранчу, улетающую на сотни миль на невесть откуда взявшихся могучих крыльях! Лемминги бегут топиться, а человек затевает войны... Как вы догадываетесь, первой жертвой войны становятся нищие, больные, бездомные, хосписы и санатории, где содержат даунов, которых становится все больше!.. Да, мы рассчитываем вот-вот найти лекарство, что излечит как их, так и всех и все, но наш могучий инстинкт об этом не знает и настаивает на великой очищающей войне! И она, к сожалению, все ближе.

Она прошептала:

— Так что же делать?

Он сдвинул плечами.

— Стратегию России я знаю. Ослабить Евросоюз и Штаты, чтобы и самой втиснуться в число тех, кто действительно руководит миром, а потом помочь Европе и Штатам удержать мир и порядок, дать возможность простым людям существовать и кормить науку с ее производным хай-теком... Все-таки мы, несмотря на все демонстративные развороты то к Азии, то к Востоку, — Европа. И не просто «тоже Европа», а сейчас как раз Россия становится настоящей Европой, сохранившей и европейские ценности, и европейскую основу. В таких громадных странах, как Россия, поневоле запрягают долго, то есть планировать приходится на десятилетия вперед.

— Да, — согласился я, — Россия не Эстония, где государственную экономику, состоящую из десятка сел, можно планировать даже на месяц.

Он кивнул, печенье на его крепких белых зубах лопается с хрустом, я подумал, что наверняка у него уже ни одного своего зуба, а это имплантаты, а до них были вставные челюсти, так как имплантаты все-таки вошли в жизнь сравнительно недавно.

— В основном, — произнес он задумчиво, — наши цели с Европой совпадают. Мы все хотим единое пространство от Лиссабона до Владивостока! Но Европа хочет, чтобы это была только Европа, а Россия вообще исчезла, превратившись в территорию Европы, а все жители России обслуживали европейские нужды.

— Обидно, — сказал я, — но, с другой стороны...

Он нахмурился.

— Вот-вот. С этого и начинают либералы. Договариваются до того, что нужно было бы сдать Гитлеру, тогда бы сейчас Россия была богатой и толстой... Но если бы Россия сдалась, Гитлер захватил бы Англию, а вместе с Японией сумели бы сломить США. Это про-

моделировано на самых мощных компьютерах России, Америки, Японии и Китая, везде результат одинаков... И еще в том будущем нет компьютеров, нет Интернета, нет лунной базы... В общем, сделано было мудро, однако резать пришлось с кровью, и потому операция проводилась так, что весь мир, как и в самом СССР, был уверен, что это США нас победили в гонке вооружения, и потому СССР не выдержал, рухнул, развалился, и обрадованные народы начали строить свои суверенные государства, а униженная и оскорбленная Россия осталась в дерьме кусать локти.

Я кивнул.

— Да, в Штатах все были поражены, что СССР рухнул так внезапно. Ни один аналитик не мог этого предсказать.

— Вот-вот, — сказал он. — Потом, правда, некоторые западные аналитики начали замечать, что катастрофический распад СССР неожиданно оказался удачным для России..

Я вставил:

— Да-да, я читал. У них там то и дело звучит «неожиданно», «удача», «почему-то»...

Он сказал одобрительно:

— И вы заметили?... Вот-вот. Неожиданно это только для тех, кто не понимает масштабнейшей операции по подготовке отрезания от России обременяющих ее народов с чуждой культурой и чуждыми традициями, давайте говорить прямо. А если в той же Европе допустят это хотя бы в качестве гипотезы, то все последующее будет ложиться, как цветные камешки в мозаику, точно на место.

Я допил кофе, посмотрел на застывшую в дверном проеме Терезу.

— Можно еще чашечку?.. Спасибо. Но в наших интересах, чтобы Европа об этом не знала?

— Она и не знала, — ответил он, — а сейчас, как я доказываю нашим, можно и сказать. Почему?.. Вовсе не ради того, чтобы побахвалиться своей уникальной операцией по переустройству мира. Европа все равно уже не может сбросить этот груз, там нет де Голля, а он единственный, кто был способен на крутые меры в Европе. А раз не может, то ей остается только разваливаться под непомерной тяжестью, что взвалила на себя от жадности. Разваливаться и оглядываться на Россию уже не с презрительной жалостью, а с надеждой на помощь.

— А Россия всегда помогала, — буркнула Ингрид. — Дура набитая.

Я сказал медленно:

— У меня тоже сердце кровью обливается, когда слышу, как тупейшее быдло по ту сторону океана победно кричит, что они нас победили... И как еще громче кричит не менее тупое быдло в тех землях, где совсем недавно были процветающие республики... Кричат, что они наконец-то освободились от проклятого ига русских угнетателей.

— Вот-вот, — сказал он утрово.

— Но эти голоса все тише, — заверил я, — и все... растеряннее, что ли?.. Можно сколько угодно кричать про голод в России, но к нам постоянно ездят как бизнесмены из других стран, так и просто туристы, и все видят, что Россия живет богаче всех республик, которые ее «содержали и кормили»!.. А правда расплзается по инету, соцсетям, форумам...

Он возразил желчно:

— Почему тогда я вижу только торжество по поводу победы над СССР?

— Потому что хвалу в наш адрес, — пояснил я, — воспринимаем как должное. Мы ее в самом деле заслужили! Но нас сердит, что не хвалят, а если и хвалят, то как-то сквозь зубы. Но мы побеждаем. Просто нам хотелось бы, чтобы это произошло быстрее.

Он взглянул на меня поверх чашки с некоторым, как мне показалось, укором.

— Вы говорите так, будто у вас в жилах рыба кровь.

— Вот-вот, — сказала Ингрид, — я ему это тоже говорю! Вроде бы совсем сопляк, а рассуждает, будто столетний буддист.

Он чуть улыбнулся.

— Он ученый, а ученые всегда старше своих лет, так как в них живут труды мудрецов прошлых веков. Думаю, вам трудно было затаскивать его на дискотеки?

Ингрид отмахнулась.

— Да я и сама до них не охотница. Мне куда интереснее кач в тренажерке. Да и пить предпочитаю протеиновые смеси, а не какую-то гадость, называемую вином.

Он посмотрел на нас заблестевшими после второй чашки кофе глазами.

— Ладно, на закуску скажу еще об одной важнейшей детали. Управлять империей из пятнадцати республик с разными народами и конфессиями, где запад полностью католический, центр православный, а юг мусульманский, было не только не просто, а уже невозможно. Я имею в виду, чтобы одни законы были для всей территории СССР. Особенно опасный переко́с был в отношениях со Средней Азией. У нас в СССР, повторяю, все были равны. Когда-то, помню, был учрежден орден «Мать-героиня», его давали женщинам, родившим десять детей. К нему прилагалась квартира, машина, оплачиваемая государством медсестра для

помощи многодетной матери, большие денежные пособия на каждого ребенка...

— Прекрасный закон, — сказала Ингрид.

— Прекрасный, — согласился он. — Но как только в Средней Азии советская власть создала условия для нормальной жизни и даже процветания, там начался демографический бум. Практически все женщины там стали матерями-героинями вовсе не потому, что стремились ими стать, а просто рожают столько, сколько рождается, так как аборт в исламе запрещены.

— А в Прибалтике, — сказал я, — наверное, ни одной матери-героини так и не появилось?.. Да и в России это была редкость уже тогда.

Ингрид потемнела, спросила враждебно:

— Значит, все денежные пособия уходили в Таджикистан?

— И в остальные среднеазиатские, — подтвердил он. — Деньги деньгами, но там пришлось развернуть грандиозное строительство детских садиков, школ, детских больниц... Но встревожило власти не это. Власть на то и власть, что обязана смотреть в будущее. На тот момент, когда было в глубочайшей тайне принято решение начать подготовку к роспуску СССР, доля мусульман в СССР была равна сорока двум процентам.

— Ого, — сказала Ингрид.

Глава 14

Я промолчал, уже посмотрел в инете и даже знаю, что Стельмах скажет дальше.

— Но на тот момент, — сказал он, — когда мы начали действовать, доля мусульман уже стала равна сорока восьми процентам!.. Пока сорока восьми, да, но

мы-то знали о той хитрости, которую применяли переписчики и о которой умалчивали в официальной статистике.

— Какой?

— Дело в том, что браки между мусульманином и русской были нормальным явлением, как и между русским и мусульманкой. Так вот их дети всегда в свидетельстве о рождении записывались русскими по национальности!.. А вы понимаете, что в реальности вырастали фифти-фифти. Потому близок был тот день, когда во главе Советского Союза вполне легальным способом мог стать мусульманин. А это означало законы шариата не только в России, но и по всему пространству, куда дотягивалось влияние СССР...

Ингрид, уже чуточку побледневшая, шумно выдохнула.

— Фух... в самом деле избежали большой беды.

Он сказал мирно:

— Я уважаю мусульман, а Коран прочел несколько раз, это в самом деле книга мудрости, но... пусть мусульмане будут нам братьями, а не господами.

Ингрид потрясла головой.

— Даже не представляла, какая беда грозила, если бы не распустили СССР...

Я подумал, поинтересовался:

— Думаю, тогда же продумали и насчет открытых границ с теми же среднеазиатскими республиками? Со времен отделения уже не республиками, а государствами?

Он кивнул.

— Продумали и много раз просчитали. Во всех вариантах, от самого легкого до тяжелого. И как видите, теперь все проще. Они приезжают, работают на стройках и прокладке дорог, а на зиму уезжают, оставляя це-

лые кварталы выстроенных домов. Увозят с собой сотни миллионов заработанных долларов, об этом все здесь помнят, но оставляют выстроенного жилья и дорог на миллиарды долларов!.. Об этом забывают. От таких гастарбайтеров не просто прибыль, а высокая прибыль!.. К тому же теперь не строим там у них за счет России, как было раньше, заводы и фабрики по переработке хлопка и прочего, что у них есть, не выплачиваем пособия многодетным матерям, что раньше почти целиком уходили в Среднюю Азию! Не строим там школы и детские сады, пусть строят теперь все сами... В общем, те реки золота, что текли в республики, хоть на юг, хоть на восток или запад, были повернуты в сторону вконец обнищавшей России. А она громадная, чтобы ее поднять, за год-два не управиться.

Ингрид буркнула:

— Да, это не Прибалтика. Европа бросила ей со стола небольшой кусок, и вот все прибалты сразу миллионеры!

Он кивнул.

— Совершенно верно. Но теперь и Прибалтика, хоть и живет практически на подачки Евросоюза, так как она и в нем, и в НАТО, но все равно беднеет день ото дня. Потеря России для всех оказалась катастрофой.

Он поднялся, мы тоже вскочили, он сказал почти отечески:

— Доброй ночи!.. рекомендую заглянуть в теплицу, если вы в ней еще не были. Там такой зимний сад... говорят, красиво.

Ингрид спросила:

— А вам нравится?

Он кивнул.

— Да. Я два раза заходил. Э-э... мило.

Наш человек, сказал я мысленно, а Стельмах взглянул на меня смеющимися глазами, один доктор наук понял другого доктора.

В нашем гостевом домике Ингрид бросилась на диван, вся в растрепанных чувствах, перебирает сказанное Стельмахом, ужасается с настоящей женской экспрессией, а я вот уж холоднокровное животное, точно ученый, перебрал все доводы «за» и «против», сказал с некоторым равнодушием:

— Ну узнали мы всю правду... и что? Что с нею делать? Мир принял ту легенду, которую КГБ распространил. И, уверен полностью... ну, почти... сделал умно и милосердно. Брошенные Россией республики ликующе начали строить свою государственность, абсолютно уверенные, что вот теперь-то заживут, как в раю!.. Они и сейчас, хоть рая и не получилось, свято уверены, что это они добились независимости от проклятой России, угнетавшей их гордый дух и свободы. Так зачем ворошить прошлое... Нет, скажу точнее, зачем бередить раны?

Она возразила с достоинством:

— Но чтобы все узнали правду! Разве правда не важнее всего?

— А ложь во спасение? — спросил я. — Правда чаще всего губительна. Вся цивилизация построена на лжи, без нее превратимся снова в озлобленных питекантропов. Со лжи начинаем утро, когда говорим проснувшейся женщине, что без макияжа выглядит еще свежее и моложе, и заканчиваем у постели умирающего бодрым уверением, что он уже начинает поправляться!

Она сказала сердито:

— Ну, знаешь ли...

— Такая правда, — ответил я, — не просто может навредить, она точно навредит. Всем навредит! И России, и всем связям с другими странами. Во-первых, все бывшие республики, а теперь независимые страны, поймут наконец, что их требования независимости использовали против них же, использовали с блеском!.. Как они поступят? Еще больше озлобятся против России! Нам это нужно? Всего лишь ради мальчишечьего хвастовства?

Она спросила враждебно:

— Так ты что... принял какое-то решение?

— Во мне сейчас два человека, — ответил я честно. — Один жаждет заорать всему миру, что никто нас не победил, мы сами распустили СССР, потому что коммунизм можно и нужно строить только сразу во всем мире...

— Ну?

— Это даст удовлетворение, — согласился я, — мне и еще ста миллионам жителей России, но остальной мир обидится.

— Ну-ну? А второй?

— Второй человек, — ответил я, — спрашивает меня, стоит ли такое детское ликование возможного ухудшения отношений с рядом стран? И настороженность к России со стороны дальних стран?

Она спросила живо:

— Погоди, ты сказал — возможного ухудшения? А насколько оно возможно?

Я вздохнул.

— Как раз возможность не настолько уж и велика, потому мне так хреново. Однако, с другой стороны, жаждет сказать миру правду молодой и горячий я, а придерживает его старый и мудрый, тоже я.

— Как бы чего не случилось? — спросила она едко.

— Как бы чего не случилось, — согласился я. — Это своей шкурой человек волен рисковать как изволит, а когда от его решения зависят жизни других людей... или пусть не жизни, а вообще что-то зависит, он должен быть поосторожнее.

— Трус, — заявила она. — Старый трус!.. Надо говорить правду. А они перетопчутся.

— Ты уже не уверена, — уличил я. — Нет уж, нужно взрослеть. И поступать как взрослые. Хотя, ты права, многие до старости остаются дураками. Про них говорят, что вот они какие замечательные, сохранили идеалы юности!

Она наклонилась через мое плечо.

— Ты что это рассматриваешь?

— Процесс неоморфных мутаций, — пояснил я, — в народе их называют мутациями приобретения функции или GOF-исследованиями, так доступнее... Правда, красиво? Особенно вот эта спираль!.. Это компьютерная модель, а в реале это работа на третьем уровне биобезопасности. Как ты наверняка знаешь, всего четыре уровня, BSL-1, а самый высокий — BSL-4...

Она прервала сердито:

— Не умничай! Это значит, уже пришел к окончательному выводу? Совсем-совсем?

— Утро вечера мудренее, — ответил я. — Утром скажу точно. Я тоже пока что в сомнениях. Утром и улетим.

Глава 15

Она ушла, злая и сердитая, на кухню, что есть правильное решение, где еще быть правильной женщине, а я быстро выводил на экран снимки своих мышек и результаты опытов, и пока компьютер начинал про-

считывать варианты экспериментов, я моментально получал результат из облака, где на меня трудятся суперкомпьютеры, а мой мозг хватается полученные данные и, быстро обработав, загружает снова. Не потому, что не доверяю себе, но я человек, и мозг у меня все еще человеческий, в то время как суперкомпьютер в облаке хоть и слабее моих извилин, но все же на него никакой инстинкт не влияет.

Утром Грегор постучал и вошел уже как старый приятель, даже не стал отворачиваться, увидев на кухне обнаженную по пояс Ингрид.

— Доброе утро! Как спалось?

— Утро доброе, — ответил я. — На новом месте всегда снятся интересные сны... Как Валентин Афанасьевич?

— Заканчивает завтрак, — сказал он. — Будьте готовы. Когда он перейдет на веранду на утренний кофе, можете ненадолго присоединиться.

— Прекрасно, — сказал я. — Кстати, после завтрака мы планируем вернуться. Вертолет нужно заказывать заранее?

Он покачал головой.

— Нет смысла, здесь же близко. А вы точно не знаете, сколько проговорите за чашкой кофе.

— И то верно, — согласился я. — Ингрид?

— Иду, — ответила она.

Грегор вышел первым, а Ингрид, на ходу набросив маечку, вышла и плотно закрыла за собой дверь.

Зеленые кусты, от земли и до вершинок щедро и без меры усыпанные ягодами, чуть покачиваются под легким ветерком. Я машинально сорвал несколько ягод смородины, на грядках зреет крупная клубника, но к ней надо нагибаться, я не стал и механически прошел за Грегором к веранде.

Стельмах повернул голову, наблюдая, как мы идем по двору, а потом поднимаемся по ступенькам на веранду.

Он прав, мелькнула мысль. Россия после роспуска СССР в немалой степени ослабела, но совсем не в той степени, как показала миру, а тому только дай возможность поликовать: сразу же начали с восторгом кричать, что Россия кончилась, рассыпается точно так же, как и СССР, нищий народ разбегается, а кто не может убежать, тот вымирает...

Молодцы, хоть и обидно было про себя говорить такое, но скрепя сердце поступили по уму, а не как жаждалось. Умело запущенная деза заставила Европу считать себя победителем, это хорошо, пусть хватает все территории и отколовшиеся от СССР страны. Они еще не представляют последствия своей «победы»! У России был опыт господства над половиной мира и половиной Европы: непросто руководить католической Прибалтикой, православной Грузией и мусульманскими странами Средней Азии, не говоря уже о входивших в наш блок ГДР, Болгарии, Вьетнаме и Монголии...

Мы опустились по его жесту за стол, и, пока Тереза расставляла перед нами чашки с кофе, я сказал:

— Валентин Афанасьевич, вы уже тогда просчитали, что Евросоюз перейдет границу управляемости, если соберет в своем составе двадцать восемь стран?

Он кивнул с самым довольным видом.

— Верно. Будь они все одинаковыми — какие проблемы? Но тот балласт, который сбросила Россия, в самом деле балласт...

Я сказал с сожалением:

— Но так вслух не скажешь.

Он усмехнулся, но обронил серьезным голосом:

— Это частный разговор. В более официальных местах такие слова и термины употреблять не следует. Хотя насчет балласта как никогда точно.

— Это был точный расчет на психологию, — сказал я. — Как они не сообразили от жадности и поспешности, что откусили кусок, который проглотить не смогут!

Он сказал с веселым огоньком в глазах:

— Жаль, Турцию в Евросоюз не приняли!.. Тогда кончилось бы все в тот же год... Франция оказалась достаточно умной и самостоятельной, чтобы вопреки всем отказать ей во вступлении.

— И без Турции страны слишком разные, — сказал я.

— Жадность наказуема, — согласился он. — Евросоюз будет трясти все сильнее, а признать, что пожадничали и сглупили, им не дает та же гордость, что нам не позволяла распустить СССР еще при Хрущеве. Все-таки человек слишком человек, а не голый разум...

Скоро это закончится, мелькнуло у меня. Постчеловеками будет править только разум, а из инстинктов оставим... даже не знаю, что оставим. Во всяком случае, править ему нами не дадим.

Ингрид придвинула в нашу сторону тарелку с творожными колечками, сама ест осторожно, словно боится надкусить капсуль взрывателя, а кроме того, вообще не решается открывать рот, понимает, что она не из нашей лиги.

— Нам остается только вести ту же линию, — сказал я. — Не так ли?

Он кивнул.

— Да, согласен. В Штатах все умные люди сосредоточились в науке, в медицине, даже в Голливуде, чьи фильмы и сериалы не случайно завоевывают мировой

рынок. Но в политике там одни идиоты. А еще семейственность и дичайший непрофессионализм. Папа президентство отдает сыну, тот внуку, а муж жене... Ну прям Северная Корея! Если честно, мне бы очень не хотелось, чтобы Штаты постигла та же участь, что и СССР.

Я буркнул:

— Они нахватали после распуска СССР слишком много. Евросоюз похватал отколовшиеся от нас европейские страны, а Штаты постарались захватить все в мире, что было под нашим влиянием. А это получается такая глобальная конфедерация, что для управления ею в Штатах ну никак не набрать умных людей из числа политиков, а ученые от своих коллаидеров отрываться не возжелают. А еще это такие исполинские расходы, что уже и у Штатов трещит хребет под долговым бременем в десятки триллионов долларов.

Он посмотрел на меня с интересом.

— А что им долг? Печатный станок в их руках. Сколько восхотят, столько долларов и напечатают. Но вы правильно сказали, им не набрать умных людей во все сферы политики. К тому же абсолютно нет опыта управления союзом из таких разных во всем стран, начиная от религии и заканчивая претензиями друг к другу.

Ингрид проронила тихонько:

— Это не своими пятьюдесятью штатами управлять! Или у них пятьдесят один штат?

Он усмехнулся.

— Люблю протестантов. У них самая продвинутая религия и самая передовая трудовая этика. Но протестанты живут слишком... правильно и не понимают, что в мире не все можно объяснить логикой, и не все народы ей следуют.

— Ужасающие слухи, — поинтересовался я, — как в России после распада Советского Союза все ужасно... ваша работа?

На его губах проступила довольная улыбка.

— Угадали. Операция по сокрытию Главного Плана была и в том, что наши люди распространяли и поддерживали эти слухи, а еще публиковали снимки загаженных улиц Москвы, нищих стариков... Это все в самом деле было, но для всех наших противников это подавалось так, что будет еще хуже. Дескать, Россия уже погибает, нужно подождать еще несколько лет, и затем войти на территорию, от которой осталось только название «Россия», и выборочно прибрать к рукам то, что еще представляет ценность в виде залежей нефти и прочих ископаемых.

— Это сработало, — согласился я. — Такие публикации охотно поддерживаются и переопубликовываются тысячи раз. Уже добровольно и со злорадством.

Он кивнул.

— И только мы знали, что через несколько лет все восстановим, всем станет ясно, кто кого кормил, и Россия начнет занимать свое место в мире, уже без гирь на ногах.

— Перекинув их на противника, — сказал я.

— Нам нужно было несколько лет, — сказал он, — чтобы нас не трогали. Мы получили это время, убедив противников, что и так уже почти не дышим, а на самом деле работа шла такая же тайная и целенаправленная. Конечно, не везде получалось гладко, но в целом... в целом получилось.

— Основная атака была на Евросоюз? — спросил я. — Или на Штаты?

Он покачал головой.

— Основной задачей было спасти Россию. Но мы постарались одной операцией убить двух зайцев. Даже трех: освободить от балласта Россию и перекинуть его на Евросоюз и Штаты. Теперь судьбу СССР повторяет Евросоюз. Кстати, так называемый распад СССР случился как раз на пике его мощи. Кроме республик в своем составе он еще объединял могучую Организацию Варшавского Договора, мощнейший экономический союз Совет Экономической Взаимопомощи, а кроме всего еще и международное коммунистическое движение, все-таки во всех странах Европы и по миру существовали крупные коммунистические партии, что поддерживали СССР.

Я сказал задумчиво:

— Пожалуй, Евросоюз можно называть СССР-2, как вы думаете?

Ингрид посмотрела на меня ошарашенно, а Стельмах сказал с веселой ноткой:

— Хорошо подмечено. Только Евросоюз хоть и новое образование, но уже трещит по швам и вот-вот тоже рухнет. По крайней мере, в прежнем виде не сохранится. Придется меняться.

— Точнее, — сказал я, — умное Политбюро Евросоюза, что из прагматичных немцев, его распустит? А заявят городу и миру, что сам развалился?

Ингрид, осмелев, сказала почти уверенным голосом:

— А что, в основе Евросоюза лежит та же формула мирного сосуществования разных стран и народов, единое экономическое пространство, единое руководство, как в Советском Союзе...

Стельмах посмотрел на нее и сказал поощряюще:

— Ну-ну, говори, девочка.

— Если даже в СССР, — договорила она не столь твердым голосом, — ухитрялись укрепляться нацио-

нальные элиты в противовес центру, то в СССР-2 это сделать проще! Ни Берлину, ни Парижу как-то не хочется подчиняться центру в Брюсселе. Это не Москва, которой подчинялись все в СССР безоговорочно.

Я заметил в дверях Грегора и Терезу, уже оба показывают на часы, сказал с грустью:

— Нам пора возвращаться в Москву. Не скажу, что данные о роспуске СССР нельзя обнародовать. Как раз можно. И нужно. Но... не сейчас еще. Чуть позже. Пусть это будет настоящим нашим триумфом! Евросоюз трещит, это хорошо, так и было задумано, однако в последнюю минуту именно мы его и спасем. Европейцы так сумели себя поставить, что все их тогда еще стали считать светочами ума и мудрости... так и было в Средние века, но европейцы давно не те, а мы их по привычке считаем умными. Теперь это тупые бюргеры, не способные понять связь причины и следствия, а спасать их придется бывшим варварам из России, чьи мозги в трудностях и борениях не заплывли жиром!

Он отводил взгляд, недовольно хмурился.

— Я что, молодой дурак, по-вашему? Не просчитал все заранее?

— Вы моложе меня, — сказал я. — Хотел бы я сохранить такую же ясность ума, живость в рассуждениях!.. Увы, я уже стар и печально мудр... ибо в мудрости слишком много печали. Честно говоря, я бы на вашем месте пока придержал эти документы. Это я как старик с вот такой бородицей говорю.

Он фыркнул презрительно:

— На какой срок бы придержали?

— Вы еще успеете насладиться триумфом, — заверил я. — Сейчас время не идет, а летит. Год за десять, а завтра будет за двадцать. Мы не знаем точно, как и что фурыкнет через год-два, настолько все зашебурши-

лось. Возможно, через полгода можно и даже пора будет обнародовать все-все!.. Но не сейчас, посмотрите на карту мира, там такое происходит, что нам нужно пока что придержать этот мощный козырь.

Я сказал намеренно «нам» и заметил, что уголки его губ чуть дернулись, намекая на улыбку, но лицо оставалось по-прежнему неподвижным и застывшим, как у крупного политика на дипломатическом приеме.

— Подумаю, — буркнул он. — Но вы меня не убедили.

— Я не за этим приезжал, — заверил я. — Честно говоря, сперва упирался, но сейчас счастлив, что приехал и, говорю без лести, пообщался с таким титаном.

Он отмахнулся.

— Да ладно, посмотрелся я на таких титанов...

— Я не сказал, — возразил я, — что вы единственный титан на свете!.. Но вы сделали то, что могли сделать только титаны.

Ингрид, слушая нас, сказала тихонько:

— Вызываю вертолет?

— Да, — сказал я. — вы... погоди... Погоди!

Она переспросила озадаченно:

— Что-то еще?

— Погоди, — сказал я сдавленным голосом. — Сейчас не вызовешь, сильные помехи... нас глушат.. ничего не понимаю, словно какая-то направленная атака...

Часть II

Глава 1

Ингрид дернулась и развернулась, торопливо отыскивая взглядом противника. Из дома на веранду выбежал Грегор, в руках тут же откуда-то возник автомат НК G36 «третьего поколения» под малокалиберный малоимпульсный патрон 5.56x45.

— Откуда? — спросил он резко. — Что за атака?

— Заглушена связь, — повторил я. — Мобильная тоже...

Ингрид торопливо нажала на смартфончике кнопку, прислушалась, подняла растерянный взгляд.

— Похоже...

Грегор спросил:

— Откуда пойдут?

— Не знаю, — признался я. — Смотря сколько их.

На веранду выбежала Тереза, помогла Стельмаху подняться, он покачал головой, но молча пошел с нею в дом.

— Почему такая хреновая охрана? — спросил я злобно.

Грегор развел руками.

— А кому был нужен этот пенсионер? Даже для тех, кто посвящен, он все равно уже политический труп.

И документам его грош цена. Так и думали до тех пор, пока вот не пришло это неустойчивое время... Раньше на публикацию этих документов не обратили бы внимания, позже тоже наверняка будут неинтересны, потому никто и не задумывался, что охранять нужно так, будто это склад атомных бомб!

Я сказал зло:

— Сейчас, когда в мире турбулентность на всех уровнях, эти бумаги могут рвануть так, что ядерная зима покажется жарким раем.

— Нападение всегда соображает быстрее, — холодно заметила Ингрид, — чем защита.

Я подумал, что я сам соображаю в сто миллионов раз быстрее, чем прежде, но, к сожалению, тело у меня почти не изменилось, потому не смогу ни уйти от пули, ни спрыгнуть с крыши, ни ударить в стену так, чтобы кулаком пробить дыру, потому внутри стало тяжело и холодно, а страх заполз под кожу и начал прогрызаться к костям.

Грегор сказал быстро:

— Займу позицию на чердаке.

— Из барретовской пока не бей, — предупредил я. — Пока там уверены, что не видим, будут приближаться осторожно, постараются захватить врасплох.

Он посмотрел на меня несколько странно.

— Какая барретовская?

— Прости, — сказал я с раскаянием. — Не хотел, так, нечаянно увидел. Я начну первым, а ты поддержишь из винтореза. Эм-восемь не бери, те ребята в брониках, а нынешние выдерживают пули даже из девяносто-четверки. А вот из винтовки Стоунера просадишь их запросто. Кстати, для меня захвати пистолет «Марк-двадцать три», у тебя их там два. Который с буквой «М».

Он посмотрел на меня зло и растерянно, Mk23 идет только в арсенал элитной десантуры, но в то же время и с уважением.

— Блин, как ты увидел?.. «М» — это последняя модификация, еще до конца не сертифицированная...

— Да так, случайно.

— Даже хозяин не знает о моем арсенале!

— У меня широкие полномочия, — ответил я скромно и, не обращая внимания на обалдевшую Ингрид, кивнул на экран монитора. — Аварийная перезагрузка восстановила работу камер.

Два экрана зажглись, мигнули пару раз, тут же изображение стало ярким, цветным и очень четким.

— Ого, — вскрикнул Грегор. — Это с тех камер, что на деревьях!.. За сто метров от дома!

— Благоразумно, — согласился я. — Ребята уверены, что их не видят. Не торопятся, это хорошо.

— Если связь работает, — сказала Ингрид торопливо, — я вызову спецназ!

— Ты уже вызвала, — сообщил я. — Да-да, только ты забыла, но я свидетель.

Она открыла рот, еще не соображая, но Грегор взглянул на меня с мрачным весельем и даже улыбнулся, видя ее растерянное лицо.

— Жаль, — сказал он, — у меня на крыше не будет такой ясной картинки.

— Положи перед собой смарт, — посоветовал я. — Картинку перенаправлю туда. Все норм, у нас за мышами следят две сотни камер, а экранов мало, дорогие, вот и научились перенаправлять даже домой на мобильники... Да, точно, с трех сторон прут сюда. Блин, все в камуфляже! Не простые бандиты, точно.

Ингрид спросила быстро:

— Кто и сколько?

— Может, — ответил я с сарказмом, — сказать, кто из них не женат и готов к длительным связям?

— Не умничай, — отрезала она. — Умнее тебя в тюрьмах сидят!

— Еще бы не сидеть, — пробормотал я, — с такой полицией и силовыми структурами... Та-ак, идут малыми группами, но двое из них тащат тяжелые пулеметы...

Она зыркнула на меня, но вспомнила, как часто я оказывался прав, ничего не спросила, что и хорошо, а то как-то не знаю, как объяснять, что наш спутник передает слишком уж размытое изображение, а юсовский как раз четкое, но вряд ли могу придумать правдоподобную брехню, как объяснить свое подключение.

— Это нападение, — сказала она.

— Да ну? — спросил я. — Мне казалось, просто поохотиться вышли... Говорят, тут кабаны водятся.

— Ты сам кабан! Когда выйдут на позицию?

— Уже фактически вышли, — сказал я.

Она крикнула:

— Надо обеспечить укрытие для Стельмаха!

Я не стал оглядываться, старательно всматривался, прикидывая наши силы. Мы с Ингрид, Грегор и Тереза, всего четверо бойцов. Не знаю, насколько хороша Тереза, но, надеюсь, хотя бы не ринется прочь с криком, что жизнь самое дорогое для демократки и либералки, рисковать ею в перестрелке преступно перед своим существованием и европейскими ценностями.

Нападающие, что особо тревожно, совершенно не маскируются под туристов или что-то еще. Помимо маскировочной одежды спецназа все до единого с оружием на виду, ничего похожего на скрытое, бесшумное или скрытого монтажа.

Значит, пославший их человек либо на самом вер-ху, либо абсолютно уверен, что такая операция ему сойдет с рук.

Ингрид посмотрела в окно на далекий забор.

— Будут работать снайперы?

— Нет, — ответил я.

— Почему?

— Понимают, если начнут стрелять по окнам, мы встревожимся и сразу же вызовем помощь. А так уве-рены, что про них еще не знаем. Готовься к быстрой атаке! Если сейчас попрячемся, поймут, что как-то их заметили, и теперь у них все решит скорость.

Она обернулась, прокричала:

— Грегор, Стельмаха в подвал!.. Сейчас здесь будет ад!

В комнату вбежала Тереза, сразу потолстевшая из-за бронезилета под рубашкой, на плече автомат с ук-ороченным прикладом, на поясе кобура с выглядываю-щей рукоятью армейского пистолета. Второй писто-лет в руке, сразу протянула мне.

— Грегор передал. Как тут у вас?

Я сказал зло:

— Блин, вон там есть хорошее местечко на опушке леса, где за деревьями могут установить крупнокали-берный пулемет!.. От него за стенами не укрыться, пробивает не только кирпичные, даже камень проса-дит... наверное.

Грегор появился в дверном проходе, крикнул:

— Не просадит. Здесь гранит. Кирпич — это обли-цовка.

Ингрид сказала обеспокоенно:

— В подвале безопасно?

— Если там комната безопасности, — ответил я. —

Кстати, какой фирмы?

— Фирмы Ира-Инъжиринг, — ответила Тереза четко.

— У нее хорошая репутация, — подтвердил я. — Безрезовский в такой прятался. Тогда нашего хозяина сразу туда. Тереза, тебе тоже лучше с ним быть внутри, вдруг у него что с сердцем от волнения, инсультнет...

Они слушали, и, что значит военные люди, на их лицах читал готовность исполнять все беспрекословно, приучены, а я вроде бы назначен из Управления старшим на время какого-то расследования...

— Ингрид, — сказал я, — тебе бы тоже стоило в укрытие.

Она спросила с подозрением:

— А ты?

— Что я, — ответил я. — Мы с Грегором ликвидируем угрозу, выпьем кофе, пожрем все сладкое, а потом... потом посоветуем тебе и Стельмаху с Терезой вылезать. Беги быстрее!

Я толкнул ее в спину. Она шагнула, но оглянулась, в глазах неподдельный страх.

— Они нас уже видят?

— Давно, — заверил я. — Сперва на экранах мониторов любовались, какие мы нарядные, а теперь уже и в бинокли.

Она поежилась.

— В оптические прицелы?

— Не желал расстраивать, — сообщил я. — У тебя давление уже скакнуло на двадцать два деления. Можешь проверить.

— Ага, — огрызнулась она злобно, — щас начну проверять!

— Ага, поверила...

— Мечтай-мечтай!.. Ты мне все время брешешь. Только не пойму, где.

— Мастер, — сказал я гордо. — Врать женщинам надо уметь...

Она вскрикнула:

— Ого!.. Да это настоящий спецназ!

На экранах замелькали перескакивающие через забор парни в полной экипировке сил специального назначения: в пятнистой зеленой одежде, пятнистых касках, с одинаковыми автоматами в руках.

Грегор уже исчез из нашей комнаты, я увидел глазами видеокамер, как он мчится, перескакивая через две ступени, на чердак, там выхватывает из-под кучи рухляди 12,7-мм самозарядную снайперскую В-94, хорошая штука, бьет как одиночными выстрелами, так и очередями, в то же время сам стрелок остается вне зоны досягаемости огня противника.

Одним движением достав из-под старого мешка коробку с патронами, он упал перед окошком и осторожно выдвинул ствол.

Ингрид с пистолетом в руках присела возле меня, взъерошенная, как огромная кошка перед схваткой со стаей собак.

— Где они?

— Двигаются через двор, — сообщил я. — Неужели думают, что их не видно?..

— Действуют по инструкции, — шепнула она.

— Всегда?

— Лучше по инструкции, — ответила она торопливо, — которую вырабатывали специалисты, сами побывавшие в боях, чем позволить самодеятельность.

— Тихо, — велел я, — подходят к двери.

— Будут выбивать?

— Цепляют магнитную мину... Закрой глаза и зажми уши!

Она поспешно присела, наклонив голову и закрыла ладонями уши. Тут же раздался страшный грохот, ослепляющая вспышка ударила по глазам, но я тоже

успел за долю секунду до этого зажмуриться, а когда сразу раскрыл глаза, там плавающие пятна, но мозг немедленно восстановил ясную и четкую картинку: дверь взорвана, на той стороне, как в замедленной съемке, разгибаются точно так же присевшие в ожидании взрыва светошумовой гранаты спецназовцы и начинают движение в эту сторону.

— Стреляй! — крикнул я Ингрид.

Далеко наверху прогремела длинная очередь из В-94. Ингрид одновременно трижды бабахнула в двигающихся в нашу сторону. Из троих спецназовцев один споткнулся и упал, двое открыли на ходу ответный огонь.

Пули с чудовищной силой начали крошить стены. Я только на миг представил, как такая саданет в мое незащищенное тело, и стало дурно. Это во времена Пушкина пробивали кожу и на два пальца погружались в тело, а дальше человек умирал уже от воспаления, которое лечить не умели, а сейчас пробьют насквозь, оставляя внутри кровавые ошметки.

Я торопливо отполз, крикнул Ингрид:

— Отходи! Я прикрою!

Так кричат спецназовцы при своих передвижениях, когда отступают по очереди: один бежит, а второй бешено стреляет, не давая противникам поднять головы.

Ингрид уверена, что я так и делаю, хотя мой метаболизм взвинтил меня до предела, сердце бухает сильно и часто, мозг постоянно просчитывает быстро меняющиеся комбинации, а руки крепко стиснули в ладонях рукоять пистолета.

В обойме всего двенадцать патронов, и хотя мое тело просто старая больная черепаха в сравнении с мозгом, но все равно могу двигаться почти вдвое бы-

стрее Ингрид, а также этих ребят, точно и правильно выполняющих задание.

Я выстрелил четыре раза, четверо рухнули на пол. Мозг подсказал, что сейчас сюда обрушится такой шквал огня, что даже палец не высунуть, тут же ссекут пулями.

Пока отползал, не поднимая головы, сзади бабахал пистолет Ингрид, дура, совсем не экономит патроны. Наконец я забрался ногами вперед в гостиную, оставив в разрушенном холле четыре труп.

Ингрид прокричала:

— Держись, помощь скоро придет!

— Добавь к перелету время на сборы, — крикнул я. — Слышишь, Грегор бьет часто, у него все на виду.

— Кроме тех, что уже в доме, — ответила она.

Я крикнул:

— Готовься, сейчас вырубят свет!

Глава 2

Ей не надо говорить, что темно будет только нам, а у них очки с ночным видением, сразу присела за диваном, чтобы не увидели даже со спецзрением.

Через мгновение свет разом погас. Я услышал топот, они ринулись молча, чтобы мы не начали стрелять на голоса. Я и не стал, а чуть приподнялся над спинкой дивана, дважды выстрелил в верхнюю часть призрачных силуэтов и снова присел, а двое из ворвавшихся дернулись и рухнули на пол.

Две автоматные очереди хлестнули в ответ, я прошептал скрючившейся Ингрид:

— Я проберусь в силовую, врублю свет снова. Стреляй сразу, как зажгутся люстры.

— А ты...

Но я уже не слушал, быстро-быстро, на пределе своих возможностей, проскользнул по узкому коридору в комнату с агрегатами, что распределяют не только свет, но и тепло, воду, быстро разобрался, что там и как, а когда двое побежали следом за мной, врубил свет всех люстр.

Яркий свет ударил им по глазам, мой пистолет уже наготове, я дважды нажал на скобу, не давая им даже шанса. Они рухнули, я выхватил у одного из рук автомат, сдернул с плеча сумку с гранатами, из кобуры выхватил пистолет, пусть будет в запасе.

В комнате часто бьет пистолет Ингрид, узнаю по интонации, у каждого оружия свой голос и свой тембр. За откосом двери справа и слева прячутся двое с автоматами, периодически высовывают руки и дают короткие очереди, не глядя, словно отвлекают мою напарницу, пока другие заходят сзади.

Я уловил ритм их движений, и когда один только-только начал высовывать автомат для выстрела, я прицельно выстрелил в единственное уязвимое место, в его пальцы.

Он вскрикнул, невольно высунулся половинкой головы, и моя пуля ударила его в висок.

С той стороны дверного проема кто-то крикнул зло:

— Вперед!

Они ринулись через дверной проход, я поспешно крикнул:

— Берегись, граната!

Все четверо бросились на пол, закрывая голову ладонями. Я выждал несколько секунд, достал гранату, выдернул чеку, чуть палец не сломал, бросил накатом ее по полу.

Спецназовцы, не дождавшись взрыва, начали подниматься, и тут один вскрикнул в ужасе:

— Граната!

Взрыв едва не опрокинул диван, Ингрид уперлась плечом, красная от натуги. Видеокамеры уцелели, я видел убитых и тяжело раненных в гостиной перед нами, сейчас нужно опасаться тех орлов, что влезли через окна в спортзал и кухню.

— Охраняй вход, — крикнул я.

Она спросила встревоженно:

— А ты?

— Посмотрю, — ответил я, — вдруг цирк приехал.

Спецназовцы отступили за выступ стены, я рассчитал, что в ближайшие сорок секунд никто не высунется, и торопливо пробежал к головному десантнику, он по всем приметам старший, оружие у него чуточку отличается от того, что у других.

Я схватил его автомат и десантный нож, заодно выхватил из кобуры пистолет. Перед глазами тут же вспыхнула картинка и, превратившись в ролик, быстро-быстро ознакомила со всеми интересными моментами этого полуавтоматического пистолета калибра сорок пять с магазином на двенадцать патронов. К нему, насколько понятно по техзаданию, прилагается глушитель и целеуказатель, но глушителя не вижу, что и понятно, секретность уже не нужна.

Ага, хотя к этому пистолету подходят и обычные патроны от M1911, но этот заряжен усиленным боеприпасом, что значит, как написано в одной из инструкций, «...более высокое давление пороховых газов и более высокая скорость вылета». Это значит, что если засадит, то засадит, навывлет пробьет, даже если окажешься в бронежилете. А если учесть, что пули снабжены наконечником из слабообогатщенного ура-

на, то это мама не горюй, нас точно не собираются оставлять в живых.

Ингрид рассерженно зашипела, когда я подбежал к ней и сунул ей автомат, но глаза расширились еще больше, когда я протянул сразу два трофейных пистолета.

— Ты... дурак, тебя могли убить!

— Через шесть секунд будут здесь, — ответил я быстро.

Она выхватила из моих рук автомат и моментально взяла на прицел дверной проем.

Почти одновременно там появились две фигуры в камуфляжных костюмах. Автомат Ингрид часто и зло застрекотал. Два спецназовца задержались и повалились лицом вниз.

— Держать оборону проще, — сказал я. — Соотношение потерь один к десяти?

— Один к трем, — поправила она.

— У нас будет один к ста, — сообщил я.

Она перевела взгляд на пистолет в моих руках.

— Брось!.. Или дай сюда. А то еще выстрелишь себе в ногу!

Я огрызнулся:

— А кто сказал, что собираюсь стрелять?

— Тогда зачем?

— Мне с ним не так страшно, — ответил я. — Мужчина я или не мужчина?.. Та-а-ак, отходим в столовую, а то сейчас сюда бросят гранату...

— Думаешь, — прошептала она на ходу, — они хотят Стельмаха именно убить?.. Или все-таки взять живым?

— Не знаю, — ответил я честно. — Надо проскочить в тренировочный зал. Там хороший обзор... Хотя нет, там будем в ловушке.

Она наконец перестала поглядывать на экран, сейчас важнее те, что уже в доме, остальных Грегор умело отсекает где одиночными, а где и очередями.

— Внезапностью им не удалось, — шепнула она. — Попробуют что-то другое?

Я оглянулся, вокруг пусто, Грегор на чердаке, Тереза ждет на последнем рубеже. Со стороны нападавших сейчас пойдет вторая волна, уже с учетом, что их обнаружили и даже сумели дать опор. Надеюсь, лаз в подвал хорошо замаскирован, а если нет, то вся надежда на safety room.

Ингрид крикнула в спину:

— Ты куда?

— Тихо, — прошипел я. — С этой стороны выход из дома блокируют всего двое, а нам это как два пальца... об асфальт. Осторожно... Видишь вон там роскошный куст роз?

Она осторожно выглянула в окно, шепнула:

— Ну?

— Видишь или нет? — повторил я. — Что за армейское «ну»?

— Вижу, — сказала она злым шепотом.

— Там двое, — сообщил я. — В дом не пойдут, это перехватчики. Сможешь просечь очередь куст на уровне колен?

Она посмотрела с недоверием.

— А ты откуда знаешь, что они там?

— Последний раз с тобой общаюсь, — сказал я. — И пошла ты...

Она поспешно вскинула автомат, прицелилась тщательно, ее палец вжал спусковую скобу. Автомат затрясло, Ингрид сцепила челюсти и удерживала прицел, ее бицепсыгодились, все пули попали в куст, ни одна не ушла мимо.

— Стоп, — сказал я и ухватил за руку. — Побереги патроны, если еще остались. Пойдем!

Она не успела вскрикнуть, как я выскочил в окно и, пригибаясь, побежал за высокой живой изгородью, Ингрид догнала меня уже у посеченного ее пулями куста, я кивнул на пробитые тела двух спецназовцев.

— Забери хотя бы диски, если автоматы не нужны. Хотя они тоже денег стоят!

Она молча бросила свой автомат, выхватила из мертвых рук ближайшего спецназовца его оружие, тот им еще не попользовался, патроны целы, и ринулась за мной.

Как я и увидел на экране, с этой стороны в заборе дырка. Подготовили, чтобы спецназу в тяжелом вооружении не задерживаться при захвате объекта.

По эту сторону три трупа, раны от тяжелых пуль из В-94, молодец Грегор.

Она бежала за мной, быстрая и легкая, как тень, хотя, думаю, тяжелее меня не меньше, чем на десяток килограммов, мышцы весят вдвое больше сала, но не занимают столько места.

Проскочив чистое пространство, я вломился в кусты, пробежал чуть, а там начал пробираться уже на корточках. Ингрид не отставала и уже не задает вопросов. Похоже, я серьезно напугал отказом общаться, молодец, что-то для нее значу.

Наконец я рухнул перед стеной деревьев, больно уколол пузо острыми ветками, дальше пополз на животе.

Ингрид прошептала сзади:

— Там вертолет?

— Нет, — ответил я, — пешком пришли! Не высовывайся.

Через минуту вползли на позицию, откуда за деревьями видно свободную от деревьев полянку. Вертолет в самом центре и точь-в-точь, чтобы не задевать винтом толстые стволы сосен, пилот настоящий виртуоз.

У вертолета двое чинов, а еще двое техников вытаскивают армейские рюкзаки, ранцы расстегивают, один вытащил и запустил с руки, словно ручного коршуна, легкий дрон с двумя видеокамерами.

Я сказал зло:

— Трутень... Вот сволочи!

Она переспросила:

— Какой трутень? Что за трутень?

Я указал взглядом в небо, а потом вспомнил, что имею дело с представителем силовых ведомств, указал еще и пальцем.

— Вон там, видишь?.. Над раздвоенной сосной...

Она всмотрелась, охнула:

— Дрон!..

— Ну да, — подтвердил я, — трутень... хотя и зовется осой...

— Не поняла...

— Wasp, — сказал я. — По размаху крыльев вроде бы он.

Она буркнула:

— У тебя что, биноклярное зрение?

— А у тебя нет?

— Я имела в виду, — уточнила она, — бинокльное. Я вижу только размытую точку.

— Да это wasp, — ответил я. — Во всяком случае, тяжелого вооружения не несет, разве что малость взрывчатки.

Я прикинул, что весь комплекс занимает не так уж много места: это базовая станция в рюкзаке, планшетник и сами дроны, что запускаются с руки.

Максимум времени полета у такого дрона сорок минут, но хотя подняться может до пяти километров, картинка фактически становится неразличимой уже с полукилометра, а идеальная начинает быстро угасать с высоты двухсот метров.

Она спросила тревожно:

— Он с оружием?

— Этот нет.

— Как ты узнал, что там вертолет?

Я переспросил:

— Это шутка юмора? Или ты где-то увидела проложенное сюда шоссе с антикоррозийным покрытием?

— А как ты увидел, где он сел?

— Там птички взлетели, — пояснил я. — И не могут сесть. На вертолете, ты права, могли привезти дроны потяжелее. И с вооружением.

Она фыркнула:

— Следопыт! Зверобой, Чингачгук, сын Виннету Инчучундры... Сбить точно не получится?

— Вертолет?

— Дроны!

— Увы, — ответил я, — у тебя только пистолет и автомат, у Грегора и Терезы тоже, а это, если ты еще не знаешь, оружие ближнего боя. Впрочем, Грегор мог бы попытаться из винтовки. Хотя...

— Что?

— Сигналы джи-пи-эс, — сказал я, — посылаемые беспилотникам, легко перехватывать и подменять.

Она спросила с недоверием:

— Так уж и легко?

— Беспилотник, — напомнил я терпеливо, — всегда передает большой объем данных, а для этого без толстого канала связи не обойтись. От пятидесяти мегабит в секунду и выше. Что значит, больше. Я объяс-

няю доступно? А если еще и шифровать, вообще связи не будет.

Она тревожно всматривалась в лес.

— А ты... попытаться можешь?

— Я не очень знаком с технологией джи-пи-эс-спуфинга, — признался я, — но в принципе там ничего сложного. Дай-ка планшет... Нет, лучше возьму свой, у тебя он какой-то кривой и забит троянами под завязку. На порносайтах чего только не наловишь...

Она огрызнулась:

— Я не хожу на порносайты!

— Да? — спросил я с сомнением. — А чего ты такая яркая... И сиськи... Ого, начали выдвигаться!.. Да не сиськи, вперед смотри...

Из вертолета вытащили и развернули на земле второй дрон, а когда он взлетел, я зябко передернул плечами. Настоящий боевой, вес не меньше ста килограммов, нигде не нахожу его характеристик, явно только-только из конструкторского бюро, вижу рыльца двух ракет малого радиуса действия, а к тому же помимо них наверняка есть заряд взрывчатки.

— Этот поопаснее, — сказала она.

— Правда? — спросил я саркастически. — Кто бы подумал... Но штука в самом деле дорогая и продвинутая... Вот куда у вас деньги уходят, а мы в Центре вечно голодаем, все мышкам отдаем, чтоб не померли...

— Сильно продвинутая? — спросил она с тревогой.

— Очень, — ответил я с удовольствием.

— Чему радуешься?

— Не люблю иметь дело с тупыми, — объяснил я. — Им трудно что-то втемяшить.

— А не тупым?

— Ты же меня охмурила, — ответил я.

Она посмотрела с недоверием.

— Не поняла... Так я тупая, или это ты тупой?

Глава 3

Я вытащил из кармана смартфон, но это для Ингрид, а на самом деле удобнее войти в программное управление дроном и сразу же перехватить руль.

Дрон поднимался все выше, но там вдруг беспокойно задержался. Ингрид прошептала восторженно:

— Это ты им мешаешь?

— Что значит я? — ответил я с оскорбленным достоинством. — Это они мне мешают. Видят, дрон перестал слушаться, пытаются опустить ниже для более устойчивой связи.

— А если у них не получится?

— Дрон не справится с управлением, — буркнул я. — Занесет на повороте... Не видишь, дорога скользкая.

Она вскрикнула шепотом:

— Какая дорога, какая дорога?

— Воздух скользкий, — пояснил я. — Слишком крутой вираж завернул.

Присоединившись к обмену данными между дроном и его дрессировщиком, я заодно поменял вид со спутника и зумил до предела, с высоты полета мелкой птицы дом смотрится великолепно, как игрушечный.

Себя, естественно, не увидел даже в окрестностях, зато рассмотрел бегущую к ограде новую группу людей в маскировочной одежде.

Мозг во мгновение ока просчитал все варианты их вторжения в дом, тут же предложил мне ответные шаги, но как же отвратительно, что мои мышцы сокращаются с той же черепашной скоростью, как и у этих двуногих!

Медленно, за целых полторы секунды я полностью перехватил управление тяжелым дроном, развернул в

полете, чуть снизил высоту для точности, вдруг это у меня руки дрожат, и выпустил обе ракеты из-под брюха дрона, выбрав целью вертолет.

На поляне вспыхнул такой громадный оранжевый шар огня, что даже при взгляде из окна дома, думаю, увидят, как над верхушками деревьев взметнулось пламя, а к небу поднялся черный столб дыма. Если из спецназа кто-то и остался еще в доме, то, понятно, им обратно уже не выбраться, но будут ли сдаваться, непонятно.

Ингрид на миг перевела взгляд от огненного шара на меня. До нас докатилась ударная волна горячего воздуха с сильным запахом сгорающего бензина.

— Как это он?

— ИИ, — сказал я и, встретив ее непонимающий взгляд, пояснил: — Искусственный интеллект. Ты с ним что-то делала?

Она мотнула головой.

— С ума сошел? Я оперативница.

— Значит, он сам, — сказал я. — Интересно-интересно... Вот так неожиданно машины обретают сознание. Наверное, ты перед ним голыми коленками маячила. А то и трусы переодевала на виду... Вот у него и пробудился интеллект.

Она сказала зло:

— Ага, у вас в таких случаях именно интеллект пробуждается!.. Свинья. Я видела, ты смартфон в карман прятал!.. Перехватил удаленное управление?..

— Какая ты... умная, — сказал я. — А я думал, красивая.

Она запнулась, не выбрав, что сказать, женщины уже догнали и обогнали нас по запасу бранных слов, потом метнула молнию взглядом и следом громыкнула:

— Ты самый подлый, ты гнусный самый...

— Милая, — сказал я, — я ученый малый, посудите сами: если молния меня не убила, то гром мне вовсе не страшен...

Она сказала со злостью:

— Снова кем-то прикрываешься?

— Самым великим в мире поэтом, — сказал я скромно, — как говорил великий Иосиф Виссарионович. Я же теперь эрудированный, как не похвастать перед женщиной... ты точно женщина? Давай сейчас вот за те завалы. Думаю, к взорвавшемуся вертолету кто-то помчится то ли спасать, то ли добивать...

Она оглянулась.

— Зачем тебе этот завал?

— А пострелять оставшихся не хочешь?

Она помотала головой.

— Возвращаемся в коттедж.

— Точно не хочешь? — спросил я.

Она покачала головой.

— Нет.

— Странно, — сказал я. — Я бы пострелял. Их восемь миллиардов на этой планете! Какая разница, если несколько штук прекратит существование...

Она зябко передернула плечами.

— Ненавижу ученых.

Дрон подлетел к дому и вдруг выпустил длиннейшую очередь в затаившихся у ограды дома десантников. Я успел перехватить их панические переговоры с двумя оставшимися в доме, затем там раздался взрыв, взметнулось жаркое багровое пламя.

Это дрон, теряя высоту, упал прямо на головы последней группы и взорвался, разбросав вокруг себя тучу земли и кровавые клочья тел.

Ингрид ахнула:

— Он выпустил весь боезаряд по своим!

— Это чтоб садиться было легче, — сказал я. — Самолет перед вынужденной посадкой всегда бензобаки освобождает! Эх, темнота...

— Это, по-твоему, посадка?

— У всех бывают погрешности, — сказал я. — Быстрее обратно!

Она бежала за мной красиво и ловко, пригнувшись и держа автомат наготове, то и дело шипела на меня, как гигантская кобра, чтобы не выпендривался, а делал, как она, вся такая правильная и милитаристская.

Ворвавшись в холл, я шепнул торопливо:

— Держи оборону здесь. Могут появиться уцелевшие снаружи. В доме тоже кто-то должен быть...

— А ты?

— Что-то Грегор замолчал, — пояснил я. — И по дрону ни разу не выстрелил. Если ранен, перевяжу.

— А если убит?

Я развел руками.

— Я не Христос, вряд ли воскрешу. За снайперский автомат не лягу, стрелять не умею... Вернусь с новостью, что...

Она вряд ли услышала, с какой новостью вернусь, потому что я достаточно быстро взбежал по откидной лесенке наверх, даже не слишком запыхался, там открыл люк на чердак.

Грегор лежит у пулемета перед распахнутым окошком, кровь на груди и ногах, правая перетянута жгутом выше колена.

— Ты как? — спросил я.

Он прохрипел, задыхаясь:

— У меня всего три патрона... В пистолете.

— Зря не расходуй, — предупредил я. — Они дорогие, по доллару штука!.. А доллар опять подрос.

Он не успел ответить, я приложил палец к губам, а его прижал к полу. Когда люк приоткрылся, спецназовец увидел Грегора, залитого кровью и в неестественной позе у пулемета, а я уже присел за дальней горкой старой мебели и рваных мешков.

Десантник вылез целиком и, держа автомат наготове, осторожно шагнул к Грегору, легонько толкнул носком сапога ему голову.

Я вытащил нож, десантник что-то уловил и начал разворачиваться в мою сторону. Я уже просчитал, с какой силой нужно метнуть нож, чтобы совершить всего один оборот, и ударил точно в цель, и мышцы едва не порвались от того усилия, которое я от них потребовал.

Нож все же вылетел из ладони, как испуганная птица, в доли секунды пересек разделяющее нас пространство...

Грегор раскрыл глаза и охнул, нож ударил острием в глазницу спецназовца и вошел в нее почти по рукоять. Я бросился к нему, рассчитывая каждое движение. Десантник еще не успел рухнуть на пол, то-то было бы грохота, как я выхватил из его руки автомат, другой рукой выдернул из кобуры пистолет и бросил то и другое Грегору, а десантника опустил на дощатый пол почти с нежностью.

Грегор поймал на лету все богатство, все еще ошалелый, кивнул с благодарностью, а я, не говоря ни слова, выдернул нож из глазницы и встал там же в темном углу.

Второй десантник поднялся по лестнице на чердак настороженный, труп еще не увидел, я сделал быстрый шаг и с силой опустил уже занесенный ранее нож. Это пуля не пробивает кевларовую броню, а нож запросто,

десантник даже не всхлипнул, беззвучно опустился на колени.

Я забрал и его оружие, это автомат, пистолет и подсумок с гранатами, тоже оставил перед Грегором.

Он прошептал:

— Теперь отобьюсь от целой армии... А вы куда, профессор?

— Посмотрю за женой, — ответил я саркастически. Он сказал вдогонку:

— За ними нужен глаз да глаз.

— Да, — согласился я. — Столько молодых мужчин прибыло!

Ингрид сидит за ящиками, свернутая в ком, как тугая пружина, готовая развернуться со страшной силой в любой момент, глаза горят, зубы оскалены, пистолет в сомкнутых ладонях.

— Ты как? — спросил я.

Она огрызнулась:

— Как-то все сумбурно, но вроде бы отбились... У них мало времени, должны атаковать и атаковать!

— Значит, — сказал я, — некому.

Она вскрикнула:

— А те, что...

— Мертвы, — ответил я.

Она всмотрелась в меня.

— Кто их убил? Ты или Грегор с Терезой?

Я отмахнулся.

— Да уже не помню. Да какая разница?... Их нет, проблемой меньше.

— Их убил не ты, — определила она. — Ты не смог бы вот так сейчас... Тебя бы трясло и корчило!. Ты вообще какой-то... Да и не знаю!

Я двинул плечами.

— Да ерунда все. У тебя бутерброда не осталось?..

Она дернулась, переспросила ошалело:

— Что-что?

— Бутерброда, — повторил я. — Много калорий истратил, организм напоминает, что неплохо бы восполнить... Да так напоминает, что аж визжит... Мне питаться нужно по режиму.

Она смотрела с недоумением, почти с ужасом, я вспомнил, что она права, человек вообще-то должен как-то реагировать иначе, ну так волноваться, суетиться, бегать и кричать, что ох как ужасно, люди не должны убивать друг друга, это неправильно...

Хотя почему не должны? Люди всегда убивали друг друга, благодаря этому и возвысились над остальными тварями, что убивать друг друга не могут.

Да, теперь можно бы не убивать, мы уже люди, у нас есть религия, однако ну никак не могу ощутить в себе священного ужаса, о каком пишут в книгах.

А застрелил, но не попинал ногами только потому, что трупы не почувствуют, да и как-то нерационально пинать, я не женщина, это у них все через эмоции, а я самец.

Правда, мужчины порой тоже, а я вот ничуть, даже совершенно ничуть... а не потому ли, что знаю намного больше и вижу, чем обычный человек? Может быть, мое обострение интеллекта как раз за счет эмоциональной подпитки?

Она спросила внезапно:

— О чем задумался? У тебя морда лица странная... Опять среди звезд?

Я кивнул.

— Ты права. Сеть нейронов удивительно похожа на звездный рой в центре Галактики. Настолько, что приходят совсем уж странные мысли.

Она зябко передернула плечами.

— Ты какая-то жаба вовсе, а не человек. Сейчас посмотрю, совсем из головы вылетело, что я взяла с собой пакет с бутербродами. Но неужели ты сможешь их есть?

— Еще как, — заверил я.

Эмоции, мелькнула мысль, чаще всего от неожиданности. Например, испуг. Но никто не сможет подойти ко мне сзади и гавкнуть над ухом, потому что я, даже не глядя, вижу то ли по запаху, то ли еще как, но вижу и чувствую, как будет подходить, какие гримасы корчить...

Видя человека, который выхватывает пистолет, я уже понимаю, умеет он им владеть или не умеет, а если владеет, то в какой степени, хорошо ли стреляет или нет, может ли выстрелить в человека напротив, и как нужно двигаться, чтобы опередить и отнять у него этот пистолет, даже если я за десяток шагов от него...

— Ого, — сказал я, — у нас гости.

Она спросила настороженно:

— Ты о ком?

— Сюда летят, — сообщил я и взял в руки автомат. — Будь наготове.

Грохот вертолетного двигателя становится все громче, из-за верхушек деревьев вынырнул армейский вертолет, за ним еще один.

Мы ждали, оба пошли на посадку прямо во дворе. Из первого морпехи начали выпрыгивать, не дожидаясь, когда вертолет коснется колесами земли.

— Наконец-то, — выдохнула она. — На первом Бондаренко, уже вижу.

— Как ты их различаешь? — удивился я. — Разве военные не все одинаковы?

— Свинья!

— А они молодцы, — одобрил я. — Вот так надо работать!.. Появляться, когда все закончено, убрать трупы и бодро просить прибавку к своему и так нехилому жалованью. Хорошая у вас работа.

Она сказала сердито:

— Я была здесь, а не там.

— Потому что со мной, — уязвил я. — А то сейчас бы прилетела. Походила бы, стараясь не вступить в кровь... Туфли у тебя классные!

— Ух ты, — сказала она саркастически, — заметил! А какого они цвета?

Я посмотрел на ее туфли и ответил уверенно:

— Желтые!

Второй вертолет на пару секунд завис на большой высоте над площадкой, я почему-то представил себе, что вот сейчас сбросят тросы, а по ним стремительно заскользят вниз бравые парни в черных костюмах, однако вертолет достаточно быстро опустился, с обеих сторон быстро выскочили парни в пуленепробиваемой броне и с автоматами в руках, помчались, сильно пригнувшись, прямо через клумбы к дому.

В мою сторону побежал немолодой, но полный силы офицер без знаков различия, замахал руками.

— Капитан Волкова, профессор Лавронов?

— Они самые, — ответила Ингрид и убрала пистолет в кобуру.

— Лейтенант Крабоид в вашем распоряжении!

— Занимайте оборону, — сказал я. — Так, на всякий случай. Маловероятно, что попробуют еще раз, но дураков на свете много и помимо военных... Два беспилотника сбиты, вот за теми соснами догорает вертолет нападавших. Посмотрите насчет выживших... не думаю, что такие отыщутся, но вдруг там что-то важное.

— Как в доме? — спросил он.

— Один ранен, — ответил я. — Средней тяжести, он на чердаке. Из нападавших убиты все. В основном, весь отряд сражен меткими выстрелами капитана Волковой и товарища Ратника... не уверен, что могу назвать его имя и звание.

На его лице отразилось даже не уважение, а почтение. Оглянувшись, морпехи уже спешно выносят из дома трупы, потом снова трупы, складывают их в ровный ряд на дорожке, быстро фотографируют для идентификации, а у кого взрывом гранаты разворочено лицо, берут образцы крови, как догадываюсь, для анализа ДНК.

— Хорошие новости, — сказал Крабоид. — Нам сказали, вы свое задание выполнили... я не уполномочен спрашивать, и теперь возвращаетесь на этом же вертолете?

— Да, — сообщил я. — Вряд ли нападение повторится, а если и да, то вас и больше, и вооружены лучше.

Он ответил четко:

— Они не пройдут!

Из черного зева выпрыгнул на землю и легко разогнулся человек в элегантном костюме, пошел к нам быстрыми шагами.

— Приветствую, Владимир Алексеевич!

— Рад вас видеть, Ростислав Васильевич, — ответил я. — Не сидится в кабинете? Полевая работа вспоминается?

Бондаренко покачал головой.

— Похоже, вас недооценили не только эти люди, но и мы.

— Это все капитан Волкова, — заверил я. — А еще капитан Васильковский и лейтенант... Тереза. Мне почему-то Тереза больше нравится, как звучит, чем Анна

Дмитриевна. Романтичнее. Напоминает Кармен, Клеопатру и даже мадам Помпадур.

Он скупно улыбнулся.

— Представьте себе, я знаю, кто такая Тереза и Клеопатра, а про остальных, каюсь, не слыхивал. Должен предположить, что ваша роль наверняка была не только в качестве зрителя?

— Увы, — ответил я, — или, точнее, к счастью. Я только так... консультировал.

— Вы хорошо консультируете, — подтвердил он. — У нас есть один специалист... Недавно отправили под Латакию, он так проконсультировал там добровольческие отряды, которые постоянно терпели поражения, что они разбили чуть ли не армию и захватили семнадцать танков, восемьдесят бронетранспортеров и уйму стрелкового оружия. Вот что значит хороший консультант!

— Ой, — сказал я. — Даже не мечтаю о такой карьере. Мне бы мышек своих не уморить... Вы не представляете, какие у меня замечательные мышки! А умные какие...

Он посмотрел на мое умильное лицо, кивнул.

— Да, конечно. Мышки не люди, они все замечательные.

— Зачем был послан отряд захвата? — спросил я. — Чтобы попытаться заставить Стельмаха замолчать... или же заставить его нажать горячие клавиши и отправить рассылку по всем запланированным адресам?

Бондаренко вздохнул.

— Наши эксперты над этим работают.

— А результаты?

Он ответил уклончиво:

— Вы свою работу сделали так, что теперь вряд ли

что узнаем. Их действия могут быть как хитрым многоходовым планом, так и откровенной дуростью или чьим-то просчетом. Неверной оценкой ситуации.

— Вашей?

Он поморщился.

— У нас несколько конкурирующих отделов, куда одни попадают по способностям, а другие по лояльности или знакомству.

— Блин, — сказал я с досадой, — неужели даже у вас так? Нельзя ли вернуться к старой модели КГБ?

Глава 4

Он взглянул на меня с осторожностью и сомнением во взгляде, не уверенный, насколько я говорю серьезно, мне даже почудилось, что готов был заверить, что продвигаются в нужном направлении, но профессиональная осторожность взяла верх, я видел, как он замкнулся и потому ответил высокопарно:

— Какой КГБ, у нас демократия и соответствующая коррупция, кумовство и знакомство, иначе какие из нас либералы?

— Я бы предпочел КГБ с человеческим лицом, — сказал я. — Но не рылом, а лицом. У либералов все же рыла. Я хоть сам либерал и демократ, но терпеть их не могу.

Подбежал тот офицер-десантник, бросил руку к виску.

— Среди убитых опознан сам Завирюха.

— Кем убит? — спросил Бондаренко недовольно. — Жаль, хорошо бы взять такого зверя живым.

Офицер коротко взглянул на меня.

— Выстрел профессионала. Пуля вошла на дюйм выше края бронежилета. Это не ваш собеседник, он так бы не смог.

Я сказал с облегчением:

— Благодарю. Хотя и лестно, что меня считают профи, но для человека моей профессии это совсем не комплимент.

Бондаренко сказал с пониманием:

— У кого острый глаз, у того тупой мозг?

— А у кого твердая рука, — сказал Крабоид, — у того что-то другое мягкое... все никак не могу вспомнить! Пойду встречу нашего академика, недолго ему пришлось сидеть в подвале.

Бондаренко кивнул, разрешая, а я облизнул пересохшие губы.

— Что-то у меня в глотке пересохло. Но кофейный автомат уцелел, хорошо помню. Мы его особенно берегли, это же не картины какого-то Моне или Берлиоза.

Бондаренко воскликнул с энтузиазмом:

— Это же замечательно!.. Ведите!

Но сам пошел первым и сразу на кухню, явно здесь бывал и знает каждый поворот.

Ингрид забежала вперед, мазнула по сенсорному дисплею, заказывая три большие чашки, а сама ухватила их и торопливо сполоснула, от выстрелов везде осела легкая пыль.

Бондаренко с наслаждением отхлебывал кофе быстрыми глотками, профессионально цепко поглядывал по сторонам, явно сразу видя, кто откуда стрелял, из какой позиции и как получил ответку.

Крови на полу все еще лужи, трое морпехов под руководством Крабоида мигом притащили огромные тряпки и быстро убрали сперва лужи, потом замыли

следы, спеша все проделать до появления престарелого хозяина, которого так охраняет все Управление.

Грегора уже перевязали и унесли в вертолет. Бондаренко внимательно выслушал меня, как именно садовник положил кучу народу, перебегая от одного окошка на чердаке к другому, так как атака велась с двух направлений.

Тереза, как оказалось, сперва заняла оборону в комнате, в центре которой под толстым ковром находится люк в подвал, но потом вместе со Стельмахом спустилась в подземелье.

Я недоумевал, потому что даже если бы вторгшиеся десантники сумели найти люк и спуститься, все равно Стельмаха вытащить бы не смогли: в дальнем конце подвала в стену вмонтирована дверь в комнату-сейф, что запирается изнутри.

В таких комнатах можно чувствовать себя в безопасности даже в эпицентре атомного взрыва: автономное освещение и вентиляция через прибор для очистки и обеззараживания воздуха, запас воды и питания на месяц, средства наблюдения за поверхностью...

Я спросил в недоумении:

— На что они надеялись?

Бондаренко вздохнул.

— На внезапность. Время выбрали удачно, Стельмах в это время выходит из кабинета, где он ненаблюдаем, и садится на веранде как раз на виду у тех, кто вооружен даже плохоньким биноклем. По всем расчетам, как бы он быстро ни передвигался, его бы успели перехватить до момента, когда спустится в подвал.

— Может, им удобнее было бы ночью?

Он покачал головой.

— А вдруг Стельмах и спит в той бронированной комнате? Нет, они действовали правильно. Просто не учли, что в это время в его домике окажутся дополнительно к охране из двух известных им человек еще и двое спецagentов высшего уровня допуска.

— Ой, — сказал я и поморщился, — вот только не нужно меня в эти...

Бондаренко посмотрел с сочувствием.

— Не представляю, как сравнение со спецagentами высшего класса может оскорбить, но... догадываюсь, среди научных работников другие понятия.

— Спецagent у вас Ингрид Волкова, — напомнил я. — Это достаточно, а я был всего лишь поблизости.

Он ушел рассматривать разрушения в доме и трупы, а Ингрид обратила внимание, как я сгибаю и разгибаю пальцы, прислушиваясь, насколько мышцы и сухожилия за последнее время стали крепче и сильнее.

— И что тебя там заинтересовало? Неподстриженные ногти?

— Версия, — ответил я лаконично.

— Что-что?

— Версия человека, — пояснил я. — Наши тела — это первая версия человека. Очень скоро начнем менять сперва органы, а потом заменим и все тело. Наверное, тогда и вспоминать не захочется, каким слизнем я был.

— Ты и сейчас слизень, — возразила она, ничего не поняв.

Я согласился со вздохом:

— Верно. В сравнении с тем, кем стану.

Стельмах вышел на веранду тяжело, лицо каменное и мрачное, Тереза идет за ним, как курица за самым слабым цыпленком, вид у нее такой, будто в каждом из нас подозревает коршуна.

Он остановился, опираясь ладонями на балюстраду. Я приблизился осторожно, сказал с предельным сочувствием:

— Какие сволочи!.. Истоптали всю клумбу с флоксами!.. Бесчувственные люди, нет в них чувства прекрасного. Не зря их убиваем.

Он махнул рукой.

— Флоксы?.. Я их тоже не одобрял. И собирался на следующий сезон посадить мальвы.

— Да? — спросил я и оглянулся на Ингрид, она увидела нас и поспешила на веранду. — Тогда последнего ты зря пристрелила. Можно было пощадить.

Она покачала головой.

— Зачем усложнять себе жизнь? Сейчас в плен берут, если нужны дополнительные сведения. Иначе какой смысл?

— В самом деле, — согласился я. — Думаю, у них жалование втрое больше, чем у какого-то жалкого доктора наук.

— За это стоит убить, — поддакнула она и взглянула на меня, я должен был поддержать шутку, но я даже не улыбнулся, все верно, нужно выравнивать эту диспропорцию в сторону увеличения процента интеллектуальности населения.

Стельмах вздохнул.

— Вроде бы Интернет, искусственный разум делаем... как его можно делать, когда своего еще нет? Не представляю. Дикари. Только и того, что вместо каменных топоров скоростные автоматы.

Я оглянулся на выбитые вместе с рамами окна, испещренные пулями стены, огромную дыру на месте входной двери.

— Надеюсь, здесь застраховано все?

Он отмахнулся, а за него с готовностью ответила Ингрид:

— Все на бюджете.

— Ого, — сказал я, — хотел бы я, чтобы и мое было на бюджете...

Стельмах улыбнулся, а Ингрид быстро напомнила:

— Тебе стоит только сказать слово!

Я покрутил головой.

— Не-е-ет, я хочу так, чтобы не работая. Рыбку съесть и ножки не замочить.

Она фыркнула:

— А так бывает?

— У жуликов только так, — сообщил я. — А разве правительство не сборище жуликов? Силовые структуры вообще не... ладно-ладно, молчу.

Стельмах хитро улыбнулся, мужчины с ходу понимают, где прикол, где просто троллят, но Ингрид сразу нахмурилась, сказала резко:

— Ты прав, лучше молчи. Не хотелось бы ликвидировать тебя собственноручно.

— Или собственноручно, — уточнил я. — Когда это говорю, то имею в виду вовсе не нож.

Она нахмурилась.

— А что?

— Я видел, — сообщил я, — как ты того усатого здоровяка задней ногой вырубил. Копытом. Я думал, в нокаут, а у него шея перебита.

— Я его сюда не звала, — возразила она.

— А меня звала, — напомнил я.

Она подумала, кивнула.

— Что напрашиваешься? Хочешь, чтобы меня привлекли? А меня могут и оправдать, если я расскажу, какой ты мерзавец!

— Ой, спасибо!

— Или поручу, — уточнила она, — кому-нибудь еще.

— Нет, — сказал я, — на это не согласен. Только собственноручно.

Стельмах сказал с удовольствием:

— Когда посмотришь на вот такую семейную сцену, сразу на душе светлее и легче! Когда сохраняются эти вековые ценности, мир должен устоять, несмотря ни на что.

Тереза подошла к Стельмаху осторожно, он покосился на нее с улыбкой.

— Испугалась?

— И сейчас боюсь, — призналась она. — Пойдемте, измеряю вам давление. И таблетки пора принимать.

— Да-да, — сказал он, — сейчас пойдем. Хочу просто Владимиру рассказать один случай, вряд ли мы с ним когда-либо увидимся, слишком у нас дороги разные.

Я насторожился, выглядит он невеселым, да и на лицо сразу набежала тень.

— До того, — сказал он, — как перейти на работу в центральный аппарат партии, я был студентом политеха, затем инженером, главным инженером крупного военного завода, наконец возглавил этот завод и на свой страх и свою ответственность наладил выпуск очень важного для обороны страны оружия...

— Да, — сказал я, — это немало...

— А всего пять лет назад, — договорил он, — ко мне приезжала бригада медиков для ежегодного исследования. Заодно провели на мне тест, недавно разработанный в их институте... Определяли способности.

Он вздохнул, лицо помрачнело еще больше.

Ингрид спросила заинтересованно:

— И что показал тест?

Он вздохнул еще тяжелее.

— Тесты один за другим показали, что у меня уникальные музыкальные способности. Я чувствую музыку, разлитую в природе, как никто другой. И мог бы стать самым великим музыкантом. Величайшим из композиторов!..

— Ого!

— Представьте себе, — сказал он грустно. — Тесты повторили несколько раз, но результаты всякий раз совпадали. И только тогда я вспомнил, что музыка с детства сама шла ко мне. Я мог играть на любом незнакомом инструменте, а мелодии сочинял на ходу... Но, как сказал Маяковский, «...раскрыл я с тихим шорохом глаза страниц, и потянуло порохом от всех границ». После войны страна остро нуждалась в инженерах, в восстановлении промышленности, нам предстояло трудное и голодное восстановление страны... Что я мог сказать огорченным медикам насчет того, что так и не раскрыл уникальное дарование музыканта?.. Жалею ли?.. Да, остро жалею. Но, на беду нашу, жизнь такова, что не всегда дает раскрыться нашим талантам. Приходится либо тупо зарабатывать на жизнь, либо восстанавливать разрушенный бомбами дом, либо поднимать на ноги детей, а время уходит...

Ингрид сказала печально:

— Мне так жаль...

Он покачал головой.

— А мне сейчас нет. Я все сделал правильно. Нельзя заниматься собой, когда горит дом. К сожалению, мир пока не настолько хорош, чтобы мы без опаски могли заниматься только собой. Приходится жертвовать личными интересами ради интересов общества. Не будь этого, человек не стал бы человеком... Успехов вам, дорогие мои!

Он обнял нас обоих и пошел в дом, поддерживаемый Терезой. Бондаренко подошел к нам, бросил вдогонку Стельмаху озабоченный взгляд. Тереза слегка поддерживает престарелого академика под локоть, однако он и сам поднимается по лестнице достаточно бодро, не сдается.

— Крепкий старик, — сказал он с одобрением. — Гвозди бы делать из этих людей, в мире бы не было крепче гвоздей... Старая гвардия! Даже не повел глазом, что на первом этаже все продырявлено, прострелено, изорвано осколками... Наши эксперты пока разбираются, кто напал и как шла схватка. Что-то в ней много неясного, говорю сразу, в команде нападающих слишком много промахов.

Я сказал негромко:

— Не надо.

Он взглянул на меня остро.

— Что?

— Разбираться не надо, — пояснил я. — Кто напал, это узнаете там у себя в конторе. А насчет подробностей схватки... О деталях узнает слишком много народа, а оно вам нужно? Я думал, разбираете только неудавшиеся.

Глава 5

Он несколько мгновений всматривался в меня, стараясь понять, что прячется за сказанным, потом несколько замедленно кивнул.

— Вы правы. Полетите сейчас? Один вертолет все равно отправлять, остальные ребята останутся здесь до тех пор, пока не возведут новейшие укрепления. И систему электронной защиты, чтобы любые помехи выдерживала. Очень уж легко все отрубили!.. У нас

оборвалась связь, я велел проверить, и тут пришел условный сигнал от Волковой, что нужна поддержка...

— Да, — ответил я, — не хотелось бы злоупотреблять гостеприимством хозяина. Я получил все необходимые разъяснения.

Бондаренко взглянул на меня остро, голос стал намного тише, когда поинтересовался:

— К какому-то выводу пришли?

— Да как сказать, — пробормотал я, — может быть, пусть говорит?.. Столько лет прошло... Кому это теперь интересно?

Он поморщился.

— Вы что, в самом деле так наивны? Вон какие баталии идут из-за того, был ли Аттила чистым степняком или наполовину германцем?.. Были германцы в его армии ударной силой или только примкнувшими союзниками?.. В Чернигове на прошлой неделе вспыхнула массовая драка, погибло трое и семьдесят ранено, а из-за чего? Вот-вот, просто невероятно важный для жизни вопрос: был Юрий Долгорукий украинцем или был русским. Историки твердят, что тогда ни тех, ни других еще не было, но кто этих сраных ученых слушает?

Я вздохнул.

— Ну... примерно из этого пришлось исходить. Я уговаривал Валентина Афанасьевича пока подождать. Не отказываться от обнародования, а просто подождать некоторое время. Сейчас все меняется быстро, нужный момент для России подвернется скоро, чую.

Он вздохнул с заметным облегчением.

— Спасибо. Это даже важнее, чем ликвидация этого нападения, хотя я уверен, вы были той крохотной каплей, что склонила чашу весов на сторону победы.

— Да, — согласился я, — самой крохотной каплей. Все-таки стрельба даже как-то непристойна для доктора наук. Но даже доктор наук не понял, что стряслось, это же ваши люди нападали! Не понимаю, у вас там правая рука не знает, что делает левая?

Он хмыкнул.

— Это значит, у нас демократия. То есть конкуренция, поиск противовесов, боязнь, что какая-то группа получит слишком много власти или полномочий... и конечно, вы правы, одна рука не знает, что делает вторая.

— А как-то наладить?

Он сдвинул плечами.

— При демократии всегда немножко хаоса и неразберихи. Или хотя бы путаницы.

— Ничего себе немножко, — возразил я. — Погиб целый отряд элитного спецназа!

Он ответил со странной ноткой в голосе, то ли смирения со случившимся, то ли скрытой, но злой иронией:

— Плата за демократию. При тоталитарной власти такое было бы немыслимо. Я сейчас отправляю первую группу обратно, вы можете с ними.

— А вы?

— Мне надо задержаться, — ответил он серьезно. — Связи надо подновлять, а то истончатся и прервутся.

Я поднялся в вертолет, сказал «драсьте» подчеркнуто мирно и корректно, они уже знают, что я профессор. Похоже, это профессорство ко мне прилипло крепко, так простому народу проще, чем с доктором наук.

Ингрид, понятно, с этими ребятами чувствует солидарности побольше, все-таки и сама силовичка, но

села между ними и мной, то ли отделяя агнца от козлищ, то ли выдавая свою предательскую женскую натуру.

Этот вертолет, к счастью, со стенками, хотя двери все равно нет, причем проем такой, что выпрыгивать могут сразу по трое, но со спины у меня все-таки прикрыто.

Едва набрали высоту и лес перестал удаляться, я прокричал Ингрид:

— Давай ты сама доложишь Мещерскому? Или еще там кому?

— А ты? — крикнула она.

— А я прямиком к себе! — сообщил я. — Геращенко ждет завтра на работу... да и вообще...

— Что вообще?

Я сказал с тревогой:

— А вдруг там случилось страшное?..

Она спросила испуганно, даже глаза округлила:

— Что?

— Вдруг, — сказал я с ужасом, — моих мышек покормить забыли? Они такие нежные, такие чувствительные... Это же катастрофа! Год работы насмарку!

Она крикнула с отвращением:

— Да покормят, покормят! А в Управлении важнее выслушать тебя, чем кого-либо. Ты же должен представить рекомендации.

— Так я же тебе все сказал!

— Это несерьезно, — ответила она прямо в ухо, обжигая всю раковину горячим дыханием. — Я что, я просто бегущая и стреляющая единица. А ты как бы нечто мыслящее, хотя я что-то мыслительной активности в тебе не наблюдаю. Но им виднее. Они принимают решения, а не я, а то бы я им напиринимала!

— Эх...

— Не стони, — прикрикнула она. — Надолго не задержат. Минут десять ничего не изменят даже в твоей ах-ах какой насыщенной жизни!

— А ты что, не авторитет?

— Я даже для тебя, свинтус, не авторитет!

— Авторитет, — заверил я. — Ляжки чем накачивала, приседом?

— А что тебе мои ляжки?

— Тоже хочу, — крикнул я. — А то у меня там большие потери, как на войне.

— Могу помочь!

— Нет уж, — сказал я трусливо. — Знаю твою мощь. Лучше советом. По скайпу. Или вообще емэйлом.

— Свинья!

— Кстати, Ингрид, — сказал я просящим тоном, — постарайся умалить мою роль... во всем, что происходило. Я ученый, а не боевик! Мне отвратительно бегать, прыгать и стрелять. Потому даже в тех случаях, когда мне приходилось нажимать на курок или на что там у вас нажимают?... я чуть в обморок не падал.

Она буркнула с подозрением:

— Зачем это тебе?

— Не обижайся, — сказал я виновато, — но для нас, работников науки, участвовать в чем-то силовом совсем не похвала, а позор. Я предпочел бы, чтобы об этом никто не знал. Или знали поменьше.

Она фыркнула так громко, что на миг заглушила рез вертолетного мотора.

— Ах-ах, какой нежный!.. Мыслитель!

Вертолет опустился точно посередине крыши, первым выпрыгнул один из десантников, подал руку Ингрид и мне. Втроем отбежали, пригибаясь под силь-

ным ветром, а могучая машина тяжело оторвалась от бетонных плит и резко ушла в небо.

Тот же десантник что-то прокричал во встроенный в воротник микрофон, и когда подбежал к двери, я слышал, как там щелкнуло, и дверь чуть дрогнула, освобождаясь от запоров.

Он придержал для нас дверь открытой, Ингрид резво побежала по ступенькам, я за ней, десантник проверил, плотно ли закрылись за нами двери на все запоры, и догнал уже у лифта.

Обратно по тому же подземному ходу, дежурный офицер встретил у выхода уже в коридоре наверху, сказал почтительно, обращаясь к Ингрид:

— Полковник ждет вас.

На меня внимания не обратил, мало ли всяких приглашают со стороны что-то уточнить или растолковать, однако я заметил его прицельный взгляд, когда мы уже прошли мимо, но камеры показывают, как он смотрит вслед, оценивает походку, жесты, то ли это он так со всеми входящими, то ли мне уже уделяют повышенное внимание.

Мещерский в своем кабинете поднялся навстречу, крепко пожал обоим руки.

— Садитесь, — велел он. — Рассказывайте. Мне прислали подробную видеосъемку всего в доме, вокруг и даже на месте сгоревшего вертолета, но без ваших пояснений слишком много белых пятен.

Ингрид сказала с готовностью:

— Любые вопросы!

Он вытащил из ящика стола несколько распечатанных снимков, щелчком ногтя отправил к Ингрид.

— Сгоревший вертолет... Вернее, то, что от него осталось. Его разнес взрыв настолько мощный, что обломки разнесло на сотни метров и забросило за дере-

вья. Даже от погибших там осталось так мало, что только по анализу ДНК что-то узнаем... может быть.

— Молодец Грегор, — сказал я. — Он бил по нему из тяжелой снайперской, а та пробивает броню даже за два километра!.. До вертолета, как мне кажется, было не больше километра...

— Восемьсот метров, — подтвердил он. — А еще дрон... гм... потерял управление очень удачно, ударив в спины второй штурмовой группы.

Ингрид сказала со сдержанной гордостью:

— Да, сложилось. Но и мы не со стороны смотрели.

Он улыбнулся, сказал мне:

— Грант от неправительственного фонда «Поддержки инноваций» уже перечислен в вашу лабораторию.

— Ого, — сказал я, — у вас и в Швейцарии свои люди?

Он кивнул, не сгоняя с лица улыбку, что стала несколько иной.

— Как вы догадываетесь, не только в Швейцарии.

Я поднялся, сказал бодро:

— Прекрасно! Побегу посмотреть, сколько мышек смогу купить на миллион.

Его лицо осталось таким же, даже улыбку оставил, но явно не понравилось, у них тут полувоенная дисциплина. Ингрид бросила в мою сторону сердитый взгляд, а Мещерский проговорил сдержанным тоном:

— Да, конечно... Простите... Что-что?

Он замер, прислушиваясь к неслышимому для нас голосу. Мне даже почудилось, побледнел чуть, если такое вообще возможно для человека такой профессии и в таком звании.

Мы с Ингрид тоже затихли. Я поспешно подключился к каналам связи и, похоже, тоже то ли побле-

днел, то ли просто помрачнел, судя по тому, с каким подозрением посмотрела Ингрид.

Мещерский сказал резко:

— Поднять группу по тревоге!.. Подготовить к вылету!..

Ингрид дождалась, когда он наконец обратит взгляд в нашу сторону, спросила поспешно:

— Аркадий Валентинович, что-то со Стельмахом?

Он покачал головой.

— Нет. Но, возможно, даже хуже...

— Аркадий Валентинович?

Он со злостью ударил кулаком по столу.

— Вот что значит вовремя не вычислить крота в наших рядах! Только что похищена Абигель Степановна Сенченко. Объясняю, чтобы все сразу стало понятно: это внучка Стельмаха!.. Его любимая и единственная внучка.

Ингрид охнула.

— Ничего себе... Если он психанет, мало не покажется!

Мещерский сказал резко в невидимый для нас микрофон:

— Да, второй отдел подключить тоже!.. Бросить все силы на выявление. Докладывать мне лично! Кто, что, какие требования, если ли какие-то нити...

Двери распахнулись, в кабинет быстро вошли мужчины в настолько безукоризненных костюмах, что трудно заподозрить в таких аристократах офицеров разведки, хотя, если подумать, только такими и должны быть сотрудники высшего эшелона секретной службы.

Мещерский кивнул им на стулья у стола, все сели быстро и бесшумно, сведя к минимуму ерзанье задни-

цами по сиденьям, поглядыванию по сторонам, все неотрывно смотрят только на Мещерского.

— Боевики захватили очень ценного для нас человека, — сказал Мещерский. — К сожалению, это далеко от нас. Район далеко в южной части России....

Я слушал тоже, одновременно просматривая карты и дополнительную информацию по тому району.

Патриотично настроенные россияне на зиму стараются перебираться на «свой» юг, что значит Крым и Краснодарский край, все-таки Сочи теперь не хуже курортов Франции или Испании, а уж про Египет, Турцию и Грецию и говорить стыдно. Туда едет на отдых только офисный планктон, а у серьезных и обеспеченных есть дома как на своем юге, так и купленные в теплых странах Европы в те времена, когда Крым был не наш, и даже Южная Осетия и Абхазия еще считались грузинскими.

Правда, в последнее время участились слухи, что туда проникают возвращающиеся в родные края боевики халифата, но массмедиа об этом говорят глухо, а местная полиция вроде бы на высоте и отлавливает их даже по внешнему виду, так как сторонники халифата упрямо сохраняют бороды, сбывая усы.

Один из офицеров раскрыл планшет и сказал:

— Аркадий Валентинович?

— Да, майор Поддубецкий, — ответил Мещерский.

— У Абигель Сенченко, — сказал майор, — приличная пятикомнатная квартира в центральной части Москвы, домик в Англии и еще один в Испании. В Англии вилла с бассейном десять на двадцать, а в Испании на берегу моря.

— Девочка не бедствовала, — сказал кто-то с сарказмом.

— Да, как-то перебивалась, — ответил Поддубецкий. — Хотя и жалование у нее там неплохое, пятьдесят тысяч долларов в месяц, жить можно.

— Так она еще и работает?

— Да, — ответил он, — и довольно успешно. Коммерческим директором в строительной мегакорпорации. Но взяли ее здесь, в нашей стране.

Кто-то из сотрудников проворчал:

— Пока еще в нашей... Но если будем вот так пропускать ребят халифата на земли России, и ее отберут.

Мещерский сказал строго:

— У них здесь дома, российские паспорта. А доказать, что воевали за халифат, а не подрабатывали на чужбине, собирая бананы, не так-то просто. Но работу ведем, просто поддержка местного населения оставляет желать лучшего.

Поддубецкий спросил деловито:

— Требования какие-то выставлены? Выкуп?

Мещерский покачал головой.

— Никаких.

— Как это... так не бывает.

Поддубецкий поморщился.

— Вы же знаете, еще как бывает. Сперва спрячутся, а потом выдвигают условия. Особенно если украл не один, или группа с одним жестоким лидером, а группа сообщников. Они сперва еще договариваются о разделе выкупа.

— Значит, варианты могут быть разные?

— Могут, — согласился Поддубецкий, — но то, что это внучка Стельмаха, говорит о многом. Похоже, это был запасной план. Они ждали, что нападение на его коттедж окажется удачным, но на всякий случай подстраховались. И как только пришло сообщение о неудаче, тут же пошла команда взять его внуку.

Мещерский сказал невеселым голосом:

— Кто это мог быть... Ладно, начнем проверки.

Поддубецкий сказал быстро:

— Надо немедленно отправлять группу.

— Не дожидаясь их требований?

— Требования будут, — заверил Поддубецкий. —

Но надежнее для нас, если группа спецназа будет уже в пути.

Мещерский кивнул.

— Да, это не будет лишним. В лучшем случае вернутся. Хорошо, отправляйте немедленно. Я бы посоветовал взять Коротенко, Гаврилова и Буланого с их группами...

Ингрид посмотрела на меня, я смолчал, она пихнула локтем и сказала громко:

— Аркадий Валентинович, это часть нашей операции.

Он быстро повернулся к ней.

— Что вы имеете в виду?

— Полагаю, — ответила она быстро и кивнула в мою сторону, — вон профессор Лавронов уже выразил готовность немедленно приступить к поиску и освобождению заложницы.

Мещерский в удивлении посмотрел на нее, перевел взгляд на меня. Я покачал головой.

— Капитан Волкова, — ответил он, — вы хоть кадровый сотрудник, а Владимир Алексеевич серьезный ученый, который оказал нам неоценимую услугу в переговорах, но он не должен лезть под пули.

— Он уже был под ними, — напомнила она.

Он покачал головой.

— То была случайность. А сейчас мы сами посылаем группу, что вполне может оказаться принужденной к силовому решению.

Она сказала настойчиво:

— Вполне возможно, с похитителями придется тоже вести переговоры. А я убедилась, что Владимир Алексеевич как никто умеет хорошо чувствовать собеседника и разговаривать с ним на его языке.

Глава 6

Поддубецкий повернулся в мою сторону, я ощутил, как по мне пробежал его оценивающий взгляд, вроде бы даже звякнули потревоженные в кармане ключи, а смартфон на запястье показал, что переходит в режим зарядки.

— Это свойственно ученым, — сказал он, — однако ваш товарищ... гм... соратник, как я понял, и так много для нас сделал...

Ингрид повернулась ко мне, голос прозвучал требовательно:

— Владимир!

Я сдвинул плечами.

— Полковник прав, я не спецназовец.

— Когда дело дойдет до действий, — отрезала она, — вступит в бой спецназ. А сперва наверняка придется переговорить!.. Да и кроме того, наше Управление выделило твоей лаборатории грант... Как сказано, просто за твое участие и разговоре со Стельмахом, а я считаю, за успешное участие!

— Ну? — спросил я.

Она отрезала:

— На мой взгляд, успешного не было!.. Вернее, оно не до конца успешное, пока заложники задерживают его внучку и угрожают сорвать его молчание!

Я усмехнулся, сказал горько:

— А я все ждал, когда упрекнешь грантом... Как же, даете денег, а за это должен стоять на задних лапках!

Мещерский и Поддубецкий переглянулись, Мещерский отвел взгляд, да и майору, вижу, неловко, только Ингрид смотрит по-прежнему требовательно.

— При чем тут, — сказала она. — Владимир!.. Как переговорщик, ты — лучший!..

Поддубецкий побормотал:

— Да и вообще, как показывает предварительное следствие, он неплохо держался там в коттедже. В смысле, никакой паники.... но это оставим за кадром...

— А что в кадре? — потребовала Ингрид.

Поддубецкий повернулся ко мне.

— Владимир Алексеевич, если примете участие, хотя бы самое вспомогательное, мы будем благодарны за помощь... Это я говорю как командир группы. Мы вылетаем сразу после этого совещания.

Ингрид напомнила мне требовательным тоном:

— Тебе же понравился Стельмах!.. А если что случится с его внучкой, ему будет очень... нехорошо. В его возрасте чрезмерное волнение может закончиться инфарктом и смертью. И тогда «Мертвая Рука» отправит документы...

Мещерский бросил острый взгляд в мою сторону.

— Владимир Алексеевич?

Я промямлил:

— Ну... как сказать... Волкова как бы имеет в виду, что нельзя терять время, а то спрячутся, заметут следы... Преследование уже начато?

Он сказал раздраженно:

— Сообщение я получил пять минут назад!.. С этого момента и начинаем операцию.

Ингрид сказала также быстро:

— Мы берем автомобиль и выезжаем... Владимир, куда мчимся?

Я пробормотал все еще ошарашенно:

— Хорошо. Только ради этого последнего члена ЦК КПСС. Он в самом деле образец, каким должен быть человек. Готовьте отряд, мы с Ингрид присоединимся.

Поддубецкий сказал повеселевшим голосом:

— Уже готов, едут на двух машинах к аэродрому. Мы догоним их уже в самолете. Аркадий Валентинович?

— Идите, — велел Мещерский. — Будем следить за вами.

Поддубецкий поднялся, молча взглянул на Ингрид и меня. Мы вышли из кабинета с ним вместе, Ингрид помалкивала, пока вдвоем не вскочили в ожидающий у подъезда внедорожник с водителем в камуфляжной форме за рулем.

— Самолет рейсовый? — спросила Ингрид.

— Некогда, — ответил Поддубецкий. — Некогда, капитан... Включи сирену!

Водитель быстро вывел машину на дорогу, врубил сирену, и мы помчались, отгоняя автомобили к обочинам.

Ингрид все еще с вопросом в глазах смотрела на Поддубного, а я пояснил:

— Майор имеет в виду, что военный аэродром на два километра ближе, чем гражданский. Да и вертолет там уже ждет.

Поддубецкий взглянул на меня очень внимательно.

— А вы откуда знаете?

Ингрид сказала быстро:

— Он профессор, аналитик всего на свете!.. Стрелять вообще не умеет... хотя и стреляет, а вот понимает, будто сова ученая, что знает все на свете.

Поддубецкий пробормотал:

— Тогда береги его больше, чем себя. Хорошо стреляющих у нас много, а вот хорошо думающих...

— Еще больше, — заверил я. — По крайней мере, каждый уверен, что он лучше генералов знает, что и как делать в мировом масштабе... Возьмите по Ильинской улице, тут впереди будет вялотекущая пробка. А по краю не проехать, строительные работы.

Поддубецкий взглянул на меня косо, а Ингрид сказала быстро водителю:

— Делай!

Тот торопливо свернул, чуть не опоздав, в переулок, по нему выскочили на соседнюю улицу. Предыдущая некоторое время оставалась на экране навигатора зеленой, потом пожелтела и, не останавливаясь, перетекла в красную.

Ингрид улыбнулась, а Поддубецкий посмотрел на меня с уважением.

— Такие люди на вес золота.

— Таких много, — заверила Ингрид, — только, дурачье такое, все работают в Центре Мацанюка! Подумаешь, доктора наук!

Поддубецкий усмехнулся, кивнул.

— Уверен, наш аналитик все бары просчитывает еще лучше.

— И казино, — согласилась она язвительно, — с блекджеком и шлюхами!

Я видел, как довольно заулыбался даже шофер, не отрывающий взгляда от дороги.

Автомобиль несется на форсаже, распугивая ревом сирены машины даже далеко впереди по шоссе. Ингрид поглядывает на меня с иронией, я же собирался переходить в полицию только из-за возможности вот так мчаться, нарушая все законы, но я сделал вид, не

понимаю, одно дело, когда я вот так за рулем, а другое, когда везут, как мешок травы на заднем сиденьи.

Впереди выросли строения военного аэродрома, но на въезде караульная будочка с опущенным шлагбаумом. Двое военных выскочили навстречу, держа автоматы на изготовку.

Поддубецкий приспустил стекло, рявкнул:

— Систему опознавания пропили?

— В машине неизвестный, — ответил караульный поспешно. — Вдруг вы под прицелом?.. Все, проезжайте!

Шлагбаум быстро взлетел вверх. Автомобиль рванулся с таким ускорением, что меня вдавило в спинку кресла, как, наверное, в гиперзвуковом истребителе.

На взлетном поле уже раскручивает винты готовый к взлету небольшой вертолет в камуфляжной раскраске, задница открыта, посадка там. Оттуда же десантники выпрыгивают с парашютами на спинах, бр-р-р, умом понимаю, но представить страшно, все-таки много во мне от питекантропа, даже от обезьяны, что страшилась упасть с дерева.

Автомобиль примчался к вертолету, развернулся и замер у распахнутой его задницы. Поддубецкий выскочил первым, водитель начал разворачивать машину обратно тут же, мы с Ингрид едва успели выпрыгнуть, вернее, она успела, а я почти-почти.

У Ингрид в кобуре 9-мм пистолет-пулемет Heckler & Koch MP5, самый типичный для спецназа, простой и универсальный. Насколько могу посмотреть, на рынке более 120 модификаций, у нее самая, на мой взгляд, удобная, MP5K-PDW. Его называют армейским оружием самообороны, хотя даже не представляю, чтобы спецназ самооборонялся, а не лез во все дыры.

Хорош откидной приклад, вертикальная рукоять и упоры на дульной части ствола, это чтобы моментально закреплять и снимать глушители. Еще MP5K-PDW хорош тем, что легко переключается от одиночных выстрелов до автоматических очередей и снова до одиночных.

Она поймала мой взгляд, заулыбалась так, словно я обратил внимание на ее восхитительные туфли и новое платье.

— Правда, чудесно?

— Здорово, — согласился я. — Не самая последняя модификация, но впечатляет. Патроны стопятнадцатиграновые?

Она кивнула, чутьочку удивленная.

— Да...

— Хорошо, — похвалил я. — Но можно... ладно, это у меня в байме «Штурм Мадрида» были покруче.

Она наморщила нос.

— Фи, игрулечки... Какой стыд!

— А мне? — спросил я с надеждой у Поддубецкого.

Он посмотрел с великим удивлением.

— Но вы же профессор...

— И что? — спросил я обидчиво. — Мне же не носить, я только селфи сделаю!.. Коллеги ахнут. А женщины так вообще взмоknут.

Ингрид фыркнула.

— На, сфоткайся с моим!

Я спросил с опаской:

— А у тебя не женский вариант? Вроде не розовый, но все же... А то засмеют. Мы там консервативные, раз уж ученые, а не люди искусства...

— А похож на человека искусства, — сказала она, десантники гнусно заулыбались, а она пояснила: — Нежный больно.

Одному из десантников подали продолговатый чемоданчик, он тут же открыл и, вытаскивая по очереди детали, начал быстро собирать винтовку.

Я уважительно присвистнул. Настоящий полный комплект штурмовой винтовки, где четырехкратный оптический прицел, коллиматорный прицел, интерфейсная система направляющих, вертикальная передняя рукоятка, быстросъемный 40-мм гранатомет М203 с модифицированным откидным прицелом, быстросъемный глушитель, лазерный целеуказатель в ИК и видимом диапазоне, ИК-осветитель, вспомогательный прицел, ружейный ремень, малогабаритный прицел ночного видения, 225-мм ствол для гранатомета М203...

Ах да, у этого вместо привычного подствольного гранатомета М203 более продвинутый и мощный АГ36, заряжаемый сбоку, 40-миллиметровый, с улучшенной дальностью полета гранаты.

Поддубецкий за это время уже поднялся в чрево вертолета, лопасти закрутились быстрее, и стальная машина вдруг прыгнула в небо, словно ее подбросили.

По обоим бортам расположились на металлических скамьях спецназовцы, крепкие и картинно уверенные, обращаются друг с другом с подчеркнутой лихой грубостью, называют друг друга девочками, громко ржут, звучно шлепают один другого по спинам, отпускают грубые шуточки.

Понятно, всячески подчеркивается, что им все пофиг, жизнь не дорога, разнесут все, никакие слезинки ребенка не остановят, приказ выполняют любой ценой, даже если придется погибнуть всем, ибо жизнь — ничто, а приказ начальства — все.

Это идет из пещерных времен, когда схватки впереди неизбежны, а с ними когда-то и гибель, то все сотни лет воспитывается такое вот отношение. Такое

вбивали в головы своим солдатам Тутанхамон, Саргон, Цезарь, Суворов, Нечай, а сейчас традиции «нам жизнь не дорога» особенно настойчиво культивируются в спецвойсках...

Ингрид снова села между мной и десантниками, те поглядывают на меня с презрительным интересом, сразу ощутили ботаника.

Поддубецкий протянул Ингрид и мне наушники, я надел, просто замечательно, шум от винта и мотора исчез, а по встроенной связи слышал чистый голос Ингрид.

— Ты как?

— Не визжи, — ответил я. — Или подкрути тональность.

— Свинья профессорская!

Я взглянул на вооружение парня, что сидит под стенкой напротив. Винтовка В-94, и хотя ей годятся любые патроны 12,7108 мм, для наших оружейников характерна унификация во всем, даже детали от танков подходят для самолетов, но для этой винтовки ульяновцы разработали особые снайперские 12,7 СН, что просаживают такую броню, что простому 12,7 и не снилось, а кучность вообще, на триста метров все пули ложатся в круг, который можно закрыть детской ладошкой.

— Ого, — сказал я, — прицельная дальность восемьсот метров?

Он кивнул, в голосе в моих наушниках прозвучала гордость:

— У меня из моей тысяча. Вообще на тысячу двести любую цель валю с первого выстрела. Если без брони.

Второй хохотнул.

— Хорошо, олени пока что броники не носят!

— Молчи, — предупредил первый. — Услышат зеленые, нацепят и на оленей.

— Здорово, — согласился я. — Патроны длинноваты, сто сорок семь миллиметров, но зато стопроцентное поражение на всей дальности полета. Головки пуль черные?

Он снова кивнул.

— И стальной каленый сердечник. Пробивает не только бронежилеты, но и броню автомобилей, даже бронетранспортеров. Правда, не на всей дальности...

Ингрид слушала с недоумением, наконец не утерпела, спросила сварливо:

— А ты откуда знаешь? То же мне профессор нейробиологии!

— А общее некультурное развитие? — спросил я обидчиво.

Она запнулась, а десантник посмотрел на меня с еще большим уважением. Профессоры тоже вроде бы не в пробирке рождаются, а в школах и травку курят, и на переменах под лестницей совокупаются, хотя кто в такое поверит, когда смотришь на их портреты в школьных коридорах, откуда они, мудрые и седобородые, смотрят строго и отечески.

Поддубецкий оставил пилота, подсел к нам с Ингрид. Я поинтересовался:

— Какие-то подробности уже выяснили?

Он ответил мрачно:

— Только что передали из Управления... Ее захватили в ее имении, но тут же повезли в сторону долины Азаята, а это то место, куда в прошлом месяце снова вторглись боевики халифата.

Ингрид охнула:

— Так это когда было!.. Неужели до сих пор?

Он вздохнул.

— Там ситуация сложная. Местное население, чем-то обиженное на соседей, приняло нашествие достаточно... благосклонно. Многие пополнили их ряды. А так как это уже не в первый раз, федеральные силы на этот раз провели зачистку...

Он помялся, она договорила:

— Я что-то слышала, хотя в печати эту тему до сих пор обходят, словно мы живем в Северной Корее. Предельно жестко? Как и требовало остальное население России?..

— Даже либералы, — напомнил он, — начали кричать, что правительство трусит, а халифату нужно дать урок.

— Помню, — сказала она, — я тоже так думала... временами.

— Урок дали, — ответил он. — Чем ближе к счастью и процветанию всего человечества, тем все мы злее и нетерпеливее... Так что теперь в том городке совы и шакалы. Люди возвращаются неохотно, целых домов почти нет, зато руины как в центре, так и на окраинах... Даже самое высокоточное задевает соседние дома. А танковый снаряд, прежде чем рванет, прошибает десяток домов... вы же знаете, какие на юге домики.

Она толкнула меня в бок.

— Владимир, чего молчишь? Что тебя беспокоит, сидишь такой мрачный...

— А как иначе, — ответил я невесело, — а вдруг моих мышек покормить забыли? Или корма недодали?.. Понимаешь, они такие маленькие и нежные, им нужно отмерять очень точно.

— Что, автоматическую кормушку поставить влом?

— Не верю я технике, — признался я. — Часто подводит. Там на месте я три раза проверял за день. И да-

вал им лакомства. А какая автоматика им почешет пузико?

Она сказала с отвращением:

— Тут люди гибнут, а ты о противных мышах...

— А что люди, — сказал я хладнокровно, — пусть гибнут, им можно. А мышек обижать нельзя, они полезные.

— О задании думай, — оборвала она. — Если не вырвать заложницу из рук террористов... может такое начаться!

— А что сейчас можем? — поинтересовался я. — Думай не думай. От думанья голова болит. У тебя нет?

Она подумала, глядя настороженно, как ответить, чтобы не попасть в подстроенную ловушку.

— А вот не болит.

— Так и знал, — ответил я нагло.

Поддубецкий сказал с сомнением:

— Мы могли бы вас доставить и быстрее, но тогда пришлось бы вам прыгать с парашютом.

— Ого, — сказала Ингрид. — Нет, спасибо. Мой напарник как-то на кровать неудачно прыгнул, и с тех пор... гм...

Глава 7

Я смолчал, а она тут же задумалась, лоб морщит, старается понять, где же прокололась, в чем я по своей подлой мужской сущности замаскировал подвох, что молчу и гадко улыбаюсь.

Поддубецкий поглядывает с равнодушной усмешкой, каждый выказывает мандраж по-своему, все норм, скоро прилетим, тогда появится какая-то ясность.

Мандраж на самом деле я не чувствовал, хотя с головой погрузился в рассматривание района нашей

высадки, рассматривая его сразу с трех спутников, нашего и двух штатовских, а через полчаса подойдет еще и китайский, так что обзор хороший, но в перехвате сообщений пока ничего конкретного.

Все понятно, захватывали тоже люди, связанные с Управлением, если не его сотрудники. Потому во всех переговорах строжайшая секретность, радиомолчание, не говоря уже о соцсетях, эмэйлах или чате в скайпах.

С другой стороны, когда могу просматривать изображения на всех камерах этого региона, сличать, анализировать, то никакая тайна не пробудет тайной долго. Где-то ниточка высунется, а там уже сумею ухватить и начать разматывать.

Поддубецкий наклонился чуть, рассматривая бездну под ногами. Я смотрел, как выражение его лица меняется от злобно-удовлетворенного к озабоченному и почти сочувствующему.

— Да, бои здесь прошли нешуточные...

Ингрид сказала сердито:

— Это была уже не первая попытка халифатовцев! Народ в России требовал принять меры пожестче.

— Опросы показали, — согласился он, — девяноста два процента населения требовало применить и тяжелую боевую технику.

— Вот и применили!

Он сказал успокаивающим голосом:

— Капитан, я военный, а военные не бывают демократами.

— Все правильно, — сказал я. — К счастью, наше руководство решилось наплевать на протесты госдепа, что лезет во все дырки... Госдеп — это не Америка! Америка — это Гейтс, Цукенберг, Маск, Курцвейл...

Они даже задумались, стараясь понять, как это повернуть, а я поглядывал на проплывающий лес с небольшими вкраплениями коттеджных поселков разного уровня благосостояния.

На расчищенной от деревьев полосе в окружении неприметных домиков стоит военный самолет, скоростной, что видно по его бойцовой фигуре.

Вертолет опустился от него буквально в десяти шагах. Десантники мигом выметнулись, соскакивая на землю сразу по трое, и с разбега запрыгивали в распахнутое чрево самолета.

Поддубецкий влез последним, самолет тут же легко понесся по взлетной полосе, легко прыгнул в небо, где-то с ее середины.

Ингрид заметно расслабилась, вслед за Поддубецким, морщась, сняла наушники.

Поддубецкий сказал с облегчением:

— Предпочитаю, как говорится, живой звук.

В самолете нет того грохота, как в вертолете, хотя шумит достаточно сильно, не пассажирский, конструкторы удобства принесли в жертву скорости и маневренности.

Поддубецкий выудил из сумки большой планшет, развернул так, что он стал размером с телевизор.

— Смотрите, вот снимки города, куда заложницу предположительно повезли.

— Ого!

Он сказал неохотно:

— Не надо ужасаться его виду, мы не хотели его превращать в такое! Нас вынудили.

Я помалкивал, вся операция как на ладони, три предыдущие тоже. Все верно, после этой, которую называли «русские рассердились», бойцы халифата уже не решаются открыто входить на земли России, да и

местные страшатся даже подумать, что русские заподозрят в пособничестве боевикам.

Силу все понимают, все-таки мы животные, хоть и гордо именуем себя уже людьми, но с этим поспешили, поспешили, потому и с коммунизмом облажались. С питекантропами коммунизм не строят, даже пусть всех обучили читать, писать и ездить на велосипеде.

— Мир слишком велик, — сказал я с неудовольствием. — Спутниковое наблюдение вроде бы ах-ах сделало земной шарик совсем крохотным, чуть ли не с футбольный мяч, но все равно люди на нем мельче микробов. И спрятаться все равно есть где.

— Особенно, — добавила Ингрид едко, — когда по щелям тоже расплодились микробы.

Поддубецкий покосился в мою сторону, сказал достаточно виноватым голосом:

— Гражданское население мы предупреждали, что на этот раз халифат точно вышибем из города, так что им лучше временно покинуть его пределы.

— Но таких нашлось мало, — сказал я.

— Увы...

Ингрид сказала зло:

— Решили, что снова не решимся и будем сюсюкать, как от нас требовали правозащитники! Госдеп слал протест за протестом, даром ли он в подготовку халифата столько миллиардов вбухал!

Поддубецкий кивнул.

— Да, местные поверили, что у нас снова все закончится полумерами или даже имитацией наступления, как уже было. Тем более что наши либералы на весь мир кричали, что нельзя атаковать город, где есть мирные жители, а Штаты и вся Европа требовали, чтобы никто здесь пальчика не прищемил и чтобы с халифатовцами, если кого вдруг и захватим чисто слу-

чайно, обращались как с пленными уважительно и с достоинством...

Я прервал:

— Вы как будто оправдываетесь. Я знаю все подробности и одобряю операцию полностью. К городу подвезли установки «Солнцепек», «Буратино» и несколько «Градов». Одновременно ударили высокоточными бомбами. Выжгли все так, что и тараканы сгорели. Никаких пленным, зачем нам такие пленные?

— Впервые никто из наших солдат не пострадал, — сказал он быстро и уже оживая, видя и мою поддержку, да еще более решительную, чем со стороны Ингрид. — А Штатам посоветовали заткнуть свои протесты в жопу, иначе рванем те атомные мины, что по проекту Сахарова заложены вдоль тектонического разлома у берега Штатов.

— Помню, — ответил я. — Рейтинг нашего правительства сразу прыгнул вверх.

Он сказал с удовольствием:

— И все сразу затихли, как в Штатах, так и в сраной Европе, где силу понимают не хуже халифата. Да что там не хуже, намного лучше! Намного.

— Россия их всех была, — напомнила Ингрид. — Как шведов и поляков, так и Германию с Францией.

Он криво усмехнулся.

— Ну да, у европейцев добра больше. Терять жалко. Спасибо за понимание.

— Я ученый, — пояснил я, — а не гуманитарий, у которого головы вообще нет, а только большое и отзывчивое сердце идиота.

Он кивнул.

— Тем более спасибо.

— Не за что.

— Когда дураки поддерживают, — пояснил он неуклюже, — это хорошо, даже важно, их большинство. Но когда умные люди... их поддержка решает все. Правят все-таки умные.

Один из десантуры крикнул:

— Сейчас будем проходить над городом!.. Можете посмотреть вживую.

Я скривился, никогда не понимал этого желания очень простых и недалеких людей «смотреть вживую», из-за чего едут в египты смотреть на пирамиды или в Париж поглазеть на спальню Помпадур, хотя на экране 4К все ярче и реалистичнее, а бродить по залам можно в трусах и не слезая с дивана.

Однако Ингрид и Поддубецкий сразу же прильнули к окнам, дикари, я же предпочел рассматривать снимки со спутников, они и ярче и намного детальнее.

Город в руинах, хотя какая-то жизнь в нем есть, кое-где видны автомобили, но, конечно, большинство обгорелые и покореженные, но есть и на ходу, с виду совсем новенькие, жизнь в город возвращается... Заметил и группки людей, но все равно очень не нравится видеть место, где совсем недавно шли ожесточенные бои. Хотя назвать ожесточенными нельзя, просто на этот раз жестоко и свирепо уничтожали противника, не обращая внимания на разрушения и гибель тех жителей, что приняли чужаков кто с ликованием, кто без, но не покинули город, как потребовал командир полка, которому поручено было покончить с халифатом в этом городе.

Чем больше я смотрел, тем больше не нравилось, спрятать здесь заложницу трудновато, но и вытаскивать будет нелегко, все-таки город не просто чужой, но и враждебный...

— Очень серьезно, — сказал я. — Да, спецназ будет в самый раз.

Он спросил с иронией:

— А вы намеревались вдвоем?

Ингрид сказала с достоинством:

— Но мы же переговорщики!

— Да, — согласился он, — переговорщики... Но я на успех переговоров не рассчитываю, а вот если бы вы там на месте подсустились насчет ее местоположения...

Ингрид промолчала, я ответил уклончиво:

— Да, было бы хорошо. Но обещать рискованно.

— Мы попытаемся, — сказала Ингрид.

— Но не чересчур, — уточнил я. — Место очень нехорошее. Не понимаю, почему здесь?

Он сдвинул плечами.

— Почему похитили именно здесь? Во-первых, она решила осмотреть свои владения и прибыла в свой скромный домик в тысячу квадратных метров, что всего в двадцати километрах отсюда. Во-вторых, спрятать ее негде, они понимают, если только не в Азаят, это городок в самой долине Азаята. В городе совершенно нет местной власти, милиция объезжает стороной, в горах скрываются боевики. Не одиночки, а целые банды. Горы, скалы, расщелины, пещеры, плюс ко всему зеленка...

— Но халифат, — проговорил я, — если халифат вытеснили, то почему наши спецслужбы...

Он поморщился.

— Наши спецслужбы общаются и с самим дьяволом. Как, впрочем, и спецслужбы Штатов, Англии или Израиля. К тому же халифат сменил тактику. Сейчас он, проникая в наши города и села, сперва ведет себя

тише воды и ниже травы. Ему нужно укрепиться, потому выставляет себя белым и пушистым...

Ингрид сказала с возмущением:

— Но как можно сотрудничать с боевиками?

Самолет заложил крутой поворот и начал резкое снижение. Поддубецкий вздохнул.

— Беда наша в том, что теперь в мире уже наши и не наши боевики, наши и не наши террористы, хорошие и плохие шахиды, а также нейтральные, умеренные, свободные и независимые... И хотя собственно наших, разумеется, нет, но все понимают, что часть этих террористов делает что-то полезное и для нас. Да-да, когда воюют с нашими врагами.

— Как Талибан? — спросила Ингрид.

— Да, — ответил он. — Штаты создавали Талибан, Аль-Каеду, ИГИЛ и это вот движение за халифат, все это служило их интересам. Но потом, когда набрали силы, закономерно повернули оружие и против Штатов. Увы, еще больше воюют против нас, как вот видно по этому вторжению, потому хоть Штатам и враги, но полезные в какой-то мере...

Самолет пошел на посадку, навстречу побежали, быстро вырастая в размерах, невзрачные домики. Выглядят мирно, хотя все укрепления, как понимаю, под землей, а наверху так, для пейзажа.

Колеса ударились о землю, нас тряхнуло, десантники с мест не сдвинулись, но я ощутил, как все напряглись, готовые к высадке, что нередко бывает экстренной.

Но самолет остановился без приключений, Поддубецкий сказал бодрым голосом:

— Всем покинуть машину, боевое построение!

Десантники посыпались, как горох, во все стороны, выставили перед собой оружие, готовые в любое мгновение открыть огонь.

Поддубецкий прислушался к тому, что говорят по внутренней связи, сказал с оптимизмом:

— На базе пока все в порядке!.. Отбой, всем в укрытие.

Самолет сразу же, как только мы высадились, развернулся, пробежал по низкорослой траве, что здесь служит взлетной полосой, и рискованно круто ушел в небо с такой скоростью, словно уже удирает от наступающих стингеров.

Я повернулся к Поддубецкому.

— Мы предпочли бы по горячему следу. Вон там у вас под маскировочной сетью джип?

Ингрид сделала большие глаза и начала всматриваться в то место очень пристально, а Поддубецкий нервно дернулся.

— Что, заметно?.. Как вы увидели?

— Ничего не увидел, — заверил я. — Просто пара автомобилей повышенной проходимости у вас должны быть наверху и с полным баком бензина. А самое удобное место там. Не среди скал же, куда не добраться на колесах!

Он вздохнул.

— Если это так очевидно, то придется как-то иначе...

— Не стоит, — сказал я. — Маскировка прекрасная. Так как насчет автомобиля?

Он пробормотал:

— Хорошо, хорошо, хоть сейчас... Вас отвезут. Кого-то с собой берете? Я бы рекомендовал двоих орлов, огонь и воду прошли.

Ингрид покачала головой, а я добавил:

— Поведем сами.

Он поинтересовался настороженно:

— Почему? Не доверяете нашим людям?

Ингрид сердито блыгнула на меня злыми глазами, я ответил предельно вежливо:

— Если шофера отпустим, за ним проследят и узнают о расположении вашей конспиративной квартиры. Достаточно и того, что догадаются о ней, иначе откуда у нас машина?

Он вздохнул.

— Все-таки я хотел бы сделать для вас побольше, чем просто доставить в логово противника.

— Мы сообщим, — пообещал я, — когда помощь понадобится. У вас мобильник есть?

— Есть, — ответил он с недоверием, — что, просто вот так по мобильнику?

— Я секретным операциям не обучен, — признался я. — И учиться не стоит, я согласился помочь только за некие льготы моему институту. После этой операции вернусь к своим мышкам. Вам не кажется, что открыть дешевое и простое средство излечения рака важнее таких вот веселых стрельб?.. А мы в принципе близки к тому, чтобы удлинить активную жизнь человека до ста лет!

Он помедлил, тяжело вздохнул и сказал почти со злостью:

— В какое паршивое время живем!.. Знаем же, что нужно делать, но не делаем...

В комнату вбежал молодой офицер, в самолете его не было, быстрый и подтянутый, сказал бодрым голосом:

— Машина ждет! Люди отобраны.

Поддубецкий кивнул.

— Сейчас идем. Только что получены требования похитителей.

Мы с Ингрид превратились в слух, он покачал головой.

— Худший из вариантов. Деньги, как мы и ожидали, их не интересуют. Но те документы, которые у Стельмаха, должны быть переданы целыми и невредимыми.

— В печать? — спросила Ингрид.

— Нет, лично им. Похитителям.

— А им зачем?

Он сдвинул плечами.

— Кто знает? Может быть, думают продать на аукционе. Это даже не миллион, на миллиард потянет. Может быть, кто-то желает убедиться, насколько они важны... к примеру, чтобы обвинить Россию в предательстве интересов своих сателлитов по Советскому Союзу?.. Могут быть и другие причины...

— Какие? — спросила она снова.

Он снова сдвинул плечами.

— Не знаю. Я не теоретик, практик. Для меня сейчас задача в том, чтобы вырвать из их рук женщину живой и невредимой.

— Да, — сказал я, — да.

Он коротко взглянул на меня, что-то увидел такое, что счел нужным добавить:

— Дело не в самой женщине...

— Да, — повторил я, — понимаю. Их восемь миллиардов, а документы такие одни.

Поддубецкий молча взглянул на Ингрид, она кивнула мне, собранная и строгая.

— На выход!

Глава 8

Он вышел за нами, перед машиной уже выстроились в ряд пятеро спецназовцев в полном боевом. Даже на ногах защитные пластины, а оружием обвешаны

так, что можно сразу на сцену любой оперетты, а то и оперы.

Ингрид сразу села за руль, Поддубецкий повернулся ко мне, как более разумному, все-таки мы, самцы, понимаем в войнах лучше.

— Разумно ли? — спросил он с сомнением. — Эскорт должен быть. Их можно ссадить раньше. Скрытно подберутся к месту переговоров, что очень важно, будут держать противника на прицеле.

— Не нужно, — ответил я.

Он обратился к Ингрид.

— Капитан, как старший по званию, я настаиваю. Вообще-то могу и отдать приказ...

Она повернулась на сиденье, глаза злые, отрезала сердитым голосом:

— Майор, я полностью с вами согласна!.. Однако руководство велело передать переговоры полностью в ведение именно доктора наук Лавронова. Мне такое не нравится, как и вам, однако мы на службе, где приказы нужно выполнять.

Он покачал головой.

— Переговоры одно, а охрана переговорного процесса — другое. Здесь моя территория.

— Майор, — сказала она, и снова я уловил в ее голосе одобрение его позиции, — вы правы, но приказ есть приказ. Хорошо еще, что ему не отдали руководство всей операцией!.. Но если хотите, сейчас свяжусь с полковником Мещерским.

Он поколебался, вздохнул, плечи чуть опустились.

— Не надо. Там наверху сами не знают, что делают. Действуйте, а я, как Пилат, умываю руки, раз уж таков приказ тех, кто считает себя в кабинетах умнее нас, исползавших здесь все тропинки и знающих все местные обычаи и закидоны боевиков.

Я наконец поднялся в машину, сиденье предельно жесткое, представляю, как по камням этот джип прыгает на большой скорости.

Ингрид тут же, не прощаясь, вырулила на дорожку и послала машину вперед, быстро бросая ее из стороны в сторону, едва успевая вписываться в крутые повороты.

Нас подбрасывало без всякой жалости, чужаки все-таки, мягкое сиденье уже пробил бы задницей до самой рамы, а потом и до земли. Кроме диких поворотов джип еще и по-сумасшедшему подпрыгивает, как горный козел, иногда даже перелетает по воздуху через мелкие неровности.

— Не проскочи мимо, — крикнул я, — а то уже Москву вижу!

Она прошипела:

— Терпи, кабинетная... кабинетное существо...

— Ну да, — сказал я горько, — вы же мужчины, герои, медные лбы, отважные ребята...

Все-таки шпильку заметила, отрезала:

— Да, вот именно! Когда самцы офеминизировались, нам пришлось маскулинизироваться и взять в руки оружие! И неплохо им пользуемся, кстати.

— Из тебя мог бы получиться неплохой специалист по медицине, — сказал я примирительно, — пусть даже по спортивной, сиськи вон какие!.. А ты все дерешься.

— Велика Россия, — ответила она с тоской, — а воевать некому.

Я смолчал, она тоже перестала огрызаться, вцепилась в баранку, как в горло противника, лицо хищное, уже вся в борьбе. Тоже мне женщина, хотя вообще-то это и правда наша мужская вина, что им пришлось

принимать на свои плечики добавочную тяжесть, которую вообще-то должны нести мы.

Внучке тридцать пять, у меня все еще в голове не укладываются такие цифры, для меня внучка — это маленькая девочка, что бегаёт с мячиком, играет с веселым щенком и пока еще не думает даже о школе.

Но, если по уму, то у него и правнучка могла быть такого же возраста, как сейчас внучка, а с мячиком и щенком бегала бы праправнучка.

Я вздохнул, Ингрид тут же встревоженно спросила, не отрывая взгляда от дороги:

— Что-то нащупал?

Я покосился на ее налитую силой и здоровьем фигуру.

— Ночью что-нить нащупаю. А сейчас голова идет кругом от таких степеней родства. Внучке тридцать пять лет! Да какая же это внучка?

Она улыбнулась одной половинкой рта.

— Я тоже внучка для своего дедушки. А у тебя не так? Я покачал головой.

— Там поздний брак, а у моего отца я еще и поздний ребенок. Так что дедушка умер, когда мне было двенадцать. Бабушка пережила его на год.

— Сожалею, — сказала она.

Я отмахнулся.

— Все случилось давно, да и не были мы с ними близки.

— Все равно.

Поглядывая на нее искоса, я еще раз перебрал свои медленно возрастающие возможности. Мозг работает так, что ему постоянно стыдно за то гнусное и слабое тело, в которое всажен, и постоянно мечтает о другом носителе.

Но все же я благодаря ему очень точно все вижу, понимаю, рассчитываю. Могу с двадцати шагов бросить мелкий гвоздик так, что попадет острым кончиком точно в дырочку розетки. Или шляпкой, как хочу.

Силенок у меня поменьше, чем у спецназовца, но мозг лучше, вся нервная система лучше, потому и реакция быстрее и точнее. Об этом помню, но нужно не забывать, что и мои возможности все-таки не беспредельны, иначе обломать меня могут очень неприятно.

Она быстро зыркнула в мою сторону.

— Умничаешь?

— Умничаю, — согласился я. — Недовольна, кро-
маньоночка?

— От умных всегда жди беды, — изрекла она.

— А от дураков?

— От дураков малые беды, — сообщила она, — а от умных...

Машину тряхнуло, Ингрид ойкнула, поморщилась.

— Ничего, — утешил я, — язык — самая сильная мышца. Регенерирует быстро. Да и не откусила ты его, что было бы интересно, а только надкусила, хотя зубки у тебя острые.

— Ты мне и зубы уже осмотрел? — спросила она зло. — Как у козы на базаре?

— Я мудрый и предусмотрительный, — объяснил я. — Иначе какой я профессор? Кстати, давай поменяемся местами.

— Еще чего!

— А если придется стрелять? — спросил я с интересом.

Она молча остановила машину, вылезла, а я пересел на ее место. Как только Ингрид, взяв в руки авто-

мат, приготовилась бдить, я повел машину с еще большей скоростью, чем вела она, но гораздо точнее.

— Пижон, — бросила она. — Подумаешь!.. Ты на дороге смотри, а не на. Что будешь им говорить?

Я сдвинул плечами.

— Откуда мне знать? На месте увидим. Это не наука, в которой все логично. Люди — это скачущие по веткам обезьяны. Искать у них логику странно.

Она зло зыркнула в мою сторону.

— А ты не человек?

— Верно, — ответил я честно и так серьезно, что она вздрогнула. — Ученый... уже немножко не человек.

Ветер навстречу бьет в лицо свежий, несмотря на палящее солнце, горный, так и чувствую привкус снега и льда, которые никогда не тают...

Она вдруг спросила:

— Что это все меня здесь принимают за осетинку? Один из десантуры даже что-то спрашивал на их языке.

Я хотел что-то сосчитать насчет фигуры и сисек, это первое, что нам приходит в голову, но посмотрел на ее серьезное лицо и ответил честно:

— У тебя глаза, как у осетинок.

Она насторожилась.

— Это какие?

— Круглые, — ответил я. — Красивые. Чуть навыва-те, а иногда и не чуть. Очень заметные глаза. У тебя именно такие, как у большой хищной птицы.

Она фыркнула.

— Подумаешь!

— Здесь немало осетин, — сказал я, — у них твой тип.

Она ответить не успела, я остановил машину и огляделся.

Ингрид спросила быстро:

— Чего?

— Они вон там, — сказал я. — Видишь желтую траву? Да не туда смотришь, вон на пригорке! За нею скрытая траншея, нас уже взяли на прицел.

— Вылезает, — сказала она. — Рисковать не стоит.

— Да, — согласился я, — военные такие пугливые.

Она ожгла меня злым взглядом, я вылез, помахал рукой и пошел в ту сторону, широко улыбаясь. Руки поднимать не стал, это слишком, будто сдаюсь, но широко раскинул в стороны в дружественном жесте, заодно показывая, что в них ничего нет.

Ингрид выскочила из машины и, догнав, двинулась шаг в шаг рядом, руки вообще держит внизу, но с раскрытыми ладонями.

Когда траншея стала видна, навстречу выскочил крепкий молодой парень в одежде местного боевика, то есть в камуфляжном комбезе, на голове повязка из зеленой ткани. Хорошо хоть пока без надписи «Аллах акбар!».

Я сказал с той же глуповато дружелюбной улыбкой:

— Ребята, я не вооружен, вы же видите. Мы прибыли по делу.

Он бросил быстрый взгляд на Ингрид, она застыла неподвижно, чтоб на нее поменьше оглядывались.

— По какому? — ответил он по-русски и без малейшего акцента.

— По важному, — ответил я. — Но если вы здесь главный, то сейчас расскажу вам государственную тайну, которую вам знать можно, товарищ генерал. Это рядовых сразу расстреляют, что правильно...

Он вскрикнул предостерегающе:

— Эй-эй! Я не сказал, что самый главный здесь я. Стойте здесь, руки на виду... Гасан! Позови командира.

— Плохо вас снабжают, — заметил я.

Он буркнул с подозрением:

— Чего это?

— Рация вшита в воротник, — сказал я, — а не работает...

— Кто сказал, что не работает? — отрезал он. — Ждите!

Ждать пришлось долго, как показалось мне, это Ингрид дожидается со стоическим спокойствием, а мне каждая минута здесь кажется потерей для научной работы, хотя на самом деле занимаюсь ею и здесь, прорабатывая разные эксперименты в уме, но их никому не покажешь, всем давай результаты опытов на мышах и подробную методику, чтобы могли повторить другие, иначе назовут мошенничеством.

Наконец из траншеи легко выпрыгнул поджарый военный. Форма та же, но властность и командирскость чувствуются, у военных так, это у нас что академик, что лаборант, все по виду не различишь, разве что по возрасту.

— Кто такие? — потребовал он.

— Переговорщики, — ответил я. — Нам поручено узнать условия выкупа. Хотя условия уже знаем, в общем, но вот подробности.

Он перебил:

— О каком выкупе речь? Мы что, террористы?.. Эй, Гасан, позови Демидова!.. Да, быстро.

Глава 9

Ингрид придвинулась ко мне ближе, военный скользнул по ней равнодушным взглядом, а я подумал, как местность накладывает отпечаток: в Москве бы оказывал ей все знаки внимания, а здесь руководствуется

старым принципом шариата, что курица не птица, а женщина не человек.

— Вашего джинна зовут Гасан? — спросил я. — А в моем детстве был Хоттабыч...

Он посмотрел на меня с некоторым интересом.

— В вашем? Он был еще в моем.

К нам подбежал еще один, по виду один из младших офицеров, взглянул на обоих холодно и оценивающе.

— Что с ними? Расстрелять или отрубить голову?

Наш военный коротко усмехнулся, давая понять нам, что это шутка, никто нас расстреливать вот так сразу не будет, тем более ритуально рубить голову, разве что потом...

— Отведешь к Левченко, — распорядился он. — Что-то снова непонятное за нашими спинами. И, Демидов, без своих штучек...

Демидов кивнул.

— Нам вряд ли скажут. Эй, вы двое! Идите впереди. Шаг влево, шаг вправо...

— А подпрыг, — сказал я, — попытка взлететь, знаем, сидели и даже заседали.

Он ухмыльнулся.

— Вот-вот...

Мне кажется, он несколько удивился и даже забеспокоился, когда мы с Ингрид пошли, не останавливаясь и не спрашивая куда. Она держится меня, а я сворачивал, обходя коряги, камни и установленные растяжки, пока еще без взрывателей, наконец подошли к небрежно набросанной и настолько огромной куче хвороста, что за нею можно спрятать и танк.

С той стороны появился и быстрыми шагами двинулся навстречу человек в камуфляжной форме и с таким же зеленым платком на голове. Широкий в пле-

чах, тонкий в поясе, налитый силой, что видна в каждом движении, настоящий джигит, а когда подошел ближе, Ингрид тоже рассмотрела его черную как уголь коротко подстриженную бородку, усы сбриты, что выказывает его сторонником халифата, глаза крупные, ястребиные, слегка навывкате.

Мне он чем-то напомнил Ингрид, такие же глаза и такое же острое, устремленное вперед лицо.

— Майор Левченко, — представился он на чистейшем русском языке с оттенком московского говора. — Антон Денисович. Слушаю вас.

Ингрид охнула:

— Да вы такой араб, арабее всех кавказцев!

Он сдержанно улыбнулся.

— Я чистокровный русский и по маме и по папе на десяток поколений вглубь, а дальше никто не знает. Но, судя по тому, что их село было в глубинке, и никто туда не ездил даже из соседних сел, то могу предположить, что и дальше...

Я заметил:

— В русских есть все, от скандинавов и до турок. Самый генетически богатый...

Он посерьезнел, прервал мою попытку его раскатать:

— Простите, с чем прибыли?

— Лавронов Владимир Алексеевич, — представился я. — Доктор наук, профессор, оказался случайно вовлечен в это дело. Можете посмотреть мои данные в Википедии. А это капитан Ингрид Волкова, ваш собрат по профессии.

Он окинул меня и ее внимательным взглядом.

— Интересная пара... Можно поинтересоваться, как вы оказались... в одной команде?

— Скажу честно, — ответил я, — хотя признаваться как-то неловко. Моей лаборатории пообещали выделить грант в миллион долларов, если помогу переговорить с доктором наук и профессором Стельмахом, который затеял что-то рискованное. Я переговорил, вроде бы все уладил, но тут захватили в заложники его внучку и...

Он кивнул.

— Понимаю. Ваше задание сочли невыполненным и прислали довыполнять.

Быстро соображает, мелькнуло у меня, опасный человек.

— Примерно так, — сказал я.

— В нашем ведомстве, — произнес он, — стараются все выжать из людей. Сейчас коммерческое время, не слышали?

Я развел руками.

— Что делать, деньги моей лаборатории очень нужны. Наука постоянно нуждается в деньгах, вот мне и пообещали финансирование моей лаборатории.

Он кивнул, лицо чуточку потемнело, у губ по краям проступили глубокие складки.

— Да, так тоже ловят наиболее честных, которые не поддадутся ни на шантаж, ни на запугивание...

— У секретных служб разные методы, — проронил я.

— Жаль, — сказал он, — когда такие люди попадают между наших жерновов. Государственная машина беспощадна.

Его глаза стали отстраненными, я слышал и видел, что именно ему сообщают, а он дослушал и кивнул.

— Да, подтверждено. Вы Лавронов Владимир Алексеевич, доктор наук и автор ряда серьезных на-

учных работ. Только насчет профессора в Википедии ни слова...

Я уже был готов, обезоруживающе улыбнулся.

— Мне предложили кафедру давно, и хотя я так и не начал читать студентам лекции, но я да, уже профессор. Профессор — это не научная степень, а должность. Доктора наук обычно все становятся профессорами, хотя мало кто из них берется читать лекции тупоголовым студентам, что больше смотрят на сокурсниц, чем на чертежи и макеты. Это так, подработка в свободное от научной работы время. Правда-правда, профессором меня стали называть с того дня, как я стал доктором.

Он улыбнулся.

— Да, Википедия пополняется иногда с опозданием в месяцы. Прошу вас, пройдемте в... то, что здесь называем домом. Там поговорим уже о сути.

С той стороны кучи хвороста вход со ступеньками из досок, двадцать две, а в самом низу вход в просторный блиндаж, что вообще-то не столько огневая точка, сколько небольшой командный пункт.

В центре самодельный стол, несколько табуреток, вдоль земляных стен, укрепленных досками, настоящие электрические лампочки.

— Садитесь, — пригласил он, — могу угостить кофе. У местных свои рецепты...

— Не откажемся, — ответил я. — Моя соратница обожает путешествовать по диким местам Забайкалья.

Ингрид уточнила надменно:

— Здесь не Забайкалье!

Я отмахнулся.

— Да ладно, Забайкалье везде, начиная с Подмосковья... Кстати, майор, вы здорово мимикрируете под местного.

Левченко ответил с долей плохо скрытого хвастовства:

— Я прекрасно владею арабским, знаю все течения в исламе и могу цитировать Коран с любого места. Так что да, могу мимикрировать и на уровне повыше.

— Ого! — сказал я, и Ингрид покачала головой.

— Я был завербован для работы в ГРУ, — сообщил он, — с третьего курса арабистики МГУ. Доктором не стал, но закончить успел с отличием.

В блиндаж спустился солдат с автоматом через плечо, большим кофейником в одной руке и тремя крохотными чашками в другой.

Мы молча смотрели, как он расставил чашки, наполнил черной ароматной жидкостью, запах приятно защекотал ноздри, Левченко кивнул, и солдат ушел, оставив кофейник на столе.

— Итак, — поинтересовался Левченко, — с чем вас прислали?

Он покосился на Ингрид, она медленно пьет кофе, стараясь не привлекать к себе внимания, слушает, а я сказал легко:

— Мы явились с тем, что вы отдаете нам гражданку Абигель Сенченко, а сами являетесь в ГРУ с повинной. Но если хотите, можете по дороге убиться о дерево.

Он засмеялся.

— Да, интересный вариант. Особенно когда это из ГРУ и пришел приказ временно интернировать эту гражданку.

— Интересный, — согласился я. — Особенно учитывая, что ГРУ уже выслал сюда отряд спецназа для ее освобождения. Думаю, при некоторых щекотливых обстоятельствах они постараются пленных не брать.

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— А вы не врете. Вы в самом деле уверены, что тот отряд спецназа послан не тем же человеком, который распорядился временно изолировать гражданку Сенченко?

Я подумал, кивнул.

— Да.

— Интересно, — сказал он задумчиво. — Странно все это. Иногда кажется, что те, кто отдает нам приказ сверху, не умнее моего сержанта. Но проходит время, и вижу, что заглядывают далеко вперед... Позвольте, я вам подолью кофейку...

Он взялся за чашку кофейника, Ингрид проронила с небрежностью:

— У мужчин должны быть чашки побольше.

Левченко ухмыльнулся, я пояснил:

— На Востоке даже в большие чашки чай или кофе наливают на донышко, чтобы постоянно подливать гостю горячий. Заодно ненавязчиво демонстрируя ему свое уважение.

Она промолчала, пристыженная, Левченко взглянул на меня, кивнул.

— Да, а вот вы знаете местные обычаи. Сахару?.. Говорите, а то сам что-то торможу, голова не выносит этого южного солнца. Вчера вообще перегрелся... Нет-нет, вы не то подумали, вижу по глазам. Ничего спиртного... Мы здесь тоже по законам шариата. Если бы можно было ввести шариат не целиком, а отдельными статьями, я бы ввел его еще вчера!

Сверху по ступенькам быстро простучал подошвами худой и жутко жилистый боевик с такими же орлиными глазами, как у Ингрид и его командира.

Левченко повернулся к нему, тот бросил выпрямленную ладонь к виску и четко отрапортовал:

— Все осмотрено!.. Никаких следов.

— Хорошо, — ответил Левченко. — Возвращайся на пост.

Боевик выбежал, а Левченко повернулся к нам и посмотрел чуть более мирным взглядом.

— А что случилось? — спросил я. — Вижу, это касается нас.

— Предполагая, — ответил он, — что с вами будет послано подкрепление, наши группы захвата прочесали там всю местность.

Ингрид обронила небрежно:

— Это предполагалось.

Он посмотрел на нее с чуть большим интересом.

— Увы, никого не обнаружили. Даже следов. Это значит...

Я покачал головой.

— Ах, вот вы о чем. Да, нам предлагали некоторый эскорт. Но я решительно воспротивился. Я же переговорщик, а не специалист по вызволению заложниц!.. Если не договоримся сейчас, я возвращаюсь в свой институт к своим замечательным мышкам, с помощью которых вот-вот откроем... точнее, создадим простое и дешевое средство от рака... Вижу, вам это не интересно, а мне ну совсем не интересно то, чем вы занимаетесь. Я не имею в виду конкретно вас, а вообще и ваших противников тоже..

— Вас отправлял Поддубецкий? — спросил он. — Он настойчив. Мог бы послать за вами и скрытно. Но если они прибыли бы на другой машине, здесь их выдаст длинный пыльный след, что висит в воздухе часами... Тем более увидим вертолет.

Я заканчивал вторую чашечку, Левченко заботливо подлил еще, Ингрид жестом отказалась.

Наверху зашелестело, в бункер спустился еще один из офицеров, немолодой, тертый, сразу окинул нас бы-

стрым просвечивающим взглядом, оценив и как сидим, и как быстро можем вступить в схватку.

Левченко вскочил, но не вытянулся, это не в коридорах Генштаба, здесь формальности соблюдаются чисто символически, а прибывший еще раз оглядел нас внимательно и уже несколько по-хозяйски.

— Быстро среагировали.

— Да, господин полковник, — бодро ответил Левченко, — мы ждали завтра-послезавтра.

— Мы сами только что, — сказал я, — от самого Стельмаха. Говорили как раз на эту тему.

Полковник насторожился, спросил быстро:

— Тему документов?

— Да.

— И что он сказал?

— Что не будет их публиковать, — сообщил я. — Так что всем нам нужно стараться, чтобы он жил долго и счастливо. А перед кончиной чтобы вообще отменил рассылку.

— Это он так сказал?

— Это я от себя, — признался я. — Он сказал, что публиковать не будет. Но мы же понимаем, что он уже стар. Его лучше ничем не волновать! Потому что может хватить инфаркт или инсульт, а в этом возрасте такое точно летальный конец, как говорят медики, избегая слово «смерть». Как думаете, что скажет, когда узнает о захвате его любимой внучки в заложницы?

Он нахмурился.

— У нее сразу отобрали мобильник.

— А если позвонит он сам? — спросил я.

Он коротко усмехнулся.

— Он звонит ей четыре раза в год. С днем рождения, днем Великой Октябрьской революции, днем Победы и с Новым годом. В остальное время звонит она.

Уже без дат, а когда вздумается. Так что здесь ваши дали маху! Не она у него любимейшая внучка, за которую все отдаст, а это он у нее любимейший дед, которого обожает и которым гордится.

— Да, — сказал я, — это несколько меняет... Точнее, сдвигает процентное соотношение в другую сторону. Но все-таки...

Левченко сказал полковнику:

— Кстати, профессору Лавронову Владимиру Алексеевичу, доктору наук в нейрофизиологии, пообещали грант его лаборатории! Вот он и пашет на совсем не понятную ему организацию.

Полковник кивнул, покосился в сторону Ингрид.

— Громов, — наконец представился он, — Александр Ростиславович. Приношу свои соболезнования, а вот ваша спутница... если не ошибаюсь, Ингрид Волкова? Капитан контрразведки?

Я развел руками.

— Меня считают неспособным даже завязать себе шнурки самостоятельно. Вот она для этой цели. Почему именно она? Во-первых, самка! Нет неприятия второго самца, с тем нужно притираться, а с самкой все сразу... Во-вторых, когда приходила в наш научный центр расследовать кражу денег... она тогда была под личиной лейтенанта полиции. Там и познакомились, кофе пили вместе, она все выпрашивала, кто у нас с порочными наклонностями...

Он подошел к столу, бегло посмотрел запись в браузере.

— Гм, вроде бы не врете.

Я сказал быстро:

— Я уже убедил Стельмаха не предавать те документы гласности! Мы на одной стороне, не видите?

Он бросил на меня быстрый и почти благосклонный взгляд.

— Да, верно.

— Тогда зачем...

— Наш метод надежнее, — сообщил он. — Не так ли? Я вздохнул.

— Ну, не знаю. С одной стороны, вроде бы так вот жестко и по-мужски... но люди непредсказуемы. А если Стельмах взъярится, то кто знает, какие глупости надумает.

Он покачал головой.

— Статистика говорит, люди в зрелом возрасте глупости не делают. Если в чем-то не уверены, то молчат в тряпочку и не шевелятся. Это молодые берутся решать все на свете, потому и вляпываются.

Я сказал жалко:

— Наверное, во мне говорит эта... как ее, интеллигентность... в нашем кругу профессора все проблемы привыкли решать даже без повышения голоса.

Левченко гоготнул.

— Хотел бы я посмотреть, как профессора лупят друг друга на ученом совете!..

Громов сдержанно улыбнулся.

— Да, это было бы зрелище. Но нам такого не дожидаться, а жаль. Я бы тоже посмотрел! .

Глава 10

Я допил кофе и жестом показал майору, что спасибо, очень благодарен, но довольно, кофе мочегонное, обоссусь на обратной дороге, да еще при женщине, хотя она и капитан, что значит не совсем женщина.

Ингрид взглянула требовательно и с холодком, напоминая, что не кофе пить прибыли.

Я сказал Громову туповато, я же ученый, а не военный:

— Но, простите... документы нужно держать долго. Не день-два, а месяцы, а то и годы. Стельмах согласился, что нужно дождаться нужного момента для публикации, тогда это будет взрыв в нашу пользу, а не против нас...

Он посмотрел на меня свысока.

— Вы недооцениваете возможности халифата. Они в состоянии держать ее в своих руках и год, и два... и сколько понадобится.

— Связанную в подвале?

Он посмотрел на меня с прежним презрением.

— Вполне в приличных условиях. Вы не представляете, насколько мир еще дик и неосвоен! Масса огромных регионов, где не ступала нога человека... Неважно, в джунглях Амазонки, джунглях Африки или где-то еще. И не ступит, так как там нет ни нефти, ни приманок для туристов. Джунгли, горы, тропики... Везде можно поставить домик, который никто не отыщет.

Левченко добавил:

— Даже со спутника не увидеть, если под кроной одного из деревьев, под которыми от дождя может укрыться дивизия. А есть места, где таких деревьев тысячи тысяч гектаров...

— Но она же работник какой-то мегакорпорации, — напомнил я.

Он сдвинул плечами.

— Потерпит. Не думаете ли, что интересы одного человека выше интересов государства? Я согласился бы, если бы тем государством была Америка, но когда речь о России...

Я покачал головой.

— Не настолько я демократ, чтобы так уж ни во что не ставить наше государство. Конечно, его интересы неизмеримо выше интересов любого человека на свете. Однако...

Громов остановил несколько холодно:

— Никакого однако. Она не будет связанной в подвале, этого достаточно. Но ее контакты с миром ограничат. Точнее, обрежут.

Я посмотрел на Левченко, полковник явно намекает, что разговор вообще-то окончен, мы узнали все, что нам изволили сообщить, надо возвращаться.

Левченко широко улыбнулся полковнику.

— Они послали две группы спецназа, чтобы освободить эту заложницу. Смешно.

Громов кивнул, на лице полное презрение к таким дебилам, а я спросил осторожно:

— Почему смешно?

Левченко хмыкнул.

— Две группы!.. А у нас их здесь пять!.. Не считая десятка групп боевиков...

— Боевики, — поинтересовался я, — тоже под вашей рукой?

Он поморщился, явно вопрос неприятен, сказал нехотя:

— Нет, конечно, какое они могут иметь к нам отношение?.. Но манипулировать ими легко, это примитивные жители гор, до трех умеют считать, и ладно...

Полковник начал поглядывать в нетерпении, я спросил быстро:

— А что, если эти конкурирующие отделы ГРУ договорятся?

— Вряд ли, — ответил Левченко.

— Почему?

— Задумано, — объяснил он, — чтобы они всегда конкурировали. И докладывали навверх каждый о своих результатах. Таким образом не удастся соврать, скрыть факты от правительства и президента или представить ложную версию, как частенько бывает в Штатах или в Англии. То есть при формировании стратегии было выбрано меньшее из зол.

Громов кивнул, подтверждая, я подумал, сказал не-весело:

— Тогда, конечно, наша миссия не удалась.

Он промолчал, а Левченко сказал с сочувствием:

— Она изначально была обречена на провал. Так задумано! Это все игры высшего звена, нам не всегда позволяют узнать даже крохи... Вызвать машину?

— Да, — ответил я со вздохом. — И хотя понимаю, что от нас на самом деле ничего не зависело... но все равно обидно.

— Понимаю, — произнес он.

— У меня в институте, — сказал я, — каждый час на вес золота!..

— Это все их игры, — ответил он и указал пальцем вверх. — А результат у вас есть: вам удалось выяснить наши требования и наши позиции. Я имею в виду, позицию по вопросу документов.

Я отмахнулся.

— Да понимаю. Думаете, я понял бы, если бы вы показали мне все огневые, или как их там у вас называют, точки? Хотя не понимаю, почему точки? В науке точка — это...

В палатку заглянул боевик, сказал четко:

— Машина прибыла.

Я поднялся.

— Спасибо за откровенность. Ингрид, поднимайся.

Ингрид поднялась и, выходя, смерила Левченко ненавидящим взглядом, на что тот снисходительно улыбнулся и посмотрел ей вслед по-мужски оценивающе.

Я вышел следом за нею, у входа уже ждет потрепанный «Хаммер». Разрисован так же, как и комбинезоны боевиков, хотя преобладают желтые мазки, что значит, после прибытия из Штатов ни разу не перекрашивали.

Водитель оглянулся, загорелый такой араб с повязкой на голове, но теперь я никому не верю.

— Ассаламу алейкум! — сказал он вежливо.

— Алейкум саям, — ответил я.

Ингрид посмотрела на меня косо, а водитель охнул:

— Ух ты, а я думал удивить!

— Бурятский спецназ? — спросил я.

— Точно, — сказал он с восторгом, — хоть из Нижнего, который все еще Новгород, но все равно бурятский, так круче. Куда едем?

Ингрид хотела ответить, но я сказал раньше:

— Ты знаешь, где мы оставили свой джип. Родной, немецкий.

Он ухмыльнулся.

— Да вдруг у вас другие пожелания.

— Они расходятся с пожеланиями вашего командира, — ответил я. — Так что выполняйте приказ...

— А вы выполните свой?

За веселым и даже дружелюбным тоном прозвучало нечто едва прикрытое, я ответил мирно и чуточку как бы обиженно:

— Нам никто не приказывает, я человек гражданский. И привлечен как посредник...

Ингрид открыла для меня дверцу заднего сиденья, я влез в машину, водитель с ожиданием оглянулся на

Ингрид, она в самом деле как человек на службе и на задании, потому захлопнула за мной дверцу, а сама села впереди рядом с ним.

Я смотрел на их прямые плечи, чем-то одинаковые, словно стремление к военной службе заложено на генетическом уровне. Интересно, какие гены придется убрать, чтобы уменьшить агрессивность человека?.. Хотя нет, этого делать нельзя, прогресс остановится тоже. Даже стремление сделать мир лучше идет от нашей агрессивности, непримиримости, нежелания смиряться с тем, что дает природа, хоть человеческая природа, хоть природа этой планеты...

Он воскликнул:

— А, вот вы где его оставили!.. И близко, и не достать выстрелом!

— А хотелось? — спросила Ингрид.

— Еще бы, — ответил он задиристо. — Зачем-то нас сюда перебросили? К тому же у вас машина немецкая, а у меня американская, а сейчас, как я слышал, Штаты и Германия враждуют...

Его автомобиль остановился возле нашего, мы пересели, на этот раз я сел на переднее сиденье, а когда отъехали, в зеркало заднего обзора видел, как он все еще с сиденья своего «Хаммера» рассматривает нас в бинокль, хотя, думаю, машину за время нашего отсутствия в темпе проверили и перепроверили, а то и перебрали все по винтику, а по манере вождения вряд ли много узнает о наших характерах.

Ингрид тоже время от времени поглядывала в зеркало. Голос ее прозвучал несколько натянуто:

— Не думаю, что нам подложили бомбу, но... маячок? Я покачал головой.

— Увы, нас не уважают. Ни бомбы, ни маячка.

— Обиделся? — поинтересовалась она с издевкой.

— Ничуть, — сообщил я. — Меня даже мнение лаборантов не интересует, а это вообще подумать стыдно: с кем общаюсь, кадровые военные.

— И что тебе кадровые? — спросила она враждебно.

— К счастью, — педантично пояснил я, — ничего. Думаю, их ай-кью даже ниже, чем у моих мышек. Те у меня умненькие...

— Засюсюкал, — сказала она с отвращением. — Утю-тю, ахбоземой... Тьфу на тебя. Три раза.

— Молчи, копытное, — сказал я с удовлетворением. — Не люблю трудностей, если их можно избежать... Эй-эй, полегче! Вот там впереди земля на краю слишком рыхлая.

Она фыркнула, но на повороте постаралась провести автомобиль подальше от края, за ним бездна, падать и падать, переворачиваясь и разбиваясь о каменные выступы, романтика, но я совсем не романтичен, ученые все стареют просто стремительно мозгами, хотя живут дольше всех.

Поддубецкому явно доложили, что со стороны боевиков приближается наш джип, вышел навстречу, красивый и подтянутый, настоящий горный волк, прокаленный зноем и ветрами, стреляный и выживший в десятках спецопераций.

Ингрид остановила автомашину от него в двух шагах. Я вышел первым, но с той стороны, а она, как только коснулась ногами земли, сразу от двери доложила четким военным голосом:

— Товарищ майор, переговоры проведены. Результат отрицательный.

Он кивнул.

— Что и следовало ожидать. Но хорошо, что у вас все обошлось благополучно. Иначе меня бы еще и за вас...

Ингрид напомнила:

— Мы не в вашем подчинении, потому с вас взятки гладки.

— Да? — спросил он с сарказмом. — Если кто-то где-то погибает, виновного нужно найти обязательно.

— Что теперь? — спросила она.

Он вздохнул.

— Вы обратно в Москву, а мы будем стараться устанавливать местоположение заложницы.

— Это просто, — сказал я. — У вас есть подробные карты?

Он сказал торопливо:

— Неужто повезло?.. Да, конечно!.. Иванов, немедленно карту!.. А как вам удалось...

Он оглянулся на Ингрид, та тоже смотрит изумленно, я пояснил:

— Пока капитан Волкова демонстрировала майору Левченко свои коленки, а потом и танец у шеста, хоть и без него, я быстренько качнул, что там у него на планшете.

— Ну-ну? — сказал он в нетерпении.

Прибежал молодцеватый солдат с большим раскладным трансформером. Поддубецкий досадливо взглянул на знойное южное солнце.

— Ни хрена не увидим. Все в дом!

В блиндаже он разложил планшет на весь стол, я воткнул в разъем свою флешку. Они с недоумением смотрели, как я моментально отыскал на ней подходящий снимок с американского спутника-шпиона.

— Вот, — сказал я и увеличил изображение, — здесь замаскированный бункер. Видите, в самом центре? Пройти к нему незамеченным не просто трудно, а как бы нельзя. Вот здесь дорога перекрыта, здесь охранение под маскировочной сетью, в этом месте... нет-нет,

левее, стрелок с пулеметом и еще один, у него гранатомет и два пистолета.

— Два? — переспросил Поддубецкий с сомнением.

— Это аласийцы, — почтительно сказал солдат, что принес планшет, — в их клане так принято. Один в кобуре, второй сзади на поясом. Шик по-восточному.

Поддубецкий сказал невесело:

— Неужели они и аласийцев привлекли?.. Тоже верно, у них никакой дисциплины...

— С двумя пистолетами я видел троих, — подтвердил я. — Не в самом лагере, а на подступах.

— Ну да, — пробормотал Поддубецкий, — Левченко, хоть и отважный мужик, но не дурак, аласийцев в середину лагеря не впустит. Они могут и захватить... Для них среди наших своих нет. Спасибо, это очень ценная информация. Вы в самом деле помогли больше... чем я надеялся. Спасибо!

Я понял, что в последнем «спасибо» недосказанное «...а теперь валите на хрен, нам работать надо», кивнул Ингрид, и мы вышли на яркое солнце и под синее небо.

Ингрид спросила тихо:

— А как ты узнал?

— Не понимают, — ответил я еще тише, — что достаточно пройти мимо стола с их планшетом, как вся информация начнет качаться в мой карман.

— Ух ты!

— Теперь это просто, — сообщил я и добавил, — если знаешь как.

— А как?

— На флешке нужно установить нужную прогу, — начал я, посмотрел на нее и поинтересовался: — А тебе это в самом деле интересно? А извозчики на что?

Глава 11

Поддубецкий вышел из блиндажа достаточно скоро, взглянул на небо.

— Я вызвал вертолет, — сообщил он. — Вас отправят обратно. С благодарностью Мещерскому за то, что вы помогли установить место содержания заложницы.

Я напомнил:

— У них пять боевых групп.

— Пять, — повторил он задумчиво, — вряд ли. Для удержания заложницы, да еще в таком районе, достаточно и одной.

Ингрид встала:

— Про пять я сама слышала.

Он отмахнулся.

— Деза.

Она сказала в сомнении:

— Может быть, и деза. Ради одной заложницы пять групп отправлять глупо. Но если у них здесь другие интересы?

— Тренирует, — поинтересовался он, — наших боевиков против ненаших. А потом наши тоже становятся ненашими. Это да, такое часто. Они и приходят к нам, чтобы обучиться, получить хорошее оружие и уйти обратно. Но у тех свои задачи...

Ингрид поинтересовалась:

— Хотите сказать, не поддержать тех, кто поселился прямо в центре их лагеря?

Поддубецкий пробормотал:

— У меня есть контакты с майором Черкесовым, который руководит тем лагерем подготовки. Выясню.

— А если он встанет на сторону полковника Громова?

Поддубецкий сказал с жесткой ухмылкой:

— Пожалее. Наконец-то докажу, кто из нас круче. Хотя в какой-то мере вы правы, наша беда еще в том, как и любой спецслужбы, что на той стороне нередко оказываются люди из наших же рядов...

— Из ГРУ? — спросил я.

Он покачал головой.

— Я имею в виду вообще сторону закона, порядка, охраны... В рядах халифата сражаются, по нашим данным, около двенадцати тысяч выходцев из России.

— Выходцев? — переспросил я.

Он взглянул на меня внимательно.

— Я уже говорил, вы хорошо улавливаете смысл слов? Выходцев вообще-то больше, а я имею в виду именно граждан России с российскими паспортами. И кто потом с набранным опытом боев где-то под Багдадом или Дамаском вернется в Россию, что чревато.

— Реальный боевой опыт, — сказал я. — Когда стреляли не в чучело, а в живых людей?

Он кивнул.

— Хотя многие и так... не овечки. На той стороне как несколько парней из псковской десантной дивизии, так и группа из «Дельты», Иностранного легиона, морские котики, зеленые береты... а также синие, красные и даже черные.

— И все стали исламистами? — спросил я.

— Не все, — пояснил он, — одни воюют за хорошие гонорары, другие просто из интереса, но кто-то и за идею.

— Идею халифата?

— Да, — ответил он невесело. — Как идея коммунизма, она интернациональна...

Над головами послышался быстро нарастающий рев вертолетных винтов. Два вертолета на бреющем полете вынырнули из-за верхушек деревьев и тут же

без прицеливания, что указывает на громадный опыт пилотов, опустились на площадке.

Судя по тому, что оказались здесь всего через полчаса, понятно, гнали не из Московского округа, а с какой-то соседней базы.

Десантники выскакивают из укрытий, быстро и ловко впрыгивают в вертолеты, рассаживаются по местам и замирают в ожидании приказов.

Ингрид сказала встревоженно:

— А как же заложница?

— Она же в глубоком укрытии? — переспросил Поддубецкий. — Бомбить нам незачем, но на поверхности все снесем к чертям из крупнокалиберного. Может быть, кто-то наверху поймет, что с боевиками из клана аласийцев заигрывать опасно. Как с прочими.

— Здесь полетят головы, а там погоны?

— Точно, — подтвердил он мрачно. — Ребята, там никого не забыли?.. Группе поддержки с воздуха ждать приказа с земли. А вы двое ждите, когда вернемся, сразу и отправим на этих же вертолетах!

Он ловко вскочил во второй вертолет, оба тут же без натуги поднялись в воздух.

Ингрид долго смотрела вслед, хотя вертолеты быстро растаяли в беспощадном синем небе.

— Надеюсь, — произнесла она медленно, — где-то через час все кончится. И мы отвезем эту Абигель Степановну в Москву. Тоже мне имечко...

— Бабушка, — предположил я, — в пику патриоту и коммунисту Стельмаху выбрала для своей внучки самое что ни есть западное.

— Назвала бы Мэри, — сказала она.

— У нас бы стали звать Машей, — напомнил я. — Это же Мария!.. А вот у Абигели вроде и нет аналогов.

Она посмотрела через мое плечо на открытый в моих руках планшет.

— А что ее родители?.. Почему это должно задеть деда, а не отца с матерью?

— Родители уже не коммунисты, — ответил я. — Свободные демократы. Это значит, разводы, безобразный дележ имущества, взаимные судебные иски... В общем, эта Абигель, как только встала на ноги, постаралась о них забыть вовсе. Да и она им не нужна, ее мать еще трижды выходила замуж, как и отец женился что-то раза четыре... Так что в крепких коммунистических семьях что-то есть правильное для страны и отечества.

Она посмотрела на меня косо, я совершенно серьезен, силовым структурам трудно понять, где высшее существо из стада ученых говорит искренне, а где прикалывается.

На экране в красках появилось изображение земной поверхности в этом регионе, я подвигал пальцем, слегка зумнул, давая увеличение чуть больше. Появилось изображение двух крохотных вертолетов, ползущих над землей на бреющей высоте.

Она засмотрелась заворуженно.

— Как здорово! Как ты это сделал?

— Получай докторскую, — посоветовал я, — и сможешь подключаться так же просто. К секретным не получится, там все в шифре, а это вот просто... хотя да, тоже под паролями, но в Пентагоне рулят такие домохозяйки, что наши рядом с ними — Складовские-Кюри.

Она внимательно всматривалась в снимки, вдруг вскрикнула:

— Смотри-смотри!

Камера показывает лагерь боевиков, где мы только что побывали. С большой высоты видно, как к тайно-

му блиндажу подъехал «Хаммер». Дверь убежища отворилась, изнутри вытащили женщину со связанными за спиной руками и черным мешком на голове, насильно усадили в автомобиль.

— Господи, это же она, заложница!

— Точно, — подтвердил я. — Судя по движениям, ей тридцать пять лет.

Она сказала зло:

— Заткнись, антрополог. Что делать будем? Зачем машина? Нас вели пешком.

— Повезут в другую сторону, — ответил я. — Там есть дорога.

— Поддубецкий, — сказала она вдруг. — Нужно предупредить, что заложницу перевозят в другое место!

— Опоздали, — ответил я. — У Поддубецкого сейчас режим радиомолчания, на случай перехвата. Неужели мы где-то и как-то?

Она покачала головой

— Либо совпадение, либо просто на всякий случай... Перевезут в такую нору, что уже никто...

Я сказал со злостью:

— Ну вот, все рухнуло.

— Сволочи! — сказала она с бессильной яростью. — Ну почему все такие хитрые?

Мозг мой успел просчитать сотни тысяч вариантов, даже такие, как вторжение инопланетян, что возьмут и помогут, а также семь вариантов перемещения во времени, я сказал с колебанием в голосе:

— Знаешь, шансы есть...

— У Поддубецкого?

— Нет, — ответил я, — у любого, кто видел это...

— Ты что? — изумилась она. — Как?

— Они отправят на одном внедорожнике, — сказал я. — Вот смотри, затолкали и чего-то ждут. Ага, поеха-

ли!.. От силы, за пределами лагеря к ним присоединился еще один автомобиль. Если никто не решится остановить их на дороге, то можно попытаться в новом убежище. Не думаю, что оно окажется в центре вооруженного лагеря, как сейчас.

— То было временным, — согласилась она, — но сейчас перевезут в еще более защищенное!

— Но не людьми, — уточнил я. — Люди слишком много видят и болтают. Потому в лагере прятать долго не получилось бы. А сейчас повезут в какую-нибудь чертову дыру, куда просто не пробраться.

— И где охраны поменьше?

— Вот-вот.

К нашему разговору прислушиваются двое младших офицеров из группы спецназа, один заметил, что я их вижу, подошел, отдал честь.

— Хотите попробовать сами?

— Что? — спросил я.

— Выдернуть заложницу вдвоем? — поинтересовался он с почтительным интересом.

— Если успеем перехватить автомобиль, — ответил я.

Он сказал быстро:

— Я лейтенант Желудев, временно заменяющий командира отряда. Могу предложить вам лучшего водителя!

— Нам достаточно автомобиля, — ответил я книжно. — Водить умеем оба.

— Здесь не сумеете, — заверил он. — По таким дорогам?.. Гнатюк, Вовк, быстро машину! Доставите спец-агентов на место.

Двое спецназовцев ринулись в стороны, я пробормотал Ингрид:

— С ума сойти! Это мы — спец-агенты?

Она ответила тихо:

— Все, кто выполняет нестандартную работу, спец-агенты, так что не задирай нос.

Через пару минут перед нами остановился мощный «Хаммер», из недавно переданных Штатами своим «умеренным» террористам, а те передали бойцам халифата, как и было задумано.

Один спецназовец остался за рулем, второй выпрыгнул и, улыбаясь во весь рот, похлопал по листу брони, закрывающей бок.

— Прошу! Домчим, заодно и сами проветримся.

Я сказал с сомнением:

— А вам можно?

Лейтенант сказал бодро и с азартом:

— Они же не в самоволке! Я разрешаю. А эти двое орлов вызвались сами.

— Хорошо, — сказал я, — Ингрид, в машину!

Желудев сказал быстро:

— Минутку! Вам понадобится вот это.

Он подал повязку зеленого цвета, посмотрел на меня с сомнением.

— Надпись не мешает?

— Аллах акбар? — спросил я. — Каким образом? Все-вышний в самом деле велик, и заветы его безупречны.

Ингрид посмотрела на меня с подозрением.

— Что? — спросил я.

— Ты такой серьезный...

— Заветы Корана принимаю серьезно, — ответил я. — Как и христианские или иудейские. Все остальное — язычество, можно низвергать и при этом гнусно гыгыкать, словно я силовая структура какая.

Желудев кивнул, явно тоже знает о Коране больше московского грузчика, протянул Ингрид накидку и платок темного, но не черного цвета.

— Женщинам можно и цветные, но темный и скромнее, и в боевых условиях не так заметен.

— Спасибо, лейтенант, — сказал я. — Уверен, вы со своей инициативностью долго в этом звании не задержитесь.

— Успеха, — сказал он и отступил на шаг.

Глава 12

Гнатюк рванул машину вперед с такой мощностью, едва мы сели, что я ощутил себя во взлетающем истребителе. Ускорение прижало к спинке сиденья, из-под колес с грохотом и треском полетел гравий.

Оба десантника сидят, как влитые, а меня то прижимает к Ингрид, то отшвыривает в другую сторону, потому что слежу взглядом за картинкой со спутника на планшете.

Наконец она, вроде бы осердившись, грубо обхватила меня за плечи и прижала к себе, я ощутил, как ее сильные, как у массажистки, пальцы попутно прощупали мою дельтовидную мышцу, а также двухглавую.

Вообще-то плечи у меня чуточку ноют, как и грудные мышцы, иногда доходит до слабого жжения, как после перетренировки, там спешно восстанавливаются истончившиеся за время болезни и поврежденные волокна, а нервная ткань, как чувствую, укрепляется опережающими соединительную ткань темпами.

— Подвздошный гребень потрогай, — посоветовал я, — или большую фасцию... Вообще у меня ниже подвздошной самая масса!.. Пощупай...

Она фыркнула и отпихнула меня прочь.

— Сам свою жопу щупай, извращенец.

— Держи крепче, — велел я, — а то планшет вырону. Только нежнее, что ты за женщина...

Гнатюк легонько ржанул, наблюдая за нами в зеркало. Политика, мелькнуло у меня в голове, дело жестокое и настолько попирающее все человеческие нормы и нравственные законы, в том числе и юридические, что не случайно их засекречивают на десятки лет. Пока не вымрут все, кто имел с ними дело.

Догадываюсь, власти Центра нарочито позволили отрядам халифата просочиться в город и взять над ним контроль. Все-таки пока враг далеко, он даже не враг, а всего лишь противник, вообще даже не противник, а мятежный бунтарь, отважный герой, посмевавшийся и дерзнувший воевать за свободу.

Так же, к примеру, овеваны ореолом благородства морские грабители и разбойники, что под именем пиратов и корсаров как бы уже и не разбойники, а если и разбойники, то «благородные», как будто разбой и грабеж вообще могут быть благородными.

Корсары нападали только на купеческие и пассажирские судна, избегая встреч с военными кораблями, а когда настигали купеческие и пассажирские, то убивали мужчин, женщин насиловали, а потом либо топили, либо продавали дикарям в рабство. Ограбленные дочиста корабли тут же топили, чтобы потом, если их схватят, говорить в недоумении: какой корабль? Мы ни на кого не нападали...

Любой из тех, кто воспеваает пиратов, после того как оказался бы на захваченном ими корабле, завопил бы в ужасе: куда власти смотрят, почему всех этих не убили, не повесили, не утопили?.. Так и с халифатом, уже начал окутываться ореолом романтизма, как же, борцы за свободу и справедливость, по-своему правы...

Вот и дали населению ощутить, что такое халифат не в рекламных роликах, а наяву, какой он есть на самом деле. В масштабах огромной России потеря небольшого городка, который потом все равно отобьют, не скажется даже на статистике, зато дает огромный пропагандистский эффект.

По всему миру разлетелись ролики со зверствами боевиков, что отрезают головы неверным и гордо демонстрируют на камеры, казнят сотнями дураков, что поверили им и вышли приветствовать не совсем по законам шариата, и вообще, как оказалось, халифат вблизи совсем не то, каким смотрится издали.

Ингрид буркнула рядом:

— Вообще-то красиво. Если бы не боевики...

Если бы я смотрел глазами примитивного эстета, я бы сказал, что да, красиво, как бы весьма даже, горы, леса, между горами где тесные тропки, где широкие, а где и вовсе долины.

Ветер сносит в низины всю пыль, потому там самые плодородные почвы, а если еще и хотя бы крохотная речушка, то сразу образовывается рай по меркам первобытных людей или экзальтированных дур, которых ах-ах как достала цивилизация, и они хотели бы жить здесь, но чтоб с Интернетом, электричеством, заасфальтированной дорогой, хорошими магазинами, ночным клубом, фитнес-центром и стрип-баром с джекпотом и шлюхами...

— Не успели, — сказал я с сожалением.

Ингрид встрепелулась.

— Что? Что не успели?

— Перехватить, — сказал я и указал взглядом на раскрытый планшет. — Надо же... Они не стали искать хитрые места, а свернули в Аньшанск.

— И там остались?

— Да, — ответил я. — Вот их машина. Заложницу утащили в это здание с дырявой крышей... Но вряд ли там оставят, а дома в этих местах соприкасаются, хрен проследишь, куда перешли дальше... Это место, как я понимаю, формально под нашей властью, но там столько боевиков, милиции лучше не соваться...

Ингрид сказала с недоумением и злостью:

— Неужели у нас снова слабеет власть?

— Вряд ли, — ответил я. — Скорее, как раз все наоборот. Власть настолько крепка, что может не обращать внимания на крики пятой колонны и действовать как... надо.

— Хочешь сказать, — спросила она язвительно, — боевикам намеренно сдали это место?

Гнатюк, хоть и за рулем, но уши наострил, а Вовк и вовсе повернулся к нам вполоборота, прислушивается. Оба из молодых, как я сразу увидел, просматривая их личные дела. Хорошо подготовленные, высшие оценки на тренировках и в полевых испытаниях, но еще ни разу не участвовавшие в боевых операциях, что задевает и вызывает острое желание показать себя перед старичками, уже побывавшими под огнем.

Лейтенант Желудев тоже из молодых и не нюхавших пороха, до этого работал в штабе, но по личной инициативе перевелся в горячую точку. Карьерист, здесь быстрее можно получить повышение, жалование вчетверо выше, а умелое командование заставит руководство обратить на него внимание.

— Ребята, — сказал я с сочувствием, — похоже, придется возвращаться ни с чем. А так было бы здорово перехватить их автомобиль!.. Перебить, вытащить заложницу и всех делов...

— Возвращаемся? — спросила Ингрид.

Пнатюк не поворачивается, следит за дорогой, это Вовк не сводит с меня взгляда, едва не сворачивая шею.

— Подъедем ближе, — велел я, — посмотрим, а потом вернемся. Ингрид, насчет того, намеренно или не намеренно... Высокая политика — это всегда интересы государства, низкая политика — интересы человечешков. Наверху кто-то здраво решил, что раз вы, гады, так хвалите нам в пику халифат, так вот он вам, жрите!.. Но когда заплачете и начнете умолять спасти, то вот хрен вам!.. Спасем, но не сразу, а сперва под ними наплачетесь, а потом, уже видя, какие вы здесь, мы заставим жить по своим законам, никаких вам автономий.

Ингрид хмурилась, это бесчеловечно, Вовк смотрел на меня с интересом и ожиданием.

— Это неправильно, — возразила она. — К людям нужно относиться, как к людям, а не деталям государственной машины!

— Лозунги, — ответил я, — непродуктивны. В тех же Штатах и в Европе люди еще раньше стали винтиками государственной машины, только говорить об этом не принято.

— Из политкорректности? — спросил Вовк.

— Да.

— Тогда почему врут про нас?

— А как насчет «держи вора»? — ответил я. — Хотя такой подход здесь и кажется жестоким, но мы вошли в жестокое время, даже не заметив.

Ингрид сказала зло:

— Как такой подход может быть верным?

Я проговорил спокойно и холодно:

— Этот регион дотационный весь. Как был при советской власти, таким остался. Ничего не производит, а народу как муравьев, да еще и плодятся бешено. Политики — люди практичные, половину дают перебить

людям халифата, выбивая все эти развращающие свободы, что принесли русские... а вторую половину перебьем мы, зачищая местность от боевиков и... поддерживающих их.

Ингрид вскрикнула гневно:

— Замолчи! Твои шуточки отвратительны!

Я смолчал, а взгляд Вовка дал мне понять, что он думает точно так же, только вслух не рискнет даже прошептать, а вообще-то политика правильная, просто для газет привычно подаем как-то иначе.

— Вон там зеленка кончается, — сказал Гнатюк.

Ингрид посмотрела на меня, раз уж я старший, я сказал тут же:

— Еще две сотни метров, а там удобный съезд с дороги. Густые деревья, кусты, машину можно спрятать так, что в двух шагах проедут мимо, не заметят.

Гнатюк сказал уважительно:

— Видать, вы здесь побывали...

На этот раз Ингрид бросила на меня взгляд, полный превосходства и презрения, где этот мышелюб мог побывать, он в своей лаборатории может заблудиться и начнет маму звать.

Гнатюк сбавил скорость, а с указанного места уважительно присвистнул, но повернул руль. Джип осторожно съехал по крутому склону, с обеих сторон тут же начали хлестать колючие ветки.

Он сам определил лучшее место под кроной могучего дерева, что плотнее крыши накрывает огромное пространство, куда ни один зверь не сунется, чтобы не запутаться в хищных ветвях, прижал машину одним боком к стволу.

— Так?

— Все верно, — похвалил я. — Оставайтесь и ждите сигнала. Хотя догнать не удалось, но мы все равно

проследили, куда ее уперли. Так что отдыхайте, но будьте наготове.

Гнатюк кивнул на темно-синее небо, где наряду с заходящим солнцем уже начал проступать и полупрозрачный полумесяц.

— Скоро ночь.

— Вернемся завтра, — пообещал я.

Вовк заверил:

— У нас сухой паек всегда с собой! Всю ночь есть будем.

Ингрид молча вытащила из машины оружие, я принял из ее рук пистолет, сама перекинула через плечо автомат, раз уж кобура с пистолетом давно воспринимается как часть тела, вроде как хвост у обезьяны.

— Платок, — напомнил я.

Женская одежда должна скрывать все части тела, кроме овала лица и кистей рук, но прятать лицо Коран не требует, Ингрид зло сверкнула глазищами, но абайю накинула поверх своей одежды, ее назначение скрывать фигуру в общественных местах, что очень удобно, можно при себе носить хоть пулемет.

Никаб отвергла с ходу, а хиджаб повязала умело и с женской грацией, закрыв не только голову, но и полностью горло и шею. Уж и не знаю почему, но этот платок лишь подчеркнул ее яркую восточную красоту, оставив открытым одно лицо.

Поднимаясь на дорогу, я оглянулся, машины не видно, ребята умело укрыли ее ветками.

— Ты как? — спросил я.

Она буркнула:

— Это я должна спрашивать, ты как?

— Но спросил я.

Она огрызнулась:

— За себя беспокойся! Даже и не знаю, чего я с тобой пошла.

— Твоя женская натура, — сказал я, — это я так, для красоты, верит в меня! Доминант, как ни верти. Твои здоровые инстинкты, минуя слабый аналитический отдел твоего женского мозга, говорят уверенно, что тебе как субдоминанту, нужно верить такому самцу и следовать за ним. Сим победиши, как сказал огненный ангел императору Константину!

— Свинья, — огрызнулась она.

— Наблюдается некое однообразие, — заметил я.

— А если ты всегда и во всем свинья?.. Что, вот так и войдем в город?

— Я знаю арабский, — сообщил я, — хотя, думаю, практически все здешние боевики знают и русский. Но часть руководящего состава должна быть настоящими арабами. Сирийцами, иранцами или даже саудитами...

— И чем тебе это поможет?

— В городе поможет, — ответил я. — Нужно только блокпосты пройти. Лучше бы незамеченными.

Она посмотрела на небо.

— Тогда лучше ночью?

Жаркое южное солнце уже нависает над горизонтом, тени вытянулись, стали черными и гигантскими. В пронзительно-синем небе проступил полупрозрачный полумесяц, обещая через пару часов заблистать ярко, освещая мир альтернативным светом.

— А ты хороша, — сказал я и уточнил, женщины не всегда сразу соображают, — даже очень красивая. Кто бы подумал..

— Не подлизывайся.

— А как, — спросил я, — уговорить тебя почесать меня?

— Просто скажи. Ладно, уже сказал.

Глава 13

Орлы видят восходящие потоки, что означает теплые массы воздуха, поднимающиеся от земли, это позволяет крупным пернатым экономить усилия на взмахивание крыльями, они просто перемещаются от одного такого потока к другому, могут парить целыми днями, высматривая на земле добычу.

Те, кто не научился видеть эти восходящие потоки, либо вымерли, либо остались мелкотой, а человек хоть и рожден для полета, но все же птица без перьев да еще с плоскими ногтями, это ему и не нужно, разве что в жаркий день видим, как над головой идущего человека пляшут в столбе поднимающегося от макушки горячего воздуха мелкие комарики-толкунцы, а потом, присмотревшись, можем заметить, что воздух над головой человека слегка дрожит и размывает очертания предметов.

Разницу в температуре я начал улавливать только здесь, без термометра могу сказать не только, на каком делении остановился столбик термометра в воздухе на свету и в тени, но и насколько прогрелась земля, стена, обшивка автомобиля...

— О чем мечтаешь?

Голос наглый и противный, хотя я за это время почти успел пересчитать все звезды в нашей вселенной и мог бы начать считать атомы.

— Если скажу, — ответил я, — что не о тебе, сильно обидишься?

— Рассвирепею, — пообещала она.

— Только не бей, ладно? — попросил я. — Науку и так всегда угнетают. Бруно сожгли, Галилея на коленях заставили отречься, меня чесать отказываешься...

— Что? А чем все это время занималась?

— Какие-то полчаса, — сказал я недовольно, — разве это хорошая работа? Это халтура, а не чес. Нужно с чувством, с азартом, но нежно и чувственно.

— Надеюсь, — сказала она, — на блокпостах не сидят в очках ночного видения.

— Пройдем распадками, — успокоил я. — Можешь поспать.

— А ты?

— Но мы же партнеры!

Она закрыла глаза и сделала вид, что засыпает. Я выждал, занятый в виртуальном мире своими мышками, а когда ночь перевалила через гребень, выждал еще чуть и легонько потрогал за теплое плечо Ингрид.

Она тут же распахнула огромные глаза.

— Что, снова?.. Ах, уже полночь...

— Пора, — сказал я с сочувствием. — Остался только гражданский долг...

— Да иди ты... Я готова.

— Сперва проснись, — посоветовал я. — Привыкни к темноте. Глаз полностью адаптируется за сорок пять минут, но и пяти хватает, чтобы проблываться... Топай за мной, но не топай, смотри под ноги.

— Дорогу запомнил?

— Не так хорошо, как твои вторичные, но все-таки... Пошли!

Пригибаясь, останавливаясь и прислушиваясь, мы осторожно двинулись в сторону полуразрушенных, а где и разрушенных полностью домов. Я постоянно сверялся со спутниковыми снимками, все в сероватых тонах, но в инфракрасном диапазоне люди проступают багровыми точками, даже если недвижимы и в густой траве.

Я пробормотал:

— Что-то ночных клубов не видать... Пора бы нам уже наткнуться, город достаточно разнуздан... Чтoб со стриптизом, танцами у шеста, голыми девками, кокаином и азартными играми...

Ингрид сказала холодно:

— Чего вдруг?

— Да так, — сказал я недовольно. — Как-то показалось вот... что надо обязательно зайти в ночной клуб, выпить элитного виски, иначе ничего не получится... Как-то неполно...

— А ты какое пьешь?

— Вообще не пью, — вздохнул я.

— Тогда идем мимо, — ответила она неумолимо. — Интеллигент хренов.

— Боишься, — сказал я понимающе, — что там тебя все узнают? Как бывшую элитную танцовщицу у шеста? Для меня станцуешь?

— Если освободим внучку, — ответила она.

Луна снова высунулась из темного облака, тут же залила злым призрачным светом неопрятную траву и где глиняные, где каменные стены остатков зданий.

Ингрид вжалась в землю, часовые в это время как раз и просматривают все на своем участке, но как только луна перебежала под темную мантию другого облака, Ингрид тоже вскочила и, сильно пригибаясь, я бы так не смог, побежала за мной.

Я заметил, что хотя она ступает бесшумно, двигается как тень, но то и дело старается держаться так, чтобы прикрыть меня даже своим телом, как бы я полный слабак, а она вот крутой мужчина.

Я сказал шепотом:

— В домах тоже могут быть сторожевые посты. Или хотя бы располагаться боевики.

— Можем ползком, — предложила она. — Я обучена.

— Я нет, — отрезал я. — Что делать, я из благородных. Голубая кровь, белая кость. Ни за что не стану ползать на брюхе, если нет острой необходимости.

— Свинья, — сказала она. — Как будто я стану ползать, если не будет необходимости!

Я ответил отстраненно:

— Да кто вас, профессионалов, знает... Погоди чуть. Дай прислушаться.

Она затихла, я тщательно просматривал землю с высоты спутников, зумил до предела, пока крупные пиксели не заполняли поле зрения целиком, отодвигал, всматриваясь в багровые точки.

— Мой острый нюх говорит, — сказал я, — что вон там лисья нора, а левее пробежал зверек покрупнее... Что за дурак, по ночам бегает... Дня ему мало.

— Это ты дурак, — шепнула она злорадно. — Звери как раз ночью и охотятся.

— Сумасшедшие, — сказал я. — Романтики... А люди только вон в том доме, что слева.

— Берем правее?

— Да, — ответил я. — Нас заслонят руины вот тех двух, дальше вообще что-то вытянутое, то ли школа... зачем она халифату, то ли цех для переработки грецких орехов... Или наркоты. Долой тиранию с ее запретами! Наркоту всем и без ограничений!

Она прошипела:

— Над этим не шутят.

— Правда? — спросил я. — Сейчас над чем только не шутят. Перевешал бы всех... Чтоб не конкурировали. Та-а-ак, выдвигаюсь...

Она шепнула:

— Как там?

— Чисто, — ответил я. — Давай сюда!

— Как ты видишь в темноте?

— Есть такое заболевание, — сообщил я, — потом посмотришь в Вики.

— Хорошее заболевание, — сказала она. — Хочу и себе такое.

— Да? — спросил я с сомнением. — Только вот на потенции сказывается.

Она фыркнула.

— Врешь. Почему на тебе не сказалось?

— Правда? — спросил я. — Ты мне льстишь, но все равно приятно.

В одном из домов с выбитыми дверьми и окнами увидели трепещущий свет огня, кто-то развел костер, а когда тихонько прокрадывались мимо, слышали заунывную резкую музыку.

— Любители приключений, — сказал я с неодобрением. — Гранату туда бросить, что ли?

Она зашипела:

— Ты чего?.. У нас что, гранаты есть лишние?

— Да так, — ответил я. — Чего веселятся, когда я вот ногу ушиб, а ты маникюр поцарапала...

— Не будь таким злым.

— Надо, — ответил я со вздохом. — Добро должно быть с кулаками, и пользоваться им постоянно. Добро нужно нести в массы!.. Эх, не понимаешь...

Она буркнула:

— Не всем выпало несчастье заниматься наукой. Есть и счастливые люди.

— Истребить, — ответил я с решимостью. — Счастливые люди — гири на ногах прогресса. Счастливые только лежат и слюни пускают. А прогресс двигают злые и недовольные.

Блеснул свет, из-за дальних домов вынырнула машина, ослепив нас дальним светом фар, пронеслась в

нашу сторону, Ингрид напряглась, готовая стрелять, я сказал предостерегающе:

— Тихо. Присядь, проедут мимо.

— Откуда знаешь?

— Я милого узнаю по походке, — пробормотал я. — Что ты за женщина, такая бесчувственная...

Машина пронеслась в стороне и пропала за развалинами.

— Надо перебежать через площадь, — сказал я. — Хреново. Но придется.

Она сказала резко:

— Я пойду первой. Если увидишь опасность, кричи громче.

— Если голос от страха не перехватит, — пробормотал я. — Страшно же, аж жуть.

Она, держа автомат на изготовку, побежала теми же короткими, но быстрыми шажками, готовая в любой момент упасть, перекувыркнуться и выстрелить в цель.

Я прикрывал, держа пистолет обеими руками, но пока чувство опасности спит, хотя в городе есть люди, и достаточно близко, но это либо бомжи, стянувшиеся сюда на легкую добычу, все-таки есть халявное жилье, а на пропитание можно украсть или заработать в соседних поселках...

Глава 14

Долго пробирались среди руин, улицы завалены обломками стен с торчащей в небо арматурой, разорванной чудовищными взрывами. Пробирается приходится под стенками, но в северной части города уцелел целый квартал, хотя окна и в тех домах зияют темными провалами.

Ингрид ткнулась в мою спину, когда я резко остановился.

— Что случилось?

— Здесь подождем утра, — сказал я. — Заходи!

Дверной проем зияет черным провалом, Ингрид попыталась войти первой, но я опередил, по выщербленной осколками лестнице поднялся на второй этаж, одна из квартир даже с дверью, но не заперта.

В прихожей вешалка на стене, на другой потрескавшееся зеркало, дальше кухня, где ни воды, ни света, но в спальне уцелела как кровать, так и одеяло, грязное и залитое чем-то вроде давно застывшего кетчупа.

— Да, — сказал я с чувством, — похоже, в этом городе стриптиза лучше не ждать...

— Какой стриптиз? — прошипела она зло. — Думай, о чем говоришь! Здесь крепкие нравственные устои.

— Но чадры не носят, — заметил я. — Даже паранджи...

— Зато никабы, — сказала она с удовольствием. — Одна я в хиджабе.

— Блин, — сказал я недовольно. — Не могла эта Абигель похититься где-нибудь в более раскрепощенном месте? Например, в Лас-Вегасе...

Она посмотрела косо.

— И туда бы полетел?

Я сдвинул плечами.

— Английским владею лучше, чем арабским. А тут вряд ли казино встретишь...

— Азартные игры есть везде, — заметила она. — Где человек, там и азарт.

— Меня сами игры интересуют мало, — ответил я. — А вот стриптиз... Ты бы точно не утерпела, верно?.. Ладно-ладно, не шипи, я вижу, устала и раздражена, та-

ких женщин лучше не трогать. Можешь лечь на коврик. Или подремать вон в том кресле, почти целое. Рассвет через два часа. А день через пять.

— А день не с рассвета?

— Рассвет в это время года в три часа. Кто теперь встает по солнцу, как неандерталец?..

Она негодуяюще хрюкнула и села на пол, скрестив ноги и прислонившись к стене, дескать, йоги могут спать и вот так, выкуси.

Похоже, в самом деле заснула, даже завидно, никакой тебе тургеневскости в современных женщинах, либо стервы, либо дуры, хотя, конечно, все мы с готовностью выбираем дур, но Ингрид не вписывается ни в одну из категорий.

Через час я сказал строго:

— Хватит спать! Госдеп никогда не спит, козни строит мировому капитализму!..

Она распахнула еще сонные глаза, но тут же взгляд стал строгим и настороженным.

— Уже?

— Можем выдвигаться, — сказал я. — Улица опустела. Поправь платок, лицо должно быть хоть и строгое, но благочестивое.

— Это как?

— Откуда я знаю, — буркнул я. — Сингуляр ничего не читит в этом уходящем мире разумных питекантропов.

— А ты уже сингуляр?

— Готовлюсь. Запомни, на встречах не смотри так уж прямо. Это неприлично. Хотя ладно, если что, ты берберка. Или бедуинка. На выбор. Правда, выбор что надо?

Она спросила шепотом:

— А что за берберизм?

— У них женщины рулят, — сообщил я. — Матриархат. Хорошо хоть мужчины пока без чадры ходят.

— Жаль, — сказала она мстительно. — Я бы выжгла на тебе свое клеймо, чтобы все знали мою принадлежность!

— Ого, — сказал я, — Ахматова?

— Цветаева, — ответила она, но я уловил в ее голосе сомнение.

— Блин, — сказал я потрясенно. — Ты что, и читать умеешь?

— Нет, где-то слышала. В стрип-баре.

Разговаривая, я ловил все телефонные переговоры в городе и через несколько минут уже знал, что из двадцати трех групп, как сказали бы у нас, бандформирований, хотя сами они считают себя борцами за свободу, всего три выделяются силой, оснащенностью и дисциплиной, как и хорошей воинской выучкой. Остальные просто романтики, уголовники, дезертиры, мародеры и просто искатели приключений, уставшие в свои семнадцать лет от долгой и однообразной жизни.

— Ну, — сказала она в нетерпении, — сколько будем здесь сидеть?

— В ночной клуб восхотелось? — спросил я понимающе. — Погоди, пусть вон те пройдут этой дорогой, тогда и выйдем...

— А кто они?

— Видишь черные повязки на головах? Это гевонги. Одна из по-настоящему опасных групп. В ней в основном обстрелянные бойцы из горячих точек. Конкурируют с ними только хахалцехи, там ребята не такие умелые, но зато все фанатики и шахида, им поперек дороги лучше не становиться...

Улица заполняется мужчинами с черными повязками, сперва продвигались к ее северной части, но из

домов выскакивают все новые бойцы, начался радостный галдеж, я понял, что к хахалцехам прибыло подкрепление, теперь наверняка постараются отжать у соперников власть во всем городе.

Ингрид выглядывала из окна на мгновение, тут же пряталась, что абсолютно правильно, картинка схвачена, а смотреть неотрывно и непродуктивно, и есть риск быть замеченной. Хотя мы уже свои, но кто-то вдруг решит, что женщина осталась одна, нужно срочно оказать ей покровительство...

За окном неожиданно вспыхнула пальба. Я осторожно выглянул, в кузове потрепанного грузовичка толстый мужик с бородищей что-то орет, простирая руки к небу, будто солнцепоклонник. В экзальтированной толпе вскидывают над головой автоматы и палят в небо вовсю, орут, пританцовывают в экстазе и стреляют, стреляют, стреляют...

Ингрид услышала, как я простонал, спросила резко:

— Ты чего? Очень страшно?

— Аж жуть, — признался я. — Это даже не представляю что... Каждый патрон от доллара до двенадцати, в зависимости от типа оружия, а вон у того, видишь, элитный спецназовский винторез?.. патроны доходят до пятидесяти долларов за штуку!...

Она посмотрела на меня несколько странно.

— И что... это тебя беспокоит?

— Еще бы, — воскликнул я. — Сколько денег, сколько денег!.. Да я только за одну гребаную пулю, улетевшую в небо, мог бы купить десяток мышек!.. Не простых, а отборных, с чистыми генетическими линиями! Ты прикинь, какие деньги сейчас улетают, какие деньги...

Она прошипела:

— Пусть лучше в небо, чем в нас!

— Это да, — согласился я, — но какие деньги, какие деньги... Хотя, конечно, если учесть, что в современной войне, чтобы убить одного человека, нужно затратить семьдесят тысяч патронов, то да, я начинаю верить, что человек вообще-то не зря считается главной ценностью!

Она спросила с недоверием:

— Что, в самом деле семьдесят тысяч?

— Даже больше, — заверил я. — Во Вторую мировую войну тратилось всего пятнадцать тысяч, хотя тоже многовато, потому и придумали газенвагены, немцы все-таки народ практичный, экономный, а сейчас вообще какой-то разврат! Семьдесят тысяч патронов, подумать только! Начинаешь понимать тех, кто разрабатывает химическое или ядерное. Бухгалтеры во всем мире ломают головы над калькуляцией, как убивать людей дешевле. Это нонсенс какой-то, любое производство удешевляется, а цена убийства почему-то растет!.. Это непорядок.

Она сказала с тяжелым сарказмом:

— Нужно научиться убивать дешевле?

— Точно, — согласился я. — Нельзя такое тяжелое бремя на экономику и народное хозяйство перекладывать! Если, к примеру, убийство человека удешевить хотя бы процентов на пять, это сразу несколько тысяч школ, детских садов, киноконцертных залов!.. А если снизить стоимость убийства на десять-двадцать процентов, это вызовет подъем экономики и всеобщее процветание!

Она сказала с отвращением:

— Ты не просто свинья, ты чудовище!

Я прислушался к грохоту выстрелов, их стало меньше, но все-таки то один, то другой чудак выпускает в небо целую очередь.

— Кто им только оплачивает все это?

— Саудовская Аравия, — сказала она зло, — и Штаты. У саудитов дешевая нефть на глубине в два метра, а Штаты... сколько террористы попросят долларов, столько им госдеп и напечатает.

— Почему я не госдеп, — пробормотал я с тоской.

Стрельба затихла, грузовик медленно поехал по улице, а за ним двинулась вся толпа, уже не стреляющая, но дико орущая.

Я выждал чуть, Ингрид то поглядывает на меня, то смотрит в окно, наконец я сказал:

— Выходим. Запомни, ты берберка. Ислам исламом, но у берберов женщины сильные и гордые, оружие носят и управляют с ним не хуже мужчин.

— Да, — ответила она. — Тогда я берберка. Только я по-берберски ни слова, это ничего?

— Да где тут отыщешь берберов, — сказал я. — Да и вообще. Смотри надменно на всех, а говорить буду я.

— А ты у меня какой из мужей? — поинтересовалась она. — У берберок, наверное, по несколько?

— Да, — согласился я, — но ты бедная берберка. У тебя всего две козы и я, единственный мужчина. Чтобы взять второго, нужно собрать богатый калым.

— А это сколько?

— Еще козу, — пояснил я. — А если и второго такого орла, как я, то две. В общем, пойдем не по прямой, там опасные районы, что под контролем аласийцев, гевонгов и хахалцехов, у них север, восток и юг города.

— А запад?

— Там понамешано мелких отрядов и групп, — ответил я, — а также отдельных борцов за веру, которые еще не решили, к кому примкнуть.

— Понятно, — сказала она, — значит, мы оттуда.

— Согласен, — ответил я.

— Только я не только берберского не знаю, — напомнила она. — Арабского тоже.

— Может, ты московская берберка, — предположил я задумчиво, — которую я воспламенил огнем истинной веры, но еще больше ты воспламенилась мною, неистовым джихадистом... А что, Москва не Греция, в ней действительно все есть.

Она фыркнула:

— Кто поверит?

— А какие фетвы или суры знаешь? — спросил я. — То-то, тогда лучше изображай любовь ко мне. Такое не проверишь, а прикидываться все вы умеете.

— А центр у кого?

— За него борются хахалцехи и «Люди пророка Исы», — ответил я. — Отношения на грани, хотя в центре сильнее всего разрушено, ни одного дома не уцелело, там вообще одни развалины. Но престиж..

Она тихо шла следом по лестнице, перед выходом на улицу я предупредил:

— Мы не среди врагов, а среди своих. Так что держись как бы без страха, хотя и бойся. В исламе очень важен принцип доминантности и субдоминантности, что вообще-то правильно, как везде в природе, потому запомни: главный — я! Самец во всей его красе. А ты как бы полусамец.

Часть III

Глава 1

Утреннее солнце еще не накалило город, воздух свежий и даже холодный, как обычно на юге, но прогреется скоро, люди просыпаются и начинают снова по своим делам. Даже в таком разрушенном городе начинает заново пробуждаться некая жизнь.

Ингрид окинула взглядом район между тремя пятиэтажными домами, кое-где уже вяло дымятся обломки автомобилей, подбитый бронетранспортер, двери в домах выбиты мощными взрывами, на всех этажах выбиты не только окна, но и вылетели рамы, а стены домов в выбоинах от пуль крупнокалиберных пулеметов.

— Хорошо ударил Поддубецкий, — заметила она. — Если бы не увезли, наверняка бы освободил.

— Да, — согласился я, — поработал со вкусом. Это же такое счастье, когда нет правозащитников с фотоаппаратами наготове... Пойдем, теперь в таком доме даже летучие мыши не поселятся.

— Ну, — сказала она, — это не Поддубецкий наразрушал.

— Он тоже отвел душу, — сказал я. — Пойдем-пойдем!.. Нужно пройти до места, где автомобиль исчез. Знаешь, давай через это здание... Оно тянется на це-

лый квартал. Лучше пройти по нему, чем по улице, где можно напороться на патрули.

Вместо двери зияет темный проход, на пороге куча щебенки. Ингрид переступала, но едва сделала два шага, я сказал за спиной резко:

— Стоп!

Она дернулась гневно.

— Что?

— Растяжка, — пояснил я. — Хочешь увидеть свои кишки на стенах? Так не успеешь.

— Откуда...

— Посмотри, — предложил я.

Она всмотрелась, над полом на ладонь от нее почти бесцветная нить перегораживает путь дальше по коридору.

— Ах сволочь!

— Спасибо, — ответил я.

Она огрызнулась:

— Это не тебе!

— Что случилось? — спросил я озабоченно. — Почему в этот раз не я? Ты заболела?

Она прошипела:

— А сколько тебе надо повторять, чтобы запомнил?..

— А-а-а, — сказал я, — хорошо, а то уж подумал, что ты изменила мой рейтинг с эс-эс-минус на эс-эс-плюс, что вообще-то ужасно. Хотя я и не банкир.

Она переступила через едва заметную жилку растяжки, внимательно огляделась.

— Чисто!

— Это чисто? — изумился я. — Да тут стадо свиней пребывало в довольстве и неге!

— Ты сам свинья, — огрызнулась она. — Знаешь, о чем я. Мне вообще не нравится твое несерьезное от-

ношение... Да, несерьезное! Речь о жизни и смерти, а ты как будто кино смотришь.

Я ответил с неловкостью:

— Ты в самую точку. Я человек серьезный, а это как возвращение в детство...

— Здесь убивают всерьез.

Я сдвинул плечами.

— А какая разница?... Человек все равно смертен. Умрет в двадцать лет или в восемьдесят... все равно исчезнет. И никто не вспомнит.

— Так уж и никто?

— А мы много вспоминаем о римлянах, что умерли всего две тысячи лет тому?.. О древних египтянах?..

Она сказала сердито:

— Ты не рассуждай, больно умный. Топай дальше, ищи улики.

— Улики? Какие?

— Любые. Нам все пригодится.

— Да, конечно, — пробормотал я. — Люблю твой женский юмор. Хотя мои мышцы смешнее.

В домах на востоке один общий балкон-лоджия на все квартиры на этаже, даже если их сотня, так и внизу коридор идет через весь дом, а этот, типа, так и спроектирован под сдачу в наем, он занимает целый квартал, а когда мы вышли из здания, то очутились на такой чисто убранной площади, словно здесь никогда и не было войны.

Площади здесь такие, что ребенок перебросит камешком, на той стороне полностью уцелевший дом, ни одно стекло даже не треснуто, а у двери двое боевиков в камуфляжной форме, с новенькими автоматами, оба сразу вперили в нас подозрительные взгляды.

Один сказал строго на арабском:

— Стой!.. Дальше нельзя!

Я уловил диалект жителя Эль-Бахи, сразу же перешел на него, добавив протяжность гласных, чем-то похожую на старомосковский говор:

— Что случилось?.. Мы что-то нарушили?.. Тогда обойдем другой дорогой, простите...

Часовой сказал уже не так резко:

— Да, вам придется обойти. Можно справа, можно слева, но этот квартал под особой охраной.

— Спасибо, уважаемый, — сказал я на том же диалекте, — мы обойдем...

Он сказал уже почти миролюбиво:

— А как вы оказались здесь?.. Мы знаем точно, кроме нас здесь из Эль Риада никого...

Я ответил почтительно:

— Я профессор из Москвы. С детства был воспламенен священными текстами Корана, выучил его наизусть, изучил труды Акбара Салахуддина, Фазлур Рахмана, Мусы аль-Джаила, Фетхуллаха Гюлена и других мудрецов.

Он бросил взгляд на молча замершую Ингрид.

— А это...

— Жена, — сообщил я. — Московская берберка. Языка родного не знает, но сохранила гордость, красоту и независимый нрав своей расы. Я как только ее увидел, сразу возжелал в жены. По обычаю русских, я дал за нее ящик водки, она того стоит, а она, по обычаям своего народа, дала за меня двух коз.

Из дома вышел поджарый боевик в военной форме, остро взглянул в нашу сторону.

— Сархан, что там?

Наш часовой крикнул:

— Абдулла, ученый человек из Москвы, что Коран знает лучше муллы и муфтия. Воспламенен идеями ислама, принял его и в жены взял берберку...

Боевик, которого называли Абдуллой, подошел к нам, острый взгляд пробежал по мне и моей женщине.

— Русские?

— Для Аллаха нет русских, — ответил я, — нет арабов, нет персов, а есть только мусульмане или неверные. Так и надо отвечать Мункару и Накиру, что вскрывают в день Страшного суда могилы и грозно вопрошают «Хто ты?».

Он внимательно вслушивался в мое произношение, покачал головой.

— Вот уж не думал, что встречу здесь человека, говорящего на эльбахском диалекте! Уважаемые, приглашаю вас посетить мой караван-сарай, чтобы я мог выслушать вас и помочь всем, чем позволит мне Аллах.

Я ощутил на своей спине запрещающий взгляд Ингрид и ответил учтиво:

— Буду счастлив, уважаемый...

— Абдулла аль-Джауф, — подсказал он. — Прошу вас, дом прямо перед вами. Вам повезло, что вы встретили нас. У нас не самый крупный отряд, но у нас командиром сам Али Шариати!

В голосе звучала такая гордость, что я сразу же заглянул в инет, охнул с подчеркнутым восторгом:

— Да не может быть?.. Принц?.. Из семьи короля?

Он кивнул, весь воспламененный восторгом.

— Он самый.

— Как он... оказался здесь?

Он ответил с торжеством:

— Ему был глас с небес, он в тот же день покинул свой дворец и жен, взял автомат и на свои деньги снарядил целую армию. Она сейчас на той стороне границы, а сюда он лично привел отборный отряд, чтобы показать миру ислама, как далеко могут продвинуться его отважные сыновья!

Он с поклоном пропустил нас в дом, просторная квартира украшена с предельной восточной роскошью, которую можно обеспечить за пару часов, везде дорогие ковры, которые французы посчитали бы за честь повесить в Версале, за инкрустированный драгоценными камнями столик Лондон отдал бы корону британских королей, а кубки на столике если не из золота, то из чего-то более драгоценного, чем золото.

— Располагайтесь, — сказал он, — я сейчас вернусь.

Когда он вышел, Ингрид спросила шепотом прямо в ухо:

— Что за принц? Настоящий?

Я ответил еще тише:

— В королевской семье их называют саудитами, двадцать пять тысяч человек. Из них двести чистокровных принцев...

Она сказала разочарованно:

— А-а-а-а...

Дверь из внутренних покоев распахнулась, Абдулла вошел и тут же отступил в сторону, весь почтительный и восторженный. Следом за ним шагнул высокий красивый юноша, чем-то показался похожим на Синдбада, такой же сухощавый, жилистый, с умным подвижным лицом, крупными орлиными глазами и горбатым носом, а небольшая черная бородка ничуть не портит его смуглое лицо.

Одет подчеркнуто просто, обычный камуфляж, пистолет в кобуре и автомат через плечо, даже не знаю, как его отличают от рядовых. Хотя, возможно, это нарочито.

Точно так же перед Куликовской битвой князь Донской свои позолоченные латы надел на боярина Бренка и поставил его под княжеское знамя, а сам в одежде простого ратника скрылся среди войска. В ре-

зультате Бренка, конечно, убили, а сам Донской сражался среди рядовых и с победой вернулся в Москву.

Абдулла что-то сказал, указывая в нашу сторону взглядом. Принц слушал с интересом, всем корпусом повернулся в нашу с Ингрид сторону, Абдулла продолжал втолковывать, наконец принц перехватил мой взгляд и приглашающе кивнул.

Я приблизился, почтительный и одновременно гордый, ибо ислам — смирение перед Аллахом, но не перед людьми, поклонился.

— Салам алейкум, ваше высочество.

— Алейкум салам, — ответил он. — Я слышал, дорогой друг и соратник, ты прибыл из самой Москвы?

— Да, ваше высочество.

Он посмотрел на Ингрид, улыбнулся мне.

— Ты хорошо владеешь арабским. Садитесь, прошу вас. В нашем движении много людей из России, но москвича вижу впервые.

— В Москве четыре миллиона мусульман, — ответил я кротко. — Здесь могло бы быть и больше.

Я сел на ковер, подогнув ноги, принц опустил по другую сторону столика. Абдулла остался у двери, наблюдая за всеми нами живыми и тревожными глазами.

— Но вы не мусульмане, — сказал принц и уточнил, — по рождению?

Я кивнул, Ингрид продолжала стоять за моей спиной. Принц сказал ей милостиво:

— Садись, женщина. Я со всем уважением отношусь к женщинам, ибо Пророк ставит их очень высоко. И вообще я не навязываю обычаи моей страны тем, кому они чужды.

Я поклонился.

— Ваше высочество понимает, что обычаи важны, но это не главное. Важнее всего наша вера и убеждения.

Он кивнул.

— Точно сказано. Я вижу, вы из ученых людей?

— Доктор наук, — ответил я скромно. — Профессор. Обо мне можно посмотреть в Википедии. Лавронов Владимир Алексеевич.

Ингрид уже послушно опустилась за моей спиной по моему знаку. Я видел боковым зрением, как Абдулла выудил из кармана фаблет и, быстро сфотографировав меня, начал водить пальцем по экрану.

Принц смотрел на меня с возрастающим интересом.

— Доктор наук... уважаемый человек... И что вас привело к исламу?

Я ответил невесело:

— Да, мы рождены даже не в православных семьях, а не признающих Творца вообще. Но человек, если он человек, а не тварь дрожащая, не может жить без Творца. Он начинает искать его в своей душе. Я нашел.

Его глаза заблестели, еще бы такие слова не слушать, это как маслом по душе.

— Да-да, расскажите!

Я сказал совсем упавшим голосом:

— Началось, как у всех, с неприятия общества, в котором живу. Западный мир превращает человека в интеллектуально развитое существо без души, чести и совести, так как они мешают управлять им. Правителям западного мира нужен идеально простой и понятный человек, или, как говорят в нашей Госдуме, предсказуемый. Понимаете, человек, у которого сохранились честь и совесть, непредсказуем, так как может не откликнуться на такие простые и понятные приманки простого человека, как деньги, отдых, женщины, вино, вкусная еда...

Он поморщился, когда я упомянул вино, но слушал внимательно.

— У мужчины, — продолжил я, — в молодости есть и честь, и совесть, и жажда сделать мир лучше. Потому такие для западного общества опаснее всего. Чтобы защититься от них, на Западе искусственно подняли планку детства, и теперь до тридцати лет мужчины считаются чуть ли не подростками, которым только развлекаться, пьянствовать и заниматься сексом, не зная ограничений ни в возрасте, ни с полом... А потом они станут старыми и толстыми, им будет не до революций.

— Старыми?

— Человек, — сказал я, — предающийся блуду и развлечениям, стареет быстро. Ему еще тридцать, а он уже старик в душе и ничего не хочет менять в обществе, где есть все для его плоти. А что нет места для души, он уже и не замечает.

Абдулла даже подтянулся и расправил плечи, а на лице проступили восторг и почтение. Говорю ясно и просто, ему понятно, тоже чувствует себя приобщенным к высоким знаниям, которые принес этот франк, преклонившийся перед духовной мощью Корана.

Принц сказал жадно и нетерпеливо:

— Да-да, продолжайте!

— Западный человек, — сказал я с искренней горечью, которую они заметили, — раб вещей, а не раб чести. Сейчас важнее всего карьера, собственный домик, «Тесла» последней модели, отдых за границей... Еще в тренде футбольные фанаты, прожигающие жизнь в пабах, стервозные женщины... но нет на Западе моды на защитника веры, семьи, детей, нет почитания жены и матери, нет почтения к мудрецам...

Он в восторге ударил кулаком по колену.

— Золотые слова! Высечь бы их на всех стенах!

— Мы все потребители, — сказал я, — но когда у вас или у меня порвется одежда, мы покупаем себе другую. Это нормально. Но когда покупаете себе другую только потому, что она другого цвета или более известного производителя — это ненормально.

Он сказал уверенно:

— Западные все такие.

Я кивнул.

— Они не виноваты, им это вдолбили в головы, теперь они рабы вещей. Но это для нас стыдно, что мужчина может быть рабом вещей, а не чести, слова, доблести или верности... а они уже это не понимают, что страшно. Им так жить удобнее. А властям удобнее этими существами управлять.

Он покачал головой, на лицо набежала тень.

— Да, я все это видел... но тогда еще не мог понять степени загнивания, слишком замороженный чудесами западного мира.

Я сказал, чуть повысив голос для торжественности:

— Потому все лучшие люди России... да что там России, мира!.. смотрят на халифат с надеждой. У вас может получиться то, что не получилось у нас. С другой стороны, вам сейчас труднее, однако вы видите на нашем примере, где вас поджидают ловушки западного образа жизни...

В гостиную вошел с подносом в руках бедуин, судя по одежде. Я сразу просчитал, еще не видя, что несет четыре чашки с пахучим кофе.

К удовольствию принца, я сразу потянул носом и в наслаждении прикрыл глаза, отдаваясь тонкому и в то же время сильному аромату.

Второй страж появился следом за первым и, чуть опередив, поставил между нами изящный инкрустированный дорогими породами дерева второй столик.

Абдулла наблюдал за обоими злыми глазами, полными подозрительности.

Чашки с кофе на поверхности столика образовали красивый четырехугольник, принц посмотрел на мое лицо, перевел взгляд на Ингрид.

— Пусть женщина возьмет чашку. Когда мы придем к власти, я смягчу ряд строгих законов. Женщина, что до конца стоит за спиной мужчины и подает ему патроны, заслуживает больше, чем быть только матерью его детей. И пусть она сядет ближе.

Я взял чашку и протянул за спину Ингрид. Она придвинулась и села почти рядом, но все-таки на полкорпуса дальше от стола, выказывая мою доминантность и женскую субдоминантность.

С чашкой в руках я сказал осторожно:

— В России на той неделе сделали первый шаг к халифату. Чайдлфришниц наконец-то после долгих дебатов обложили налогом. Сперва хотели, чтобы налог каждой чайдлфришнице равнялся содержанию двух детей до их совершеннолетия, но, как у нас делается, сами испугались своей справедливой строгости и для начала оставили налог в урезанном варианте.

— Это как? — спросил он с интересом.

— Чайдлфришница начнет платить на содержание одного ребенка, но, как предупредили в комиссии по налогам, через год-два его повысят. Все-таки женщина обязана быть матерью. А если женщина эгоистично не желает тратить время и деньги на ребенка, а только на модные сапоги, то ее обяжут тратить на тех, кто рождает детей.

Он довольно хохотнул.

— Я рад! Но этого маловато. У нас таких сразу побивают камнями.

— У вас хорошо, — сказал я с завистью. — У нас бы тоже так делали, но демографическая ситуация не позволяет. Было бы у нас по семь-десять детей в каждой семье! А так с каждым преступником нянчимся, смертные казни вообще отменили, эта мягкость вообще позор для любого здорового общества.

Глава 2

Некоторое время мы пили мелкими глотками, я наслаждался изумительным вкусом и божественным ароматом. Хорошо быть принцем, пусть даже двухсотым, только ради такого кофе можно восхотеть им стать.

Он повел бровью, в гостиную тут же вбежал тот, что приносил чашки с кофе, на этот раз в руках кофейник, а пока он наполнял чашки заново, вошел второй, приносивший столик, расставил блюдца с восточными сладостями.

Когда все за исключением бодигардов ушли, я сказал со вздохом:

— И как жаль, что халифат... скорее всего, не устоит.

Принц нахмурился, а боевик застыл в священном ужасе, Абдулла же сразу озверел и схватился за рукоять ножа.

— Па-ачему?

Тут же спохватился и отступил на шаг, понятно, не простой страж, а наверняка один из многочисленной родни, только не настолько же знатной.

— Народ слишком развращен, — пояснил я ему и принцу. — Мы тоже строили халифат, назывался он коммунизмом. Продержались целых семьдесят лет, потому что тогда народ был чище и нравственнее. И жен-

щины наши были все в платках! Посмотрите на фото или плакаты тех времен. Женские головы прикрыты платками, а распускать волосы можно было только в постели... Но яд с Запада протекал в нас через границы и отравлял наш народ. Думаете, ваш не отравит?

Абдулла сунул нож обратно в ножны, а на меня смотрел теперь с жалостью и сочувствием.

Принц сказал утрюмо и с вызовом:

— Мы не проиграем!..

— Вы с западным миром соревнуетесь в неравных условиях, — предупредил я. — Вы говорите людям, что нужно быть чистыми и праведными, а ваш противник говорит им же, что можно оставаться грязными свиньями, можно пить, валяться в грязи, и никто не осудит, потому что это демократия!

Абдулла смотрел расширенными глазами, а принц сказал резко:

— И что, слушают?

— Весь Запад послушал, — напомнил я. — Когда нам день и ночь будут говорить, что можно быть подлым и порочным, и никто в современном гуманном обществе за это не осудит, то... человек слаб! Он поддается.

Принц сказал со злостью:

— Но надо же остановить это падение человека!

Я сдвинул плечами.

— Надо, но... как? У нас не получилось. Народ устал быть праведным всю жизнь.

— А у нас получится, — заявил он с вызовом и блеском глаз. — Но ты прав, нам нужно не только воевать с Западом, но и распространять нашу веру и наши идеалы... активнее!..

— Настоящая война, — промолвил я скромно, — происходит в сердцах.

Он произнес торжественно:

— Аллах послал Ису на землю, чтобы тот сделал людей лучше, и тот выполнил наказ. Затем Аллах послал Мухаммада, чтобы тот указал нам путь, как стать совершенными. И мы это сделаем. А Иса, как ты помнишь по Корану...

Он сделал паузу, я ответил:

— Иса будет председательствовать на Страшном суде и определять, кому в рай, кому в ад. Потому нет разных религий, а есть одна в трех книгах: Ветхий Завет, Новый Завет и Коран. Мы все должны бороться за человека с развращенным Западом, а не друг с другом.

Кофейные чашки на столе уже пустые, принц сказал проникновенно:

— Пусть Аллах ведет тебя по дороге праведности и дальше.

Я поднялся, отвесил учтивый поклон.

— Ваше высочество...

Он кивнул, прощаясь, и мы с Ингрид вышли из гостиной. От группы обвешанных оружием моджахедов быстро отделился Сархан и подбежал к нам.

— Ну что?

На его лице сменялись тревога и надежда. Я ответил скромно:

— Его высочество изволил угостить нас кофе... Дважды! И мы вели приятные для обоих беседы насчет будущего мира, где ислам должен править со всей справедливостью, указанной и предначертанной Аллахом.

Он вздохнул с облегчением.

— Я рад, что его высочество слышит хорошие новости. Это наш мир, а он наш гость.

Я поклонился.

— Спасибо, что и нам предоставили счастье лицезреть такого высокого гостя. Этот день навсегда останется в моей памяти.

Когда мы отошли достаточно далеко и повернули за угол, Ингрид посмотрела на меня косо и с неприязнью.

— Ты что... собираешься переходить в ислам?

— Зачем? — изумился я. — Все религии учат одному и тому же. Какая разница?

— Я имела в виду халифат, — уточнила она.

— Да нет, — ответил я равнодушно.

— Но ты говорил с таким жаром?

Я сдвинул плечами.

— Мне скоро читать лекции студентам, раз уж я профессор, вот и тренируюсь.

— Но ты говорил про честь, доблесть, верность... Я не поняла, ты за халифат или за ценности Запада?

Я поморщился.

— Какой бедный у тебя выбор, женщина. Только между Ваней и Васей... А как насчет Петра Петровича?

Она насторожилась.

— Ты о чем?

— О сингулярности, — ответил я. — Очень скоро и халифат, и западный мир исчезнут, как исчезли без следа мидяне и троянцы. Даже как питекантропы или трилобиты. Мне совсем неинтересна сегодняшняя хрень. Развитие западной цивилизации идет абсолютно верно. Все эти понятия чести и верности феодалу пришли из диких времен, когда очень важно было выжить клану, племени, а сейчас это тормоз! Сейчас важен только ай-кью, все остальное не имеет никакого значения.

Она отшатнулась, посмотрела с отвращением.

— Как ты можешь? По-твоему, умный мерзавец лучше простого честного человека?

— Ингрид, — сказал я с неохотой. — Мерзавец или не мерзавец, уже сейчас не имеет значения, а в сингулярности вообще не будет такого понятия. Ладно, давай лучше займемся делом, а то ты какая-то... Раз уж мы пока что в телах этих существ, удовлетворим их некоторые функции?

— Иди ты к черту, — огрызнулась она. — Это ты существо, а я — человек!

— Который звучит гордо, — сказал я грустно. — Ладно, я сейчас пописаю, а то у кофе неслабый мочегонный эффект, а ты постереги. Ты же не пила...

Она огрызнулась:

— Как это не пила? Отвернись, бесстыжий. Берберы — гордый народ!

Дальше на всякий случай пробирались через развалины и руины, выбирая не просто путь попрямее, но также избегая мест, где можно проехать на колесном транспорте.

Просматривая через объективы спутников территорию города, я старательно просчитывал все маршруты, автотранспорта многовато, и не все с оружием, хватает и просто ошалевших от счастья и безнаказанности, когда можно носиться без всяких правил.

В таких условиях хаоса, настоящего, а не картинного, непросто вычислить, куда же отвезли заложницу, но постепенно удалось, отбрасывая явно не имеющее к ней отношения, оставить десяток, из десятка затем три, но дальше застопорилось.

— Не отставай, Фатима, — сказал я.

Она буркнула:

— Я же должна идти сзади?

— Мы нетрадиционная семья, — сказал я, она посмотрела волком, я поспешно объяснил: — Я же сказал, у берберов женщина вообще всем рулит и гордо топает впереди мужчины. Ислам не такой уж однообразный, как дураки думают. Иди рядом!.. Но вообще-то не переигрывай. Твое берберство будет оправданием в том случае, если возникнут вопросы, а так лучше чисто по-женски в исламском стиле, чтобы вопросов не возникало. Все-таки женщина в основном — это секс... Ты, кстати, как насчет?..

Она фыркнула.

— Думала, знаешь. Или память отшибло?

— То был секс? — переспросил я с сомнением. — А мне казалось, была драка... Ладно, тогда вопрос снимаем. Временно.

Она прошипела:

— Ты смотри, а то я тебе его сниму навечно. Со всеми.

— Ого, — сказал я, — что-то проясняется... Нет, не совсем, но начнем проверять потихоньку. Из возможных мест подходят три: жилой дом с вот той серой крышей, кафетерии и вон там в той лавке, что, судя по всему, то ли склад с оружием, то ли пункт сбора разведданных.

Она сказала с недоверием:

— Я вижу куда больше возможных мест.

— Тогда мои назовем наиболее возможными, — сказал я.

В сторонке прогрохотал, сильно подпрыгивая на выбоинах, грузовичок с открытым верхом, шестеро боевиков удобно расположились вдоль бортов напротив друг друга.

Я старался не смотреть в их сторону, однако один из них вдруг всмотрелся в нас, хлопнул ладонью по

кабине. Автомобиль остановился, боевик легко соскочил на землю, махнул шоферу

Грузовик понесся дальше, а боевик пошел к нам, красивый и загорелый дочерна, опасный даже с виду, хищный и словно бы выискивающий, с кем задраться.

Я постарался выглядеть как можно более угрюмо, однако он в несколько быстрых шагов догнал, сказал весело:

— Салям алейкум, уважаемые!.. Мне кажется, вы совсем новенькие?

— Алейкум салям, — ответил я вежливо, но останавливаться не стал. — Да, мы только начинаем общаться к жизни святого воинства.

Он пошел рядом, поглядывая то на меня, то на Ингрид.

— Мусульмане?

Я ответил мирно:

— Ля иляха илля-Ллах, Мухаммад расулю-ЛЛлах я произнес пять лет назад в Москве, но сейчас я уже не сочувствующий делу халифата, а действующий...

— Великолепно, — сказал он, продолжая идти шаг в шаг. — Жаль, давно в Москве не был. Хотел бы угостить вас здесь кофе...

— Нас угостил принц Али Шариати, — сообщил я не без гордости. — Боюсь, после такого волшебного благоухания простой кофе долго будет казаться безвкусным.

Он охнул.

— Сам принц? Это великолепно! Вам повезло. Но здесь, в этом районе, у нас всем заправляет Абдурашид, что принцу, конечно, не подчинен. Увы, совсем не такой благородный и возвышенный... но грамотный. Хотите взглянуть?

Ингрид посмотрела на меня с вопросом в глазах, я сказал медленно:

— Да, стоит посмотреть на хозяина этих мест.

Он вытащил смартфон последней модели, я смотрел, как он сдвигает картинки, на экран выскочило фото мужчины средних лет, солидного по виду бизнесмена, глаза чуть прищурены, челюсти сжаты, такие не расслабляются даже перед фотокамерой, словно оттуда может взглянуть черное дуло пистолета.

Ингрид тоже смотрела, а я за эти секунды торопливо пересмотрел все об этом Абдурашиде: в свое время учился в МГУ, закончил факультет тонкой химии, после перестройки создал свое предприятие по производству инсулина, принес спасение сотням людей, потом поставки зарубежного прервались, а своего еще не наладили, но одновременно он создал подпольную лабораторию по производству амфитаминов, а потом уже и героина.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Омар, — ответил он. — Нет, не по имени морского омара и не в честь брата Хоттаба ибн Рашида, а в честь Омара Мухаммада... Так вот, в настоящее время у Абдурашида целая сеть лабораторий, где производят героин. Абдурашид заявляет, что его героин самый чистый, что вообще-то правда, и всякий, кто подсаживается на героин его производства, живет лет на пять больше, чем те, кто потребляет некачественный.

Ингрид озадаченно молчит, только смотрит настороженно, я поинтересовался:

— Но коготок увяз?

Омар кивнул.

— Да, если коготок увязнет, всей птичке хана. Пришлось делиться выручкой с теми, у кого в руках оружие, что совсем не в характере Абдурашида. Уже через

месяц после первого визита к нему «покровителей» он сумел найти конкурентов, а затем и оседлать их. Связи с боевиками позволили расширить поставки героина в регионы, боевики сами взялись за транспортировку даже в самые удаленные места. Деньги потекли рекой, и Абдурашид стал, сам того не желая, в этих местах королем наркомафии.

Я осторожно посмотрел по сторонам.

— Теперь он финансирует группы боевиков?

— Сам закупает оружие, — подтвердил он, — и снаряжение. Наладил контакт с представителями халифата и предложил им услуги по установлению власти в его регионе.

— По установлению, — переспросил я, — или по захвату?

Он взглянул на меня остро.

— Сразу ловите суть? Да, он не сторонник насильственных действий, как это ни выглядит неправдоподобно. Да, на его руках кровь многих людей, но он не хотел бы этого демонстративного отрезания голов на камеру, что сразу ставит эти группы вне закона в любой стране. Потому он старается опередить халифат и привлечь к власти так называемых умеренных боевиков.

Ингрид спросила с иронией:

— Которые не отрезают головы на камеру, а стреляют в затылок?

Он кивнул, сунул смартфон в карман и остановился. Мы продолжили двигаться несколько деревянной походкой.

Когда отошли достаточно далеко, Ингрид спросила тихо:

— Я что-то не поняла... почему вдруг снабдил нас такими данными?

— Да все ты поняла, — буркнул я.

— Поддубецкий дал наши координаты?

— Приметы, — сказал я. — Странно, если бы у него не было здесь человека под прикрытием. А то и не одного. Хотя, думаю, этот Омар не человек Поддубецкого, а только ассоциированный член.

— В смысле?

— Он по ведомству комитета борьбы с наркомафией, — пояснил я. — Видишь, его ничто другое не интересует. Пойдем, наша цель Абдурашид. Если заложница в его районе, а это так, то он о ней все знает.

Она нахмурилась.

— Вот так сразу?..

— А есть варианты?

— Да, — отрубил она. — Сперва отыскать комнату или квартиру. Неважно, снять или найти пустую. Чтоб было куда привести заложницу, и сразу вызвать пару вертолетов прикрытия.

— Хорошо-хорошо, — согласился я. — Если не ошибаюсь, здесь даже две работающие гостиницы. Одна что-то типа ночлежки, а вторая вполне...

Глава 3

Той, что вполне, оказалось лет сто, если не больше. Старый дом сталинской или еще царской постройки, массивный и мрачный, три этажа, окна целы, хотя стена хранит следы от пуль и осколков.

У двери на ступеньках расположился боевик с автоматом на коленях, в нашу сторону взглянул профессионально цепко, что значит, не просто отдыхает по дороге в бордель... нет, обычно отдыхают по дороге оттуда, а он на работе.

Мы прошли мимо, а что у меня автомат на плече и пистолет в кобуре, это норм, мужчина без оружия как бы и не мужчина вовсе, а так, либерал, если не обозвать хуже.

В холле за стойкой мужик в камуфляжной форме, такой же прицельно цепкий взгляд исподлобья, хорошая стойка, позволяющая как моментально выхватить под стойкой пистолет или автомат, так и метнуться в сторону, избегая ответного выстрела.

— Хороший номер, — велел я. — Можно одиночный. Хочу отдохнуть, не по мне быть на такой жаре слишком долго.

Он сказал сдержанно:

— Да, таким белокожим трудно под нашим солнцем. Двести долларов. Наличными, конечно.

— Ого, — сказал я, — хотя ладно, кто знает, что нас ждет завтра. К тому же двести долларов — это всего лишь горсть патронов.

Он молча смотрел, как я отсчитываю бумажки, а когда я закончил и сдвинул в его сторону, так же синхронно, словно обмениваем заложников, пихнул в мою сторону крупный, чуть ли не амбарный ключ с полустертым номером на бирочке.

— Благодарю, — сказал я вежливо.

Ингрид лишь опустила глазки, я двинулся по лестнице на третий этаж, а она послушно семенила за мной частыми шажками.

Перешагнув порог номера, я ощутил, что попал в прошлый век. Или даже позапрошлый, что еще при царе. Старинное дубовое ложе, старинный стол на поистине слоновых ножках, четыре старинных кресла и допотопного вида книжный шкаф, но без книг, что и понятно, там могли быть изображения человека или животных, чего ислам не терпит.

Вместо платяного шкафа в стене глубокая выемка, как раз можно повесить одежду, но сейчас там с полдюжины голых плечиков. Окно закрыто, но в порядке, при попытке распахнуть сопротивляться гяурам не стало, в затхлую атмосферу помещения ворвался сухой и жаркий воздух улицы с ее запахом жареной баранины, подгоревшего лука.

Оттуда же донеслись крики, стрельба и громкий мужской хохот. Время от времени громко и настойчиво сигналият автомобили, патрулей нет, в этом мужском мире дорогу уступает не тот, кто вежливее, а у кого слабее нервы.

— Там туалет, — сказал я и указал пальцем, иначе силовые структуры могут не понять, — и зеркало, без которого на свете жить нельзя, маркиза. Никому не вздумай звонить!.. Любые сигналы перехватывать очень просто.

— И не думала, — буркнула она. — А что, отсюда позвонить можно? Мне казалось, все разрушено.

— Слава Цукенбергу, — сказал я. — И его спутникам связи.

Как только ушла в ванную, я сосредоточился на спутниковых картах и телефонных переговорах в городе, старательно просеивая те, которые могут иметь отношение к заложнице.

Российский спутник ушел, но на смену явился так называемый метеорологический спутник США, настолько великолепный, что еще чуть добавить разрешение, и буду наблюдать за жизнью муравьев формика, а потом и вовсе за моими любимцами, тетрамориумами.

Это и понятно, метеорология — штука важная, изменение климата, озоновые дыры, парниковый эффект, так что каждый квадратный метр в России за-

снят, измерен и периодически сравнивается со старыми и новыми снимками на предмет, если что вдруг изменилось. Особенно в районе шахт с межконтинентальными ракетами.

Автомобили в этом городе за последние двое суток намотали миллионы километров, я отсеивал сперва по одному принципу, потом по другому, то и дело сужая поиск, пока не остались только три автомобиля, цели поездок оказались темны и непонятны, как история мидян.

Ингрид вышла буквально через минуту, платок опустила на плечи, роскошные волосы цвета воронова крыла красиво легли на спину, отсвечивают металлом в тусклом свете ламп.

Я откровенно залюбовался, зачем скрывать то, что женщинам нравится, сказал со вздохом:

— Иблис создал много опасных и красивых существ, но удачнее всех получилась женщина.

Она возразила едко:

— Женщину тоже Бог сотворил! Из ребра.

— То простую женщину, — пояснил я. — Жену, домохозяйку, домработницу, заботливую мать... А дьявол создал ее копию, но апгрейденную. Его вариант знаем как стерву, бизнесвумен, чайлдфришницу, энтузиаста случайного секса, любительницу стрип-баров и завсегдатая ночных клубов. Возможно, и профессионалок для армии.

Она посмотрела на меня зло, еще не сообразив, какой вариант предпочтительнее.

— Ты чего?

— Да так, — ответил я скромно, — знанием Библии красуюсь.

— Нет такого в Библии, — отрезала она.

— А в Коране?

— И в Коране нет!

— А ты их читала?

— Нет, конечно! Но это святыне книги, а ты всякие мерзости приписываешь!

Я окинул ее оценивающим взглядом.

— Да ладно, иногда и дьяволу удается создать что-то приличное. В смысле, неприличное, но такое нужное... Человек не может быть всегда приличным, иначе с ума сойдет. Это как коммунизм всю жизнь строить. Или халифат. Нужно и в капитализме оторваться, для того Всевышний и разрешает дьяволу действовать. Как насчет оторваться?

Она окинула меня удивленным взглядом.

— Ты что-то все увереннее... Эта бесшабашность от дурости, да?

— Я же доктор наук, — напомнил я. — Как могу не быть светочем мудрости?

— Ты мудрец со своими червячками, — напомнила она. — А здесь... Даже не знаю. Или потерял чувство реальности? Ты хоть понимаешь, что вокруг боевики? Что тут же убьют, если что?.. Или даже сперва подвергнут пыткам?

Я сказал виновато:

— Прости, научные работники из-за разрастания лобных долей обычно теряют часть кортекса, отвечающего за эмоции. Потому я радуюсь слабо, но и пугаюсь мало. Зато соображаю лучше, а это неплохая замена.

Она отмахнулась.

— Заткнись. Где этот Абдурашид сейчас?

— Ищу, — сказал я и показал взглядом на планшет. — Видишь там закорючки? Это буковки. Если читаешь на ассемблере...

Она отмахнулась и пошла к окну. Стельмах прав, мелькнула невеселая мысль. Люди не способны оцени-

вать события реально. Чтобы показать тем, кто кричал, «хватить кормить Россию», кто кого кормит, пришлось отделиться, а чтобы показать реальное, а не плакатное лицо халифата, пришлось впустить халифат на небольшой клочок России, устроить для него полигон, пусть увидят и даже испытают прелести жизни под властью халифата...

Никто не идеален, понятно. Более того, никто не может слишком долго быть хорошим. Разве что совсем уж не от мира сего, блаженные, подвижники, их не случайно в обществе называют дурачками.

Потому заповеди постепенно отменялись одна за другой, некоторое время держалась только самая первая: не убий, но и ту постепенно заменили на формулировки «Не убий без приказа» и «Не убий без контракта и оплаты».

Для прелюбодеев сперва смягчили, а потом и вовсе отменили запреты, для сдвинутых на азартных играх выстроили исполинские казино, в Штатах для этого отгрохали целый город, а в России позволили халифату снова вернуться в некогда захваченный ими город и потерянный.

Кроме потери ореола благородных героев пусть окружающий мир увидит не только их жестокость, но и то, что в разрушенном городе халифатовцы не восстановили ни одного дома, хотя это копейки, одна пригоршня патронов стоит больше.

Конечно, ни одно правительство не признается в том, что это сделано нарочито. Подумаешь, несколько тысяч человек погибнет или будет втоптан в грязь...

В тоталитарном обществе просто никто не пикнет, а в демократическом поставят такую завесу из брехни и дезы, что тем более не пробиться простенькому человечку, а сейчас они все простенькие. В превращение

их в простеньких заинтересованы как тоталитарные режимы, так и самые демократические, такими управлять легче. Конечно же, этим же простеньким на благо.

Она оглянулась от окна.

— О чем задумался, Аристотель?

— О взаимодействии нейронов с аксонами, — ответил я вежливо. — Как думаешь, лучше турбулентно или турбонадувно?

— Иди ты, — сказала она. — А о том, как вытащить заложницу, не думаешь?

— Слишком мало данных, — объяснил я. — Или слишком много, потому придется приблизиться к объекту... не имея полной картины. А я этого не люблю.

— Ах-ах, — сказала она с сарказмом.

— Оставайся здесь, — велел я, — а я схожу к Омару и попрошу провести нас через охрану Абдурашида. Если, конечно, сможет.

— Я с тобой!

Я покачал головой.

— Нет. Опасности нет, я только отыщу Омара, а к Абдурашиду пойдем с тобой. Запри за мной.

Она посмотрела недовольно, но сказала сердито:

— Только быстро.

Я бодро улыбнулся ей и вышел, плотно прикрыв дверь. Через мгновение с той стороны грякнул допотопный, но такой надежный засов.

Глава 4

В этой части города на тротуарах немало щебенки, но с проезжей части камни убрали, а ямы от воронок засыпали и притрамбовали, где ногами, где колесами автомобилей.

Среди машин только внедорожники, часто попадаются с открытым верхом, где в кузове установлен на станине крупнокалиберный пулемет, из которого можно сбивать вертолеты и низко летящие самолеты. В таких обычно у пулемета по два-три боевика, гордые и значительные, романтики, мать их...

Я прошел через две улицы, навстречу мчится старенький джип, я отступил на тротуар, но он остановился прямо передо мной, из машины вывалился толстый мужик в бурнусе, вытащил, натужно сопя, объемистую сумку и потащил ее к двери дома, перекашиваясь от тяжести на другую сторону.

Как только дверь за ним тяжело захлопнулась, я открыл дверцу и быстро сел на еще теплое сиденье. Включить зажигание для меня так же просто, как и открыть дверь, мотор тихо загудел, я осторожно тронул машину с места, а на первом же повороте свернул за угол.

Если получится высвободить заложницу, то можно сразу увезти ее на базу к Поддубецкому. Так проще и надежнее, чем спрятать в доме и вызывать подкрепление, с которым всегда запаздывают, а если не опоздают, то ошибутся домом, а то и городом...

Я ехал осторожно, поглядывая по сторонам, но все-таки молодой парень появился перед машиной неожиданно. Я затормозил, он забежал с моей стороны и прокричал в спешке:

— Я полицейский! Мне нужна твоя машина.

— Мне тоже нужна, — ответил я в изумлении, — здесь что, есть и полиция?

— Полиция даже в садах Аллаха есть, — крикнул он. — Вылезай!

— Лучше ты садись, — пригласил я.

Он дернул ручку задней двери, ввалился в салон и прокричал:

— Гони!.. Гони вон за той тачкой!

Я поморщился.

— Какой мерзкий бандитский язык... Впрочем, с кем поведешься...

— Гони! — прокричал он.

Автомобиль рванулся вперед, набирая скорость, а через пару секунд я ощутил прикосновение к затылку холодного ствола пистолета.

— Стой!.. И выметывайся. За руль сяду я!

— Да ну, — ответил я. — Тише, парень. Во-первых, так ты потеряешь темп погони. Пока будешь пересаживаться, твоя цель успеет уйти далеко. Во-вторых, вон видишь это зеркальце?.. За ним видеорегистратор. Да-да, один регистрирует все, что спереди и сбоку, а этот вот бдит, что делается в салоне. Твое лицо и твое тыканье мне в затылок пистолетом уже записаны и переданы в облако, так что мой авто хоть взорви, хоть сожги, но ты уже на далеком штатовском сервере... а может, на голландском, но в любом случае тебе их не достать. И если ты меня пристрелишь, то поднимут все записи... это если ты в самом деле полицейский...

Он зло выругался и убрал пистолет.

— Я в самом деле полицейский, — сказал он напряженным голосом. — Магомед, сын Бадру. Четвертый участок...

— Ну вот и полицействуй, — посоветовал я. — Видишь, мы держим в виду твою тачку, хотя это приличный «Мерседес», даже оттюнингованный по самые помидоры... Что случилось?

— Это полицейское расследование, — отрезал он.

— Тогда иди пешком, — ответил я. — Я останавливаю машину вон у того кафе. Что-то кофейку восхотелось... Тебе не предлагаю.

Он сказал еще злее:

— В том автомобиле сволочь, Сулейман Асад-оглы!

— Все мы в чем-то, — сказал я. — А конкретно?

— Он выкрал Алишу, сестру моего лучшего друга, — выкрикнул он люто. — И увез!.. Хочет насильно жениться, сволочь!.. А я сам на ней хочу!

— Да, — согласился я. — За это убить можно... Да и нужно. Вообще-то человека за все убить можно, он свинья изначально, даже родился уже грешным, так и называется первородный грех... Ладно, а где он?

— В районе Малого Азаята, — сказал он. — Там у него дружки! Как бы они не отняли у него у самого Алишу... Она тогда вообще покончит с собой от позора.

Я с сочувствием посмотрел на его раскрасневшееся от праведного гнева лицо.

— В банде сколько морд?

— Полдюжины точно, — сказал он. — Но я лучше погибну, чем...

— Не спеши, — сказал я. — Ладно, я тебе помогу. Хотя как-то и не верю... Откуда здесь полиция?

— Я не отсюда, — ответил он. — Быстрее!.. Из Карагеца, это вон городок на той стороне реки. Там халифатовцы тоже есть, но прячутся. Сулейман выкрал ее и увез сюда! А здесь, ты прав, какая полиция?.. Здесь я не полицейский.

Я спросил с любопытством:

— А почему мне сказал?

Он буркнул:

— У полицейских глаз наметан. Мне показалось, ты человек, который чтит законы.

— Но беззаконье любим больше, — сообщил я. — Если, конечно, не касается нас. Когда грабят других, это так смешно...

«Мерседес» резко свернул на перекрестке, подпрыгнул на камнях, но здесь все автомобили с высокой подвеской и колесами не меньше чем в девятнадцать дюймов, благополучно перебрался на ту сторону, и мы моментально застряли.

Я сдал назад, кое-как заставил автомобиль слезть с камней, царапающих раму. Магомед зло выругался.

— Ушел, сволочь!

— Не слишком далеко, — ответил я. — Оставим машину здесь, все равно не наша. Пошли!

Он выпрыгнул, посмотрел, как я захватил винтовку.

— Ты из халифата?

— Почти, — ответил я. — Так, пока присматриваюсь. Свободный альбатрос. Я за справедливость и поруганных дев, так что пойдем отомстим и накажем потенциального насильника!

Черный внедорожный «Мерседес» мы увидели через две улицы возле подъезда добротного старого дома в пять этажей, почти небоскрёб для крохотного южного городка.

Магомет вскрикнул горестно:

— Опоздали! Он уже утащил Алишу в свое звериное логово. Там обосновалась вся его сволочь!

— Вернешься? — спросил я.

Он воскликнул горячо:

— Ни за что! Моя честь будет поругана...

— А как думаешь войти? — спросил я.

— Никак не думаю, — огрызнулся он. — А если сейчас тащит Алишу на ложе? Она не переживет такого позора!

— Тогда надо идти, — согласился я. — Кстати, ты точно из полиции? Слишком тебе здесь все знакомо...

Он помедлил, но я смотрю пытливно, могу и не пойти, ответил нехотя:

— Я в ИГИЛе был четыре года...

— Ого, — сказал я, — сколько же тебе лет?

— Я убежал из дома в четырнадцать, — ответил он, — в ИГИЛе меня начали учить обращаться с оружием, я оказался настолько хорошим стрелком, что меня исключили из подготовки смертников и зачислили в боевую группу. Четыре года я воевал под черным знаменем халифата...

— Понятно, — сказал я. — Понятно, откуда у тебя это бесцеремонное «Прочь из машины!.. Теперь это моя...» Ну-ну, дальше!

— Когда я оставил их ряды, — пояснил он, — я вступил здесь в милицию. Отец меня простил, родня приняла снова. Там понимают, что за халифатом тоже есть правда, но все-таки жить нужно мирно и правильно, как и велел Аллах.

— Да будет Благословенно Имя Его, — согласился я. — Та-ак, погоди... Вон там в окнах двое часовых... Хоть твой Сулейман и сволочь, даже последний из бандитов, но порядок в банде поддерживает. Приготовься...

— К чему?

— Как только выстрелю дважды, сразу беги в дом. Но не дальше вестибюля.

Он еще смотрел непонимающе, а я вскинул винтовку, на прицеливание ушла целая секунда, выстрел, я тут же перевел на другое окно и снова нажал на скобу.

Магомед охнул, когда один повис, свесив голову и руки наружу, а второй завалился вовнутрь комнаты, но винтовка сиротливо осталась на подоконнике.

— Ты...

Не договорив, он ринулся через улицу. Я оставил винтовку, для ближнего боя предпочитаю пистолет, догнал у самой двери. Разом вбежали, Магомед вообще влетел красивым кувырком, вскочил и, красиво держа пистолет в вытянутых руках, продвигался короткими, но быстрыми шажками, красивый и решительный, с заострившимся лицом, хищный и великолепный в роли представителя доминантного вида на этой планете.

Мы победим, мелькнуло у меня. И захватим галактику. А затем и все вселенные. Именно мы, а постчеловеки пусть перестраивают себя как хотят, даже делают себя сладенько добрыми, а мы только надстроим себя, чтобы сильнее и непрошибаемее...

— Стой здесь, — велел я. — Жди сигнала.

— Хорошо, командир...

Я дождался, когда мимо пройдет боевик с автоматом через плечо, скользнул за спину и всадил нож в темя. Спецназовцы убивают как-то иначе, в мозгу сразу масса картинок, роликов и приемов, но как нейрофизиолог я знаю, что самое уязвимое у нас мозг, а не сердце или даже сонная артерия.

Перережь сонную артерию — человек гарантированно умрет через несколько десятков секунд, но может успеть поднять тревогу, а то и вообще застрелить тебя, если рядом оружие. Пробитое пулей или ножом сердце тоже не означает мгновенную смерть, можно еще драться, а потом выжить в клинике, а вот удар в мозг сразу отключает все тело, а я точно знаю, куда и с какой силой ударить.

Магомед охнул, но тут же ухватил его автомат и проверил, сколько в диске патронов.

Я поспешил дальше по коридору, еще один ходит вдоль стены, я убил его точно так же, опустил тело на

пол и впервые подумал, что я в самом деле как-то уже не трясусь, а это же ужасно, я убиваю людей...

Как же быстро с нас слетает все очеловечивание, что старалось вытравить из нас звериность и приблизить к Богу, ибо только он дает жизнь и только он имеет право ее забирать.

Нет уж, мелькнула мысль, к Богу приблизит только сингулярность. Религия и воспитание лишь чуть-чуть утихомиривают наши инстинкты хищника, до поры до времени утихомиривают, и только сингулярность позволит стать теми, кем хотим...

Боец в пятнистой форме идет по коридору с автоматом в боевой готовности, так это называется, но я вижу, что готовности там не больше десяти процентов. У меня мало, всего около семидесяти, но это небо и земля...

Он успел только вытаращить глаза, когда острое брошенного ему навстречу ножа вошло в его глазную впадину, пробило яблоко и глубоко погрузилось в мозг, моментально остановив все реакции в организме, кроме рефлексивных.

Я подбежал, успел подхватить тело и мягко опустил на пол, жизнь в нем еще продолжается, но уже на уровне отдельных органов, еще не знают, что бесполезно повышать артериальное давление и выделять недостающие в организме гормоны.

То ли я такое чудовище, мелькнула мысль, то ли это научный образ мышления, делающий нас такими правильными и рассудительными?

Кому-то покажется неправильным, что я убил сейчас троих собственноручно, хотя почему неправильно, если я всего лишь человек с зубами, где самые крупные и мощные как раз клыки, а еще с когтями и звериными инстинктами.

Магомед подбежал сзади, сдернул и с этого автомат, но забрал лишь запасные диски.

— Осторожно, — сказал я, — в комнате напротив двое. Оба уже получили сигнал, что не все ладно.

— Как будем брать?

Я сдвинул плечами.

— Стану я всякое говно в руки брать...

Он смотрел непонимающе, как я прицелился в стену и быстро нажал на спусковую скобу. Грянул выстрел, я тут же перевел еще чуть левее и выстрелил снова.

— Все, — сказал я. — Заходи.

Он толкнул дверь, повинуясь приказу, молодец, чувствуется выучка, ворвался, настолько быстрый, что буквально ровня мне нынешнему, зыркнул по сторонам, готовый палить во все, что движется, потом лишь опустил взгляд на два тела, одно еще дергается в судорогах.

— Господи... как ты их?

— Тебе не все равно, — буркнул я. — Пойдем, там их еще много.

Он оглянулся на отверстия в стене.

— Да, понятно... но как понял, куда?

— Чутье, — ответил я. — Поживи с мое..

Слева послышался топот ног, я определил четверых мужчин, сказал быстро:

— Держи оборону!.. Думаю, аресты с зачитыванием прав здесь необязательны?

— Я снял значок, — заверил он.

Я кивнул, пробежал чуть и ринулся в комнату, которую определил сразу, а за спиной раздались гортанный крик Магомеда и треск длинной автоматной очереди.

В роскошно убранной комнате на кровати лежит на спине девушка со связанными перед собой руками,

а громадный амбал уже подошел к ней с огромным тесаком в руке.

Судя по выражению его лица, он намеревался разрезать веревку на ее руках, но она завизжала, а он на стук двери моментально оглянулся.

— Сулейман? — спросил я.

Он прорычал:

— А ты кто?

— Друг Магомед, — ответил я. — Тебе от него привет.

Девушка тут же расцвела, из несчастной заплаканной замарашки сразу превратилась в прекрасную милую девушку, как же велик у нас, людей, запас сил, точно галактику захватим...

Сулейман ринулся на меня, страшно размахивая громадным тесаком, что-то типа мачете, им можно деревья рубить, не только сахарный тростник.

Я отпрыгнул на шаг назад, мозг успел проработать все варианты, я в свою очередь замахал руками, но у меня это получилось быстрее, мордоворот чуточку опешил, я проскользнул мимо руки с тесаком и ударил пальцем в глаз.

Тот отступил и заматерился, ухватившись за поврежденное место, я не стал хвататься за руку с тесаком, все равно не одолею, точно так же сдвинулся на шаг вперед и ударил во второй глаз.

Сулейман заорал и замахал тесаком вслепую. Продолжаться это будет не больше десяти секунд, проморгается быстро, я с силой ударил рукоятью пистолета по руке с тесаком, угодив, как и рассчитывал, точно по запястью, самому уязвимому месту.

Тесак выпал, я подхватил на лету и, развернувшись, с силой всадил в бок, рванул, вспарывая брюшину, представив себе, что это просто большой кролик,

строение человека и животных практически идентично, и тот, кто вскрывал животных, тот вскроет и человека, не упав в обморок.

Глава 5

Раздался топот, в комнату влетел Магомед, моментально все понял, закричал горько:

— Я сам хотел!

— Бери, — сказал я. — Он еще жив.

Он подбежал к своему лютому врагу, я тем временем метнулся к Алише, но удержался от желания перерезать веревку на ее руках, пробежал дальше и прислушался к тому, что делается в доме напротив.

Там веселые голоса, дважды раздались выстрелы, но следом прогремел хохот, хорошо, грохот в нашем доме тоже могут расценить как некое веселье...

Магомед выдернул тесак из живота Сулеймана и еще дважды всадил ему в тело, тот наконец выплюнул струю крови изо рта и рухнул на пол.

Я все еще стоял возле девушки, наконец он смачно плюнул на труп, дважды пнул с силой, лишь потом бросился к связанной пленнице.

— Алиша!

— Магомед!

Я сказал быстро:

— Уходим. Что-то в доме напротив зашевелились, сюда смотрят. Похоже, решили поинтересоваться, что у нас за веселье такое, что стрельба в доме, а не на улице. Здесь веселиться нужно напоказ, а не втихаря, как сраные европейцы.

Он ухватил Алишу за руку и потащил к выходу.

— Бежим!

Я постарался опередить, на улице первым добежал до черного «Мерседеса», а когда из-за угла дома показались трое из банды, занявшей соседний дом, я уже ухватил винтовку.

Если бы Магомед и его девушка перешли на шаг, возможно, обошлось бы, но он оглянулся в испуге, Алиша закричала в страхе, а те сразу заорали и бросились к ним.

Магомед остановился, пистолет у него оставался в руке, только вскинуть и выстрелить, но я видел, что с третьим не успевает, те трое тоже ухватились за оружие.

Я выстрелил одновременно с Магомедом, тот выпустил в них всю обойму, и все трое рухнули на пыльную и щебенкой землю.

Когда подбежали к машине, он сказал с жаркой благодарностью:

— Ты снова нас спасаешь, друг.

— Сочтемся, — ответил я весело. — Я же не грабить тебе ларек помогал. Садитесь побыстрее!

Подпрыгивая на выбоинах и переваливаясь через камни, внедорожник покатил вдоль улицы, свернул, потом еще пару раз, а когда от опасного места удалились на приличное расстояние, я поинтересовался дружелюбно:

— Где вас посадить?

— Да мы уже в безопасности, — сказал он. — Вон там за развалинами полоса, за которую боевики не ходят. Там ребята из нашего отделения милиции их попросту отстреливают. Город очистить у нас сил нет, но на землю нашего района не пропускаем... Слушай, а ты почему здесь?

— Будешь смеяться, — ответил я, — но у меня почти такая же ситуация. Что-то с этой феминизацией не

совсем правильно. Почему это женщин воруют, а не нас?.. Может быть, я предпочел бы, чтобы это меня украли, а женщины ползали в ночи по камням, обдирая локти и колготки, стреляли, рубили и резали, спасая нас?

Он ухмыльнулся.

— Неужели тоже спасаешь женщину?

— Твоя Алиша красивая, — сказал я. — Как горный цветок. А моя страшная. И старая. Но она внучка моего учителя, так что я все-таки должен.

Он сказал с уважением:

— Твой поступок выше. Ты помог мне, я помогу тебе. Только скажи как!

— Дай номер твоего мобильного, — сказал я.

— Обязательно позвони, — велел он. — Я не смогу жить в вечном долгу, у меня будет язва!

Высадив их, я развернулся и начал пробираться уже через незнакомые улицы, ориентируясь по спутниковым снимкам, что ничуть не хуже, чем с навигатором, даже лучше, карты не устаревают, все вижу в живом видео, могу избегать слишком крупных скопищ боевиков.

Странная ситуация, мелькнуло в мозгу меня. Боевики в городе, но стараются не чересчурничать, а милиция ведет с ними позиционную войну. Боевики, объединившись, могут взять милиционеров в кольцо и перебить всех, но тогда силовики подведут к городу тяжелую технику и снова накроют огнем из «Градов» и «Солнцепека», так что сами и пальчика не прищемят, а от людей халифата останется только пепел.

Сейчас же власть в Москве холодно и отстраненно наблюдает, насколько местным жителям уже осточертели боевики с их бесчинствами, чтобы наконец-то

начали помогать милиции защищать свой город и свои семьи.

Так что да, расчет верен. Не хотите власти халифата — защищайтесь. А мы поможем, но не будем делать за вас всю работу, чтобы вы нас же и обвиняли за то, что испортили зверям шкуры.

Мимо входа в гостиницу я проехал и припарковал за углом, пусть увидят, что это моя не раньше, чем я открою дверь, вернулся и быстро взбежал по лестнице.

Хозяин проводил меня очень уж внимательным взглядом, но это и понятно, здесь все так смотрят друг на друга, особенно на незнакомых.

На третьем этаже я шел быстро, но всматриваясь во все спутниковые снимки вокруг гостиницы, вслушиваясь в голоса и крики со стороны улицы.

За дверью тихо, я постучал и сказал громко:

— Ингрид, это я!

Дверь распахнулась, Ингрид выглянула с пистолетом в руке, быстро посмотрела вправо и влево по коридору.

— Пусто, — сообщил я и впихнул ее обратно в комнату. — Не курортный сезон.

Она спросила жадно:

— Что-то удалось?

— Немного, — ответил я скромно. — но теперь знаю, где они спрятали заложницу.

Она вскрикнула радостно:

— Так это же главное! А что ты хотел еще?

— Поесть, — сообщил я. — Со снабжением здесь неважно. Хамона нет. Того, испанского. Правда, есть белорусский...

— В Белоруссии все есть, — сказала она с сарказмом. — Даже бананы и персики растут.

— А здесь в ресторане?

— Какой ресторан? — спросила она. — С ума сошел?.. Здесь законы шариата!..

— Ладно, — сказал я, — все равно нужно будет посмотреть, где перекусить. Не может же столько народа ничем не питаться? Полевых кухонь тоже что-то не заметил...

В дверь вежливо постучали, донесся вежливо-формальный голос:

— Обслуживание!

Я ответил громко:

— Мы ничего не заказывали.

— Да? — сказал голос. — А вот господин Ковальчук из этого номера заказывал роскошный обед.

Ингрид уже открыла рот, чтобы ответить, как я понял по ее лицу, что никакого господина Ковальчука здесь нет, но я сказал громко:

— А-а-а, ну если обед, тогда сейчас открою...

Камера показывает, что с официантом еще двое, пи-столеты уже в руках, но от посторонних взглядов сверху прикрыты широкими салфетками. Официант держит перед собой столик на колесах, сверху роскошное блюдо с парующим крупно рубленным мясом в соусе, жареная курица, там же хлеб, зелень, бутылка шампанского, два фужера и порции неких деликатесов на крохотных тарелочках, а на нижней полке что-то прикрытое длинным полотенцем. На мой взгляд, подозрительно плоское, выглядит закругленный кончик автоматного рожка...

Ингрид поинтересовалась:

— Думаешь...

Я сказал быстро:

— Стань вот там, чтобы тебя увидели сразу. Улыбайся как человек, а не силовая структура... Попробуй как женщина.

Она отступила на шаг, я отодвинул защелку, а когда официант открыл дверь, Ингрид улыбнулась и жестом велела вкатывать в номер столик с роскошным обедом.

Едва он прошел мимо меня, я вышел из-за двери, выхватил у него сзади из-за пояса пистолет и, моментально развернувшись, выстрелил дважды через дверь.

Официант торопливо выхватил с нижней полочки столика из-под полотенца автомат, а когда начал поворачиваться уже с ним в руках, я выстрелил ему в голову.

Ингрид смотрела ошалело, как он рухнул ей к ногам.

— Ты... зачем?.. И почему... в дверь?

— Надо их затащить, — пояснил я. — Блин, снова поесть не успели.

Она не успела сдвинуться, как я торопливо распахнул дверь и затащил труп одного в номер, ухватился на ногу второго, и тут только она бросилась ко мне, помогла забросить в номер, огляделась в коридоре.

В коридоре пусто, в это время постояльцы гостиницы в нормальных городах кто на встречах, кто в ночном клубе, а возвращаться оттуда будут не скоро. Видимо, человек везде одинаков, а вместо запрещенных шариатом ночных клубов найдет что-то еще, как говорится, свинья грязь найдет...

Пятно крови на красной ковровой дорожке, что тянется вдоль трех десятков дверей, почти не выделяется, настолько характерна для всех гостиниц, что невольно закрадывается подозрение, а не для таких ли вот случаев везде именно такая вот красная. Все-таки гостиницы созданы больше для разврата, кутежей, азартных игр и стрельбы, стрельбы...

Я дождался, когда она захлопнет дверь, три трупа это уже серьезно, быстро схватил кусок мяса и сунул в рот.

Она сказала напряженным голосом:

— Кто-то нас выдал!... Да как мы можешь есть?

Я согласился:

— Скорее всего просто кто-то увидел двух чужаков и решил пограбить. Омар? Вряд ли. Он дал мне адрес Абдурашида... А мясо хорошо приготовлено.

— А если он тебе дал адрес, а самого Абдурашида предупредил?

— И такое возможно, — согласился я. — Но есть еще варианты...

— Принц?

— Скорее, — сказал я, — Левченко. Или не сам Левченко, а кто-то оттуда.

— Как он мог?

— Да ладно, — сказал я, — сама понимаешь, выполняет свое задание, мы свое. Это современная жизнь, все так сложно...

Она наконец оторвала взгляд от трупов, красные лужи вокруг них продолжают шириться, перевела взгляд на мое лицо, а я как раз ухватил уже третий кусок мяса.

— Ты слишком быстр. Я даже не успела... А когда ты и где научился стрелять?

— И сейчас не умею, — ответил я честно. — Даже в слона не попаду с трех шагов. Но сейчас же все вплотную!

Она снова посмотрела на трупы, тут же развернулась и с особенным вниманием всмотрелась в мое лицо.

— У тебя хотя бы пульс участился?

— Да, — заверил я. — На целых десять делений. От этого мяса! Жизнь хороша. Смотри, аджичка просто изумительная.

— Но ты убил троих!

— А восемь миллиардов еще бегают, — напомнил я. — Парниковый эффект создают. Так что роду человеческому исчезновение от моих рук не грозит, и парниковый эффект сохраняется

— А что грозит не от рук?

Я сказал довольноно:

— Правильные вопросы ставишь. Если в полицию не берешь, то иди ко мне пробирки мыть?.. В общем, заberi зубную щетку и уходим.

Я собрал в пластиковый пакет остатки мяса и курицу, травы оставил, Ингрид уже в нетерпении распахнула дверь и ждет, пока я запрокину у морды тарелку, долизывая соус.

Хозяин за стойкой вздрогнул, когда мы спустились в холл. Рука его дернулась под столешницу, я покачал головой, и он понял, что опоздал.

— Что, — проговорил он слабым голосом. — Уже... покидаете?

— Да, — ответил я. — Кстати, номер стоит убрать.

Ингрид уточнила со злорадным торжеством:

— Там намусорено!

Едва вышли на улицу, я моментально потащил за угол. Ингрид послушно перешла на бег, свернули в район развалин, где даже бродячие собаки не селятся, миновали в том же темпе, пригибаясь и прячась от всех.

Вскоре со стороны гостиницы в нашу сторону помчались два «Хаммера», а за ними «Мерседес» Сулеймана, за рулем кто-то из его боевиков, но мы не высывались, и они с шумом, грохотом и визгом тормозов на крутых поворотах пронеслись мимо.

Еще минут через десять, пробираясь по засыпанным обломками стен переулкам, вышли в район уцелевших домов, целые кварталы в полном порядке, только кое-где окна зияют выбитыми стеклами, но здесь не бывает холодно...

Народу достаточно много, особенно детей, для москвичей особенно непривычно видеть их столько, потом наткнулись на базар, Ингрид тут же пошла прямо через центр.

Я и раньше ненавидел ходить через базары, супермаркеты и вообще толпу, а теперь и вовсе становится страшно, новое для меня и такое приятное чувство всемогущества разом покидает, когда мозг лихорадочно старается просчитать действия и движения всех-всех поблизости, не успевает.

А люди не молекулы, броуновское движение могут просчитать в точности с тысячью частиц, а то и с миллионом, но уже десяток людей практически непредсказуемы, если, конечно, не нацелены все на что-то одно, например, остановить нас.

Но здесь, если и есть такие, то сперва их надо вычислить, а как это сделать, когда толпа ведет себя хуже стада баранов, те хоть подчиняются простому и такому честному инстинкту, а эти щелкают хлебалами и отвлекаются то на одно, то на другое.

На той стороне базара расположились шашлычные, закусочные и даже булочные, откуда издали потянуло ароматным запахом кофе.

— Прекрасно, — сказал я. — Там можно перекусить. Даже хорошо перекусить. С запасом. Ты давай заказывай, а я тут посмотрю вокруг...

— Ты же захватил с собой курицу и все, что там было!

— Запас в темя не клюет, — возразил я. — И вообще не клюет.

Она предупредила:

— Только недолго. А то и твою порцию съем.

— Хорошо, хорошо, — согласился я. — Конечно, я быстро.

Шашлычная под навесом, открыта с трех сторон, Ингрид подошла к толстому мужику с завернутыми выше локтей рукавами рубашки, он быстро и умело рубил баранью тушу огромным тесаком, не глядя на прохожих.

— Здравствуйте, — сказала она ровным голосом со стальной ноткой. — Мне две порции шашлыка. С лавашем, зеленью и аджикой.

Мужик взглянул на меня, а Ингрид села на свободный стул, автомат сняла с плеча и положила на колени, а полу отодвинула чуть, чтобы хозяин шашлычной видел торчащую из кобуры на поясе рукоять армейского пистолета.

Он все понял и молча начал нанизывать на шампур куски мяса, перемежая их широкими пластинками лука.

Глава 6

Я отошел, двинулся вдоль магазинчиков и кофейен, присматриваясь как через камеры спутников, так и сам стараясь ощутить толпу и понять ее законы, услышать разговоры и, что важнее, перехватить, что кому сообщают по мобильникам.

Все верно, тот неприметный парень, которого я все-таки засек, пошел за мной, оставив Ингрид спокойно обедать.

Значит, кто-то навел на нас, и не похоже, чтобы это были просто романтические разбойники, грабители и мародеры. Очень уж заметен профессионализм в каждом движении. Даже не обладая моим быстроумием, они делают все абсолютно правильно.

Я вбежал в первый же пустой дом, пол в холле засыпан кусками штукатурки и даже осколками камня, поднялся на второй этаж и толкнул одну из уцелевших дверей.

И еще не успев вскочить в комнату, видел через камеры спутника, как из быстро подъехавшего крупного «Хаммера» выскочили четверо, пятый остался за рулем.

Четверо вошли в дом, один поднялся на этаж и там остался на лестнице между первым и вторым этажами, второй остановился в коридоре, а двое осторожно открыли дверь в мою комнату и вошли медленно, держа оружие наготове.

Сердце мое начало гнать кровь быстрее, еще когда я увидел, как автомобиль остановился у подъезда. По нервам сигналы пошли болезненно колющие, даже хотелось остервенело почесаться.

Оба вошли в поле зрения, я бесшумно выступил из-за проема стены и выстрелил дважды, точно рассчитав время и вектор их движения.

Один отшатнулся и с пулей во лбу завалился на облезлый диван, второму пуля ударила в висок, голова качнулась от удара в сторону, но сам сделал по инерции шаг вперед и повалился лицом вниз.

Не теряя времени, подбежал к двери, выждал момент, когда, судя по картинке на камере, третий, что не сводил взгляда с двери, посмотрит в сторону, тут же я приоткрыл чуть и, высунув ствол пистолета в щель, велел тихо:

— Давай без шума сюда!.. Руки держать на виду. Двигаться медленно.

Побледнев, он застыл на миг, я чуть поднял ствол, чтобы черное дуло смотрело прямо в глаза, так действует сильнее, и он послушно, как лягушка под гипнотизирующим взглядом змеи, шагнул к двери.

Я распахнул ее шире, чтобы он не успевал метнуться ни вправо, ни влево, отступил на шаг, потом еще.

— Закрой за собой дверь.

Он послушно закрыл и проговорил тихо:

— Я все скажу!.. Я расскажу все!

— Я не любопытный, — буркнул я.

Он не успел понять, что это значит, пистолет в моей руке чуть дрогнул, пуля ударила его в переносицу.

Я нагнулся, посмотрел, что у него за пистолет, ничего особенного, обыкновенный 9-миллиметровый пистолет-пулемет Heckler & Koch MP5. И хотя такие на вооружении спецназа, однако сейчас оружие, которое когда-то в самом деле было только у спецназа, расползается по всему миру.

Кровь из трех тел быстро растекается по полу и уже соединяется в огромную лужу, я прошел под стеной, чтобы не запачкать подошвы, спрятал пистолет и уже спокойно открыл дверь.

Четвертый из команды на лестнице, болван, повернулся ко мне спиной и смотрит в небольшое окошко на улицу. Понятно, те трое только-только поднялись наверх, то ли задержатся там, допрашивая меня, то ли выведут под дулами пистолетов, а это все равно не скоро.

Я начал спускаться тихо, но он учуял, молниеносно развернулся, моментально выхватывая пистолет. Мой высунулся из-под полы раньше, выстрел хлопнул, будто ладонью на стене прибили комара.

Боевик дернулся и сполз по стене, а я торопливо пробежал по ступенькам вниз.

Массивный «Хаммер» стоит на том же месте, я подошел с правой стороны, водитель взглянул на меня равнодушно, явно мое фото ему не показывали, а я рывком открыл дверцу и тут же выстрелил ему в левый бок в то место, где не просто сердце, с простреленным навывлет сердцем жить можно долго, а в тот самый узел, который парализует верхнюю часть тела.

Он застыл с раскрытым ртом, я с усилием спихнул на соседнее сиденье, вырулил в ближайший темный переулок и там вытолкал прочь раньше, чем он перепачкает кровью сиденье.

Ингрид как раз доедает свой шашлык, в изумлении вскинула голову, когда я распахнул дверцу и крикнул:

— Захвати мою порцию, нас ждут!

— Минутку, — ответила она.

Я в нетерпении ждал, когда же она наконец расплатится, соберет в пакет три порции шашлыков, молодец, еще и лаваш захватила, умница.

Едва она села рядом, я снова повел машину в переулок, дальше начал пробираться малолюдными местами подальше от этого места.

Она сказала почти довольноно:

— Этот район не пострадал. Все кафешки работают. А ты даже прокатный пункт нашел?..

— Точно.

— Молодец, — похвалила она. — Не ожидала от тебя такой резвости.

— Почему? — спросил я. — Дай сюда пакет. Умираю с голоду. И лаваш давай.

— Ты на дорогу смотри, — сказала она сердито. — Открывай рот... Вот так. Еще кусок... Все-таки город для

тебя незнакомый. А ты и в своем наверняка дальше булочной не ходил. На сколько взял?

Я ответил небрежно:

— Да на сколько понадобится. Здесь народ щедрый... Да и я такая лапушка, умею понравиться. Правда, машину скоро придется где-то бросить...

Она насторожилась.

— Почему?

— Да вдруг отыщется хозяин? — ответил я резонно. — Нет-нет, я не украл, что ты!.. Смотрю, стоит автомобиль... Ну, думаю, кто-то бросил, чтоб не тащить на свалку, где еще и деньги нужно платить, чтобы приняли и спрессовали.

Она зло прошипела:

— Ты совсем охренел? Думаешь, автомобили ставят только на охраняемые стоянки?..

— Но это был совсем ничейный, — запротестовал я. Она сказала уже с яростью:

— Ты или совсем чокнулся в этой своей науке, или у вас там, яйцеголовых, такое извращенное чувство юмора, что и не юмор, а гадость сплошная!

— Ну чего ты кричишь, женщина... Не визжи, я тебе еще одни серьги куплю!

Она сказала еще злее:

— А если автомобиль стоит возле кладбища, ты решишь, что хозяин умер, и потому автомобиль можно взять?

— Ну да, — ответил я в недоумении. — А как же иначе... Зачем мертвому автомобиль? Это раньше с хозяином хоронили и его коня, но сейчас так не делают, это же какую яму надо копать, если человек умер в «КамАЗе»... Ты о другом подумай...

— О чем?

— Кто сдал нас?..

Ее лицо стало строгим.

— Думаешь, это не просто боевики?

— Это боевики, — пояснил я, — но кто-то упорно наводит их на след. Кто-то из тех, кто знает, почему мы здесь

Она сказала сдавленным голосом:

— О нас знает Поддубецкий. Бондаренко...

— А также все, — добавил я, — кто присутствовал. Лейтенант Желудев, который отправил с нами двух морпехов... С той стороны — Левченко, а также полковник Громов. Еще на подозрении лейтенант Демидов... хотя вряд ли знает о нашем задании, а Левченко и Громов не станут распространяться...

— А что насчет Черкесова? — спросила она. — Громов говорил, тот руководит центром подготовки каких-то наших боевиков. Должность у него паршивая, от него в любой момент могут отказаться, чтобы не быть замешанными в грязных операциях...

— Черкесов нас не видел, — напомнил я. — О нас может узнать, если Громов или Левченко ему скажут... и прикажут. Держись крепче, здесь крутой поворот!

Она не рискнула крикнуть, что на поворотах нужно сбрасывать скорость, уже заметила погоню, огромный черный джип несется за нами на огромной скорости, пугая прохожих, и быстро сокращает расстояние.

Я быстро взглянул на его данные, на целых сто килограмм легче нашего «Хаммера», а с виду куда внушительнее и страшнее.

— Хорошо, за рулем самец...

— У них? — уточнила она.

— У нас тоже, — сообщил я. — Или ты решила, что самец уже ты? Вот так и пускай тебя наверх...

— Свинья, — прошипела она, но я даже не ответил, женщины бывают такими однообразными, нет в них нашего размаха и аристократичной небрежности.

Она то щупала пистолет, то изготавливала к бою автомат, а я переключил скорости, резко свернул и проскочил через два двора, просчитывая движения всех прохожих, их траектории и все варианты действий туповатых мамаш с колясками, здесь их, несмотря на почти фронтовую обстановку, все равно много.

— Где ты всех этих гадов находишь, — воскликнула она с сердцем, — миролюбивый ты наш! Гуманитарий. Миротворец гребаный... Все переговорами, переговорами...

— Точно, — сказал я, — вот и ты начала понимать.

Она вскрикнула:

— Джип идет на параллельной дороге!

— Прекрасно, — ответил я.

— Что прекрасно? — вскрикнула на. — Там четверо с автоматами!

— Наверное, — предположил я, — неженатые, свободные от отношений, все джигиты...

— Заткнись, — сказала она резко. — Где ты научился так водить?

— Я и сейчас не умею, — заверил я и, сделав рассчитанно точный занос, на двух колесах свернул, автомобиль хищно выскочил из-за домов на дорогу. — Это все гэтэ-три, четыре, пять... Вот шестую версию жду.

Джип ринулся как зверь, я снова свернул, параллельная улочка тихая и почти спальная, Ингрид вскрикнула, когда я опять неожиданно круто развернулся и начал набирать скорость.

Джип выскочил из-за дома, огромный и черный, даже мне на миг показался монолитным слитком из черной стали. «Хаммер» ударил его в заднюю часть с

такой силой, что джип трижды прокрутило вокруг своей оси и вышвырнуло с дороги на тротуар, где и грохнуло о камень здания.

Я выскочил, уже видя, что из пассажиров только один шевелится, трое остальных в отключке.

Ингрид выбралась следом, пистолет в обеих руках, а я подбежал к багажнику, тот от удара сам слетел с защелки, даже приоткрылся.

Я откинул крышку, четыре одинаковые сумки, так называемые туристические, дернул «молнию» на одной, так и есть, десантное оружие ближнего боя...

Ингрид подбежала, что-то на ходу выкрикивая, я бросил быстро:

— Уходим! Сейчас здесь будет местная бандополиция, а нам задерживаться некогда. Или хочешь вернуться и забрать свою косметику?

— Свинья, — крикнула она. — Нет у меня там косметики!

— А где есть?

Так же, как и базары, ненавижу эти тесные восточные улочки, где, как в Италии, через проезжую часть протянуты веревки с развешанным бельем, словно у этих дикарей нет стиральных машин с автоотжимом и сушилкой.

Ингрид, пригибаясь и пряча под одеждой пистолет, бежала за мной следом, потом шла уже смирно и с женским достоинством гордой берберки, любопытные взгляды игнорировала.

— Обидно, — сказал я тихонько, — никто не предлагает тебя купить. Даже не спрашивают, за сколько отдам.

Она спросила с подозрением:

— Размечтался?

— За такую, как ты, — сказал я клятвенно, — можно купить три обыкновенных! Даже четыре, хотя и немножко потертых.

— Свинья, — прошипела она. — Мог бы сказать хотя бы про пять! Молоденьких и девственных, такие здесь в цене.

— Мы еще пройдем через базар, — пообещал я. — Узнаем тебе настоящую цену. А сейчас не отставай, мы уже почти пришли. Еще один квартал и...

— Заложница?

— Не совсем, — ответил я. — Но ключ к ней.

Глава 7

Дом едва ли не самый сохранившийся, даже фасад подновлен, окна закрыты плотными шторами, входная дверь новенькая, с кодовым замком.

Ингрид сняла пистолет с предохранителя и приготовилась быстро высунуть ствол из-под полы и открыть стрельбу. Я приложил ладонь к коробочке замка, там щелкнуло, я дернул дверь на себя.

В комнатке консьержа здоровенный охранник с увлечением гоняет машинку на планшете, увидел нас и торопливо схватился за пистолет, но я выстрелил, не дав прицелиться.

Ингрид прошептала:

— Когда ты только глушитель успел навинтить...

— Я фокусник, — ответил я шепотом. — Пока отвлекаю тебя разговором о твоих сиськах, ты же сразу млеешь, а тем временем... Жди здесь! Если кто-то выскочит, сперва убей, потом спроси имя.

Не дожидаясь ответа, я помчался по лестнице, правильно рассчитал, где то, что мне нужно, ногой толкнул дверь.

Сразу двое боевиков обернулись, одновременно выхватывая оружие. Я выстрелил дважды, посторонился от падающих тел. Здесь толстый ковер, грохота не будет, есть польза и от таких ковров, а то мещанство, мещанство...

В третьей комнате еще один, амбал шире меня в плечах вдвое и с такой мускулатурой, что лучше бы выступал в цирке, а не телохранительствовал.

Он потянулся за пистолетом и замер, глядя на ствол в моей руке.

— Мощная мускулатура, — согласился я. — Хочешь рукопашку?

Он напряженно улыбнулся.

— Да.

Я посмотрел, как он положил пистолет рядом на стол и сделал ко мне шаг.

— А я вот не хочу.

Выстрел прозвучал совсем как хлопок, во лбу возникла дыра, а из затылка вроде бы ничего не вылетело, словно и голова у такого бодибилдера литая.

Дурак рухнул мне под ноги, полнейший осел, с чего это я полез бы врукопашку, когда в руке пистолет, совсем мозгов нет, таких убивать просто долг культурного человека.

Ага, дыра в затылке все-таки есть, это у качков кровь свертывается быстрее, постоянно пьют протеины и анаболики.

Дверь за его спиной распахнулась в роскошный зал, такой комната показалась на первый взгляд, просто королевская палата, за столом двое военных и

один грузный господин с внешностью типичного банкира.

Я выстрелил трижды, две пули достались одному военному, одна второму, а банкир сразу вскинул руки, словно прочел по моему лицу, что даже троим со мной лучше не спорить.

Подойдя ближе, я выстрелил второму в голову, а то от двери глушитель даст слишком большой разброс, потому я сразу, во избежание, стрелял в корпус.

— Тихо, — сказал я. — Абдурашид?

Он торопливо закивал.

— Хорошо, — сказал я. — Мне от вас ничего не нужно, ваши друзья уже сказали все, что я хотел бы знать.

Он сказал в страхе:

— Тогда что вам нужно...

— Обмен, — сообщил я.

Магомед примчался моментально, словно на крыльях, с уважением взглянул на Ингрид, сразу оценив ширину ее плеч, строгое и красивое по восточным меркам лицо, даже прекрасное, как у царицы Савской или Клеопатры, хотя никто не знает, как они выглядели.

— Приказывай, друг!.. Моя машина у подъезда.

Ингрид вздохнула с облегчением и опустила пистолет.

— Сущий пустяк, — сказал я. — Удалось захватить Абдурашида, я хочу его поменять.

Он охнул:

— Абдурашида? За ним тюрьмы трех стран плачут!..

— А что нам страны, — сказал я высокопарно, — женщины за нашими спинами разве не ценнее?

Ингрид скривилась, словно хлебнула уксуса вместо сладкого нектара, а Магомед вздохнул.

— Да, конечно... Нет ничего хуже, чем не спасти доверившуюся тебе женщину. Иначе какие мы джигиты? Как будешь действовать?

— Еще не придумал, — сказал я. — Может быть, ты, как местный, знаешь лучше?

Он сказал с загоревшимися глазами:

— Конечно!.. Мы уже несколько раз менялись людьми с хахалцехами и «Легионом Пророка». У кого твоя женщина?

— У аласийцев, — ответил я. — Надеюсь, Абдурашид достаточно ценная фигура.

— Еще бы, — воскликнул он. — За него отдадут еще и своих женщин в придачу!..

Ингрид недовольно хрюкнула, он сказал торопливо:

— Но ты, конечно, вряд ли возьмешь. У тебя такая жемчужина!

— Ее я бы тоже поменял, — сообщил я. — Продавать не хочу, а вот сменять... на покорную и ласковую.

— У тебя есть телефон человека, который захватил внучку твоего учителя?

— Уже есть, — ответил я.

Ингрид взглянула на меня в изумлении, одно дело — узнать номер Левченко, другое — вожakov аласийцев, которые что-то получают от майора, но я сразу проследил все телефонные звонки Левченко, определил мобильник, который у вожака группы, оставалось только получить подтверждение, что именно у них заложница, язык все никак не поворачивается называть ее Абигелью, а теперь это нехотя, под дулом пистолета подтвердил Абдурашид...

— Звони, — велел Магомед, — а я договорюсь, где и когда.

Мы с Магомедом расположились на передних сиденьях, Ингрид с Абдурашидом сзади. Он и в наручниках, а еще Ингрид приставила ствол пистолета к его боку и предупредила страшным голосом, что если хоть пискнет по дороге или знаками попробует позвать на помощь, то с наслаждением всадит в него всю обойму.

Городок, рассказывал Магомед по дороге, совсем недавно подвергся, как говорят в СМИ, нападению армии халифата. Хотя вообще-то никакой армии не было, просто через границу высоко в горах перебрался достаточно крупный отряд боевиков, часть из которых в свое время именно отсюда и ушла в ИГИЛ.

Пользуясь беспечностью местных властей и полиции, они почти без боя захватили весь город, а потом выбивать их пришлось долго и жестоко.

Они молодцы, стояли до последнего, никто не ушел, хотя возможность была, дрались и дрались, пришлось вызвать авиацию и наносить точечные удары, а еще штурмовые вертолеты поливали здесь все огнем из крупнокалиберных пулеметов.

Жители по большей части ушли, остальные погибли практически все, из всего города до освобождения дожили только четыре человека, спрятавшиеся в глубоком подвале.

Сейчас этот город похож на призрак, жителям уже дали квартиры в соседнем городе, а в этом нужно сносить полуразрушенные дома и строить заново.

Соседний город, что по ту сторону гребня и речушки, тоже пострадал, там половина города разрушена, большинство боевиков ушли, когда поняли, что не выстоят, и теперь половина города в руинах, а в другой половине даже стекла в окнах уцелели.

Встреча на пустыре, что понятно, спрятаться негде, в машине должно быть только три человека: заложница, ее провожатый, а еще шофер.

Я вышел из машины заранее, на переговорах и при обмене я лишний, потому прихватил винтовку и попытался занять место для стрельбы, если что вдруг случится, но разве чтомышь сумеет спрятаться здесь, я тут как слон в плоской саванне...

Ближайшие камни и упавший ствол дерева далеко-далеко, пришлось уйти туда, и я залег там, изготовившись к стрельбе. Сразу же с неприятным чувством ощутил, что не по Сеньке шапка, далеко-далеко, особенно для такого снайпера, который знает это дело только по миллиону статей и роликов с пояснениями профессионалов.

Хотя винтовка AWM с продольно-скользящим поворотным затвором под патрон .338 Lapua Magnum и относится к новейшим, но не заточена именно под дальноточность, а Магомед остановил автомобиль посреди пустыря, я не догадался сказать, чтобы держался ко мне поближе.

Наконец в условленное время с северной стороны показался внедорожник с темными стеклами. Магомед, молодец, не выходит, ждет.

Внедорожник остановился на расстоянии в полсотни шагов, после паузы выскочил боевик уже с автоматом в руках, готовый к немедленной стрельбе.

Из машины Магомеда вышла Ингрид, автомат в обеих руках нацелен на боевика и двери внедорожника.

С царственной неторопливостью из внедорожника медленно вышел мужчина, сухой и поджарый, в элегантном костюме, при галстуке, выглядит так, словно только что выступал на Ассамблее ООН. Боевик

предусмотрительно отодвинулся еще дальше, чтобы их не могли скосить одной очередью.

Замедленность движений вовсе не от спеси, чем медленнее, чем больше доверия, потому Магомед выбрался тоже без лишних движений, что для него, быстрого и горячего, дико несвойственно.

Я торопливо зумил спутниковые кадры, искал, прогонял по базам, слишком уж нечеткое изображение, но я посылал снимки уже от себя, как вижу я, и наконец поисковая система выдала результат: Черкесов Фатах Абдуэмирович, майор, сведения о местоположении засекречены...

Через долю секунды я прошел фильтры и уже знал о Черкесове больше, чем тот сам о себе, мне показалось это вечностью, но они только-только окинули друг друга внимательными взглядами, потом Магомед крикнул громко:

— Я привез обещанное! А ты?

Черкесов ответил сильным командирским голосом:

— Тоже!

Магомед закричал:

— Покажи!

Черкесов поднял руку в сторону своего джипа. Боевик быстро метнулся к нему и вытащил женщину с темным мешком на голове и связанными руками.

— Вот!

Магомед крикнул:

— Сними мешок!

— Чего? — спросил Черкесов громко. — А где твой товар для обмена?

Магомед повернулся к своей машине, сделал приглашающий жест. Ингрид вытащила Абдурашида, тоже с мешком на голове и связанными руками.

Я подумал, что они не в равном положении, Абдурашид и с мешком узнаваем, такую тушу с отвисающим брюхом еще надо поискать, а в это время Черкесов сказал резко:

— Не будем тянуть!.. Посылай его сюда!.. А я женщину!

Ингрид сорвала мешок с головы Абдурашида и толкнула в спину.

— Иди к своим друзьям. Но не беги!

Черкесов толкнул женщину.

— Иди к своим!..

Похоже, у нее мешок из простой мешковины, в такой солнечный день сквозь него видно неплохо, она пошла в сторону машины Магомеда достаточно уверенно.

Я буквально чувствовал, что Магомед превратился в комок нервов, все напряжено, сейчас даже чихнуть нельзя, может начаться пальба, с той стороны боевик держит их под прицелом, Ингрид тоже, а Черкесов застыл в стойке, готовый выхватить пистолет и стрелять хоть от бедра, хоть в прыжке или кувырке в сторону.

Абдурашид и пленница аласийцев встретились на середине дистанции и, не обменявшись словом, у обоих завязаны рты, ускорили шаги...

Я чувствовал, как Магомед уже начинает переводить дыхание, только Ингрид все так же напряжена и готова к бою, как вдруг Абдурашид дернулся, из его спины вылетел клочок мяса. Сразу же оттуда ударила струя крови, а затем издали донесся звук выстрела.

Абдурашид все еще валился на землю, а я в страхе понял, что неведомый снайпер сейчас ловит в прицел Магомеда или Ингрид, ему проще сместить прицел, оба они не так уж далеко от смертельно раненного Абдурашида и, главное, на виду...

Весь мир передо мной на миг залило красной пеленой, но я уже разворачивал ствол на запад. К счастью, я лежу на восточной стороне пустыря, перемещаться не пришлось, только приподнял ствол и в дикой спешке искал, искал, искал, пока не увидел его на той стороне среди таких же серых камней, как и его маскировочная форма.

Он уже сместил, как чувствую, ствол, теперь выбирает место, куда всадить крупную пулю с каленым сердечником, что просадит насквозь...

Я поймал его голову в крестик прицела, торопливо коснулся скобы. Пусть даже промахнусь, но тем самым спугну, а там потягаемся в равном поединке...

Верх его черепа исчез, во все стороны ударили толстые фонтанчики крови и тут же опали, а винтовка свесилась стволом вниз.

Черкесов и боевик открыли беспорядочную стрельбу, но затем вскочили в джип, тот торопливо развернулся и понесся в обратную сторону.

Магомед зло выпустил вдогонку очередь из автомата, а Ингрид подбежала к лежащей на земле женщине, торопливо сдернула с ее головы мешок.

— Это не Абигель, — крикнула она.

Я уже со всех ног неся к ним, запыхался, а что это не Абигель, понял еще в тот момент, когда Черкесов отказался снять с ее головы мешок.

— Она жива? — крикнул я. — Забирай, Магомед вернет ее родителям.

Магомед вскричал в недоумении:

— Они сами его застрелили!.. Зачем?

— Это не аласийцы застрелили, — ответил я. — Выстрел был с западной стороны из снайперской винтовки. Выстрел армейского профессионала.

Он посмотрел в ту сторону.

— Снайпер? Он мог бы нас всех перестрелять.

— Наверное, — ответил я, — команды не было.

— Или заплатили только за выстрел в Абдурашида, — сказал он с негодованием. — Мерзавцы!

Только Ингрид, обнимая дрожащую девушку, ничего не сказала, но бросила на меня взгляд, полный подозрения, словно то ли это я сам подстрелил Абдурашида, то ли сообщил Левченко, чтобы тот заткнул ему рот, а то вдруг выдаст их тайны насчет продажи наркотиков.

Глава 8

Магомед увез девушку, высадив нас по дороге возле шашлычной, а мы, устроившись за поцарапанным легоньким столиком, ели горячее жареное мясо, расстроенные и обозленные настолько, что я даже не заметил, когда сожрал две порции и потянулся за третьей.

Ингрид села спиной к улице, но проходящие мимо боевики все равно засматривались на ее совершенное лицо и картинно прямые плечи.

— Хорошо тебе, — сказал я тихонько, — одни мужчины. Да, у войны не женское лицо...

— Ты к чему? — прошипела она.

— Самок нет, — напомнил я. — Точно не либералы. Ни одну жопу не могу проводить взглядом... Как жить? Одна из главных европейских ценностей...

— Дикари, — буркнула она.

— Наверняка здесь мужчин хватает, — заметил я. — Это не наша сраная Европа... Рожать разучились. Ты вон совсем не умеешь размножаться.

— Дурак, — огрызнулась она. — Кто тебе такое сказал?

— Да фигура у тебя не рожальная, — сказал я.

— А какая?

— Выставочная, — определил я. — Медаль бы получила. За экстерьер, за походку, за конский хвост... волосы у тебя в самом деле просто чудо. Густые, здоровые, длинные. Даже под мышками.

— Когда закончится эта операция, — пообещала она, — я тебя сама убью. Ешь быстрее! Куда в тебя столько влезает?

— У меня там желудок, — объяснил я. — Не знала?.. Ты сама наедайся в запас. Неизвестно, когда поедем в следующий раз.

Она посмотрела внимательно.

— Ты о чем?

— Придется самим выручать несчастную девочку.

— Ей тридцать пять, — напомнила она.

Я вздохнул, никак не привыкну, что внучка — это не обязательно копошащийся у ног ребенок.

— Выдернем и тридцатипятилетнюю, — сказал я, — если не слишком толстая.

— Не слишком, — сообщила она, — рост метр семьдесят, вес семьдесят пять, так что всего пять килограмм сверх нормы.

Я сожрал последние ломтики мяса, кусочком лаваша вытер с тарелки подливу и отправил в рот.

— Все, пойдем!..

Я оставил на столе деньги, хозяин тут же появился рядом и ухватил раньше, чем заметил кто-то из проходящих по улице боевиков.

Ингрид пошла рядом, она же берберка, вообще-то не пять кило сверх нормы у Абигель, а восемь, но у нас с Ингрид просто разные источники, мой как бы поновее, но все равно я сказал:

— Ух ты, как ты все знаешь!..

Она гордо улыбнулась, довольная по самый педикюр.

— Только вытаскивать придется вместе со спецназом, — сказала она с сожалением.

— Спецназ грубо, — заметил я. — И примитивно. По старым канонам. Которым уже лет десять, и не обновлялись больше месяца.

Она посмотрела на меня несколько удивленно.

— Ты чего?

— Мы могли бы проникнуть ближе, — предложил я. — Как-то я не в восторге, что освобождение заложницы похоже на войсковую операцию. А если заложницу в процессе освобождения убьют? Такое случается часто. Да и сами боевики в случае опасности могут пристукнуть по старому правилу «так не доставайся же никому». В общем, сперва нужно узнать, где ее держат.

— Как?

— Пойти и спросить, — ответил я. — Хотя, думаю, здесь люди военные, грубые, не ответят.

— Но в морду дать могут, — ответила она язвительно. — Допер, молодец! Почему не спросил у Левченко?

— Он тоже не знает, — сообщил я. — Что делаешь глазки? Настоящая секретность — это когда даже от своих. Мало ли кто продался госдепу...

Она окинула меня оценивающим взглядом.

— А ты нет?

— Госдепу нет.

— Ого, — сказала она, — а кому?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Мацанюк, в корпорации которого я работаю, что-то сейчас затекает грандиозное с Илоном Маском. И хотя уже знаем, Мацанюк еще та акула, любого сожрет, но и Маск набрал за последние годы такой вес, что и госдеп ему не указ.

— Война гигантов, — сказала она, — или сотрудничество?

— Пока только слухи, — сообщил я. — Такое готовится в тайне, готовится долго. А потом р-р-раз!... Ого, вот эти снимки хороши...

Она склонилась над моим плечом, всматриваясь в экран планшета. Я позумил пальцами, увеличивая изображение то на одном участке, то на другом. Качество отвратительное, если бы я часом ранее не просмотрел с камер штатовского метеорологического и китайского, что следит за озоновой дырой на Северном полюсе, все верно, тут он просто так пролетает время от времени, то хрен бы что понял, но сейчас тыкал пальцем в размытые пиксели и объяснял быстро стреляющему капитану ГРУ, что это вот почти достоверное доказательство, куда именно увезли заложницу.

Ингрид сперва добросовестно всматривалась в экран, потом начала присматриваться ко мне, надеясь уловить, в каком месте сбрышу, но для мужчин брехать женщинам привычно, это сама жизнь, так что я, не моргнув голосом, сыпал слегка знакомыми ей терминами из геометрии и тригонометрии, а закончил достаточно бодро:

— ...и если будем действовать быстро и безукоризненно, то выдернем ее и доставим на место!..

Она буркнула:

— А что будет делать охрана?

— Стрелять в нас, — заверил я. — Правда, весело?..

Она посмотрела на меня с подозрением.

— Это такой юмор?

— Я думаю, — ответил я, — тебе понравится. Это ж армейский юмор! Тебе должен понравиться.

— Это дурацкий юмор, — отрезала она, — а не армейский.

Люблю американскую службу метеорологии, у них всегда такие четкие снимки в цвете, особенно когда дело касается мест, где расположены ракетные войска России, даже ночные снимки, хоть и в черно-белом, вернее — сером, тоже хороши.

Ориентируясь по снимкам, мы ушли за город, там между зелеными вытянутыми холмами, где словно некий гигант прошелся здесь с исполинским плугом, а потом за века после его подвига в борозде и на отвале выросла масса кустов и даже деревьев.

Мы держались низин, а через кособокие буквально переползали, стараясь не подниматься над высокой травой, потому что вдаль уже поднялось и медленно приближается к нам массивное здание, такие бывают разве что цеха по переработке черного металла или сооружения для военных, то ли для жизни, то ли для неких работ, а вокруг еще целая россыпь домиков поменьше, а кроме них еще и с десятков палаток, что гораздо тревожнее, это значит, боевиков здесь столько, что в зданиях не помещаются.

Я продвигался достаточно осторожно, однако Ингрид, что двигается впереди, оглянувшись, прошипела люто:

— Ты как идешь? Как идешь?

— Горблюсь? — спросил я виновато. — Это от сидячей работы. У нас все время за микроскопами...

Она прервала:

— Издеваешься, гад? Ты должен идти пригнувшись!

— Но некрасиво же...

— Скотина, почему я тебя еще не убила? И винтовку держи, готовую к стрельбе!

— Да никого здесь нет, — заверил я. — Ты женщина, да еще какая, разве не чувствуешь?.. А где твоя звериная, в смысле, женская интуиция? Птички чирика-

ют, бабочки летают... Смотри, какие крупные! Это тизания, агриппина, а вот и вовсе сатурния, как они сюда и залетели! Но какая уникальная расцветка...

— Я тебя сама убью, — пригрозила она в бессильной ярости.

Я смолчал, сделал вид, что иду как надо, хотя, конечно, на ближайшие полкилометра, даже больше, никого нет и близко. Правда, даже штатовские метеоспутники не дадут картинку через густые кроны, однако если перевести на инфракрасное обнаружение... вот так... а теперь вот так... ага, вот появились два багровых пятнышка, это мы с Ингрид, а дальше пока никого... если не считать вон там дальше двигаются три пятнышка поменьше... ах да, кабан с двумя свиненками или, точнее, подсвинками.

Основная охрана, конечно, в главном здании и на входе, но и здесь по периметру прохаживаются brave ребята с автоматами в руках. Выправка очень знакомая, то ли это свои, выученные где-нибудь под Псковом, то ли псковские инструкторы обучают здесь боевиков по своей методике, вообще-то доказавшей преимущество перед ЦРУ и «МИ-6», которые побеждают только в фильмах и многочисленных сериалах.

По форме не отличишь, мне кажется, руководство в инструкторы для южных стран подбирает обязательно смуглых и черноволосых, благо Россия не Греция, здесь есть все, да и форма у всех одинаковая, что тоже понятно, так что убивать надо подряд, Аллах сам разберет кто свой, а кто гяур.

Ингрид притихла, тщательно выбирает цели, но если не убьет с первого выстрела, у нас трудностей будет больше, чем рассчитываем...

Я прицелился, из винтовки «Выхлоп» звук выстрела тише, чем из пневматической, а прицельная дальность

больше километра, так что даже после того, как обнаружат, ничем не достанут с их автоматиками, бьющими на двести метров, а прицельно — на пятьдесят.

Ингрид начала пробираться под защитой камней и деревьев еще ближе, я наконец выбрал из двух охранников отдыхающего в тени, прицелился, нажал на скобу, быстро поймал в крестик прицела голову другого.

Они просто опускались на свои места, даже двое на вышке не успели поднять тревогу, потому что я выбрал момент, когда смотрели в разные стороны, стоя спинами один к другому, хорошо прицелился и выстрелил, с торжеством экспериментатора отметив, что хоть и не повторил достижение сержанта морской пехоты США Стива Райхера, когда тот, используя Barrett M82A3M82A3, 9 апреля 2004 года одной пулей убил троих иракских повстанцев, которые прятались за каменной стеной. Выстрел был сделан с расстояния 1600 метров, но я тоже снял обоих боевиков одной пулей, а я не профессионал...

Корпус в три этажа, вблизи еще больше похож на производственный, хотя раскрашен уже выцветшими красками не то под склад детских игрушек, не то под что-то тоже мирное и спокойное.

Там деревьев намного больше, кусты тоже и декоративные, и что-то такое с ягодами, ах да, это же арбутус, кордилина, калистемон... блин, да заткнись ты с этими гербариями...

Здание в окружении деревьев, а их в свою очередь окольцовывает забетонированная дорога в две полосы, что ведет к воротам...

Навстречу идут двое парней с автоматами в руках, уверенные и щегольские, пятнистая форма сидит на них как влитая, но даже мне видно, что не ветераны,

автоматы держат скорее красиво, чем в готовности к немедленной стрельбе по цели.

Ингрид вытянула обе руки, крепко сжимая рукоять пистолета. Щелкнул хлопок, следом за ним еще один. Охранники свалились, убитые точными выстрелами в головы.

Она шепнула:

— Быстро затащим в кусты!

Я замешкался, она зашвырнула в кусты своего, затем помогла мне.

— Как ты?

— Уже дрожу, — сообщил я. — Но с тобой мне совсем не страшно.

— Так и держись, — велела она. — И не высывайся.

— Всегда за тобой, — сказал я, — моя берберища...

С ее стороны донесся приглушенный хлопок, а далеко впереди фигурка часового беззвучно опустилась. Я старался продвигаться быстрее, пусть Ингрид и считает меня неумехой, но стрелок из меня намного точнее, чем она, потому поспешил снять двух раньше, чем она их даже заметила.

Постепенно приближаемся, замирая при каждом шелесте, слышнее музыка, смех, даже гогот. Если подбаться еще чуть, можно будет пополнить коллекцию анекдотов, хотя вряд ли мне понравятся шуточки про грязных гяуров.

Вторую вышку то и дело заслоняет колышущаяся ветка дерева, я выждал момент, выстрелил. Часовой рухнул с вышки, а я быстро поймал в прицел еще одного, ссадил его со ступеней, а третий в самом низу рухнул почему-то на бок и с грохотом завалил целую батарею пустых ведер.

На шум выглянул боевик, увидел распростертое в крови тело, заорал дико:

— Тревога!.. Нападение!

Я торопливо всадил пулю ему в переносицу, но теперь со внезапностью покончено, из-за деревьев начали появляться охранники. Сразу же открыли беспорядочную стрельбу из автоматов. На таком расстоянии, да еще на бегу шанса прицельно попасть практически нет, но весь расчет на ужас перед градом пуль, что свистят мимо, бьют в деревья, срезают листья и мелкие веточки...

Я отодвинулся в сторону и, спрятавшись за стволом могучего дуба, отвечал одиночными выстрелами. Когда из бегущих на меня ни одного на ногах не осталось, я перенес огонь на тех, кто подкрадывается, прячась за деревьями, к Ингрид.

Один уже подбежал так близко, что мог бы достать ее ножом. Моя пуля ударила его в затылок как раз в момент, когда Ингрид развернулась и выстрелила ему в грудь.

Над моей головой пуля ударила в дерево и оставила в нем глубокую дыру, словно там побывало бешено вращающееся сверло.

В страхе я прикинул, где может быть снайпер, глупо было его не поставить на всякий пожарный, на всякий случай моментально проверил по спутнику, а так как знаю, куда смотреть, то усмотрел, хоть и не сразу, на вершине косогора именно там, где и предположил.

Парень залег, расставив широко для лучшей устойчивости ноги, в руках снайперская самозарядная, это уменьшает дальность, но здесь всего метров двести, так что промахнуться трудно.

Я приблизился, задерживая дыхание, он вроде бы что-то почуял, у нас многое осталось от диких пред-

ков, начал было поворачивать голову, но острый клинок десантного ножа вошел точно между позвонками у основания черепа, отрезав спинной мозг от головного.

Он ударился лицом в землю, я быстро стащил его за ноги на пару шагов вниз, а сам залег на его место и прильнул глазом к окуляру оптического прицела.

Мой «Выхлоп» лучше, но надо долго снимать глушитель, что мешает дальности и точности, а сейчас быстро сделал с десятка выстрелов, укладывая каждого, кого замечал на территории вокруг здания, подхватился и ринулся к Ингрид.

Она оглянулась, злая и с горящими глазами.

— Не отставай так сильно!

— Слушаюсь, — ответил я поспешно. — Что дальше?

Глава 9

Внутри тренировочного лагеря боевиков главное здание еще и огорожено высоким забором, стальная сетка натянута между металлическими столбами.

Ингрид пошла вперед, согнутая и готовая к взрывным движениям, я наконец-то ощутил холодок страха, все-таки животная часть во мне еще как сильна, а страх не чего-то определенного, а именно иррациональный, доставшийся мне от таких далеких предков, для которых обезьяна уже была вершиной творения.

Сетка красивым ромбиком, но из очень толстой проволоки, простыми кусачками, как понимаю, не перехватить.

Ингрид быстро прилепнула к воротам крохотную магнитную мину, я все понял и вместе с нею отбежал в сторону.

— Заткни уши, — велела она мне и нажала на кнопку в руке. Тихонько грянул приглушенный взрыв, ворота дернулись, показывая, что да, сдаются, можно входить.

На такой огромной территории, понятно, никто газоны стричь не будет. Трава до пояса, кое-где деревца, есть даже громадные.

Нечеловеческий голос прокричал громко и страшно:

— Тревога!.. Тревога!.. Проникновение!..

Ингрид скривилась, я сказал с сочувствием:

— Не нравится? Пожалуй, я тоже не стану этот голос ставить для Сири. И в навигатор тоже.

— Теперь надо спешить, — сказала она.

Мы ринулись к главному зданию, я на бегу смотрел на окна, дважды выстрелил, и оба раза там посыпались стекла, а лица исчезли.

За два десятка шагов до входа в здание я выхватил из сумки на плече Ингрид магнитную мину и на ходу пришлепнул под днище одного из автомобилей.

Ингрид на бегу прошипела:

— Ты чего?

— Люблю, — сказал я, — когда взрывается! Во мне спит пироманьяк.

— Так пусть спит!

— Нет, — сказал я, — когда бабахнет, все ринутся сюда. А кто не ринется, все равно повернутся и будут смотреть. А у нас появится несколько секунд, чтобы за их спинами прочучундрить мимо и скрыться.

— Ну да, за тем мы и пришли, чтобы скрываться...

Могучий взрыв грохнул совсем не там, где я ожидал, а в сотне шагов отсюда, взметнулось дикое пламя, словно взорвалась колонна бензовозов, огонь взметнулся страшный, багровый с черным и оранжевым,

как недра солнца, не огонь, а пламя, до жути похожее на ядерный взрыв.

Похоже, весь бензин боевики держали в одном месте, что неразумно, как бы оно ни казалось защищенным, а пока я снайперил, Ингрид ухитрилась и там прикрепить мину с дистанционным включателем.

— Теперь в дом!

Она на ходу подхватила выпавшую из рук стража автоматическую винтовку, такая же у меня, дверь распахнута, но я крикнул:

— Три секунды!

Она еще продолжала бежать к двери, но раньше в проем влетела граната. Я бросал издали, потому не отсчитывал секунды, и взрыв грянул сухой и короткий, рванула еще в воздухе, не успев удариться о пол.

Мы ворвались, бок о бок, в руках тяжелое и смертоносное оружие ближнего боя, от грохота выстрелов заболели уши, но я давил на спуск, со злым удовлетворением видя, как пули пробивают тела раненых и оглушенных взрывом, оставляя рваные отверстия, как черепа разлетаются, будто от тяжелых снайперских пуль.

В двух местах вспыхнул огонь и поднялся дым, закрывая все перед нами.

Кто-то сверху, беспорядочно стреляя, прокричал в ярости:

— Да убейте же их наконец!

Я вытащил из сумки гранату, Ингрид только успела повернуть голову, как я выдернул чеку и швырнул вверх на голос.

— Не трясись, там нечему взрываться. Даже рыбок в аквариуме нет.

Она огрызнулась:

— Я не трясусь. Ты только не слишком... Попадешь в стену, тебе же под ноги и отскочит.

— Там нет стены, — сообщил я. — Прямо в проем, там дверь распахнута... А с вожакom банды еще трое.

Взрыв наверху и вспышка показали, что подкатившуюся под ноги гранату в яростном грохоте выстрелов заметить не успели, это даже Ингрид поняла, когда ей под ноги шлепнулась кровоточащая кисть с зажатым в ладони пистолетом.

Я не успел остановить, ринулась впереди меня по лестнице на второй этаж, я приотстал на пару шагов и торопливо стреляю в выскакивающих навстречу боевиков, сам поднимаюсь следом за нею мучительно неспешно, а она вообще как при замедленной съемке, точнее, при замедленном воспроизведении...

Я сам тоже черепаха еще та, это мозг все успевает просчитать за сотую долю секунды, а потом бесится от безделья и начинает рассказывать, из чего стены, как обжигали такой кирпич в Месопотамии, и только время от времени предупреждает, что вот сейчас из дымящегося проема двери покажется такой же медленнодвигающийся и орущий человек с автоматом в руках, нужно заранее поднять тяжелый автомат и навести прицел...

Я нажал на скобу, когда из-за откоса дверного проема только-только начал выдвигаться цветной бурнус, и пуля ударила в левую часть лба, когда вся голова боевика еще оставалась за дверью.

В дальнем конце коридора на втором этаже несколько человек бешено отстреливаются, укрывшись за тяжелыми перевернутыми столами и за роскошными кадками с цветами.

Нам на голову посыпались щепки и куски выбитой со стен штукатурки, Ингрид, спрятавшись за выступом стены, заорала дико:

— Не высовывайся, дурак!

— Я умный дурак, — сообщил я и, сопоставив интервалы между выстрелами, высунулся, нажал на курок и тут же отодвинулся обратно.

Движение туда и обратно далось нелегко, мышцы заныли от перегрузки, но, к счастью, Ингрид не смотрела на меня, а у боевиков раздались крик и проклятия.

Я взял предпоследнюю гранату, выдернул чеку. Ингрид крикнула предостерегающе:

— Не добросишь!

— Да я так просто, — ответил я. — Пошалить...

Граната в полете чуть коснулась потолка, но траекторию не изменила. Раздался грохот, Ингрид рискнула выглянуть, баррикадка в конце коридора уже разметана, дымятся щепки и слышны стоны раненых.

Мы пробежали дальше, коридор под прямым углом ушел влево, а оттуда яростно застрочили три автомата, и огонь такой яростный, что не поднять головы.

Я все высчитывал интервалы, дважды ухитрился приподнять руку и выстрелить, а во второй раз еще и увидел, как двое мордovorотов утаскивают дальше по коридору женщину со связанными руками.

На этот раз она без мешка, чтобы двигалась быстрее, я узнал по фотографиям именно Абигель, тридцать пять лет, рост, вес, работает в строительной корпорации и так далее.

— Сволочи...

Ингрид вскрикнула рядом, согнувшись в три погибели:

— Ты чем-то недоволен?

— Все прекрасно!

— Тогда зачем ругаешься? А потом за хлеб будешь браться...

Я нащупал в сумке последнюю гранату, выдернул чеку и, досчитав до четырех, швырнул по невысокой дуге.

Через три секунды грохнуло, кто-то закричал отчаянным голосом, а я вскочил и, стреляя на ходу, ринулся за похитителями.

Ингрид за моей спиной холодно и зло добивает тех, кто еще дергается, никакого милосердия, когда могут выстрелить в спину, а потом я услышал топот ее ног следом за мной.

— Прикрывай, — крикнула она и ринулась вдоль стены, быстрая и злая.

Я бежал следом, вдруг сбоку ощутилась смертельная опасность. Я упал на колени и повернул ствол автомата к двери справа. Еще не закончил движение, как она распахнулась резко, над моей головой прогремела очередь, но и я дважды даванул на скобу, и двое боевиков зашатались, опуская стволы автоматов.

Третий боевик в глубине комнаты прицелился в меня из пистолета, но я уже узнал лейтенанта Демидова, который провожал меня к Громову, автомат в моей руке коротко стреканул, и Демидов отшатнулся к стене, а пистолет выпал из простреленной руки.

Я вбежал, пяткой захлопнул за собой дверь, крикнул быстро:

— Шаг вправо, шаг влево... Где заложница?

Он свободной рукой выдернул из ножен десантный нож, я молча выстрелил ему в колено. Он рухнул на пол, раненой рукой инстинктивно ухватился за рану, но тут же привстал и снова выставил вперед нож.

Я выстрелил в кисть с ножом, он вскрикнул, нож выпал. Я повесил автомат на плечо, выдернул из кобуры пистолет. Он люто смотрел на меня снизу, а я сделал шаг вперед и с силой ударил по губам рукоятью пистолета.

Звучно хрустнули выбитые зубы, брызнула кровь из разбитого рта, но он сдержал крик боли, глядя в мое лицо.

— Где заложница?

Он прохрипел:

— Догадайся... ты же профессор...

Я увидел по камерам слежения, что по коридору в нашу сторону бегут двое с автоматами.

— Говори быстро, — велел я.

Он бесстрашно взглянул в темное дуло.

— Ты не выстрелишь. Я офицер ГРУ...

Я приставил к его голове ствол.

— Уже нет. Последний раз спрашиваю!

Он сказал люто:

— У тебя рука дрожит! Духу выстрелить не хватит...

Я нажал курок, выстрел грянул глухо, голову чуть откачнуло, с той стороны вылетел целый фонтан из крови и мозгов.

— Вроде не дрожит, — сообщил я.

За дверью раздался топот, я не стал оборачиваться с нацеленным в ту сторону пистолетом, картинки со штатовского метеорологического спутника нет, но я и без него по топоту женских копытцев узнаю Ингрид, подбегающую к двери.

Она охнула, увидев в комнате троих убитых.

— Кто их так?..

— Увидели тебя, — ответил я, — и застрелились. А те двое в коридоре...

— Тоже застрелились, — отрезала она. — Что-нить узнал?

Я кивнул на Демидова.

— Да. Его совесть замучила, успел сказать, куда утащили заложницу. Но ничего не просил передать родным, что странно...

— Здорово, — сказала она озадаченно, — как тебе везет, с тобой даже мертвые разговаривают. Да ладно, не смотри так! Понятно, успел сказать, а потом умер. Ты не пытал?

— Как я мог, — буркнул я. — Хотя человек не мышка, его можно... Но некогда-некогда, вся жизнь такая, спешим, спешим...

Она зябко передернула плечами.

— Не хотела бы я такое видеть... Будем догонять?.. Иди ты уже выдохся?

— Полностью, — ответил я. — Но придется раскупоривать второе дыхание. Не могу же надолго отрываться от работы!.. Мои мышки по мне скучают.

Она посмотрела зло, как это я не считаю это работой, это же и есть самая опасная и нужная на свете работа, дурак какой-то, на мышах зацикленный, ерунду порет, как это можно на них проверять лекарства, что пойдут людям, люди не совсем мыши...

— Там за сараями я видела пару автомобилей, — сообщила она.

— Видишь, — ответил я, — какой я запасливый!

— Ты их просто не увидел, — сказала она обвиняюще. — Пироман несчастный!

— Пироманы все счастливые, — возразил я. — Огонь — это прекрасно!

Глава 10

Перед тяжелой металлической дверью я придержал Ингрид, старательно проработал в голове варианты, наконец толкнул дверь.

— Растяжку ждал? — спросила она язвительно. — Даже запереть не успели!

— Это не значит, — сказал я, — что бегут сломя голову. Заложницу тащат, а кто-то останется для прикрытия.

Ступеньки ведут вниз и вниз, справа и слева холодные каменные стены, пролеты по девятнадцать ступеней, уже насчитал восемь площадок, и снова по девятнадцать, где отчетливо видны на толстом слое пыли свежие следы множества ног.

Ингрид пробормотала в замешательстве:

— Что же это такое...

— Знаю, — ответил я, — но не скажу.

— Бреешь, — отрезала она. — Не загон для твоих мышек, точно.

— Стой! — сказал я страшным шепотом.

Она застыла, выставив перед собой ствол автомата.

— Что-то заметил?

Я прошел мимо, прижав ее к стене, Ингрид тревожно вслушивалась в звуки, что вроде бы доносятся снизу.

— Нет, — сообщил я, не оборачиваясь. — Просто пойду впереди, как и принято в культурных странах ислама. Мы же на чьих землях, забыла?

— Скотина, — сказала она. — У меня чуть сердце не выпрыгнуло.

— Тут выпрыгнет, — сказал я с тоской. — Дикость какая... даже вай-фая нет!

Она оглянулась, глаза на бледном лице стали совсем огромными, как у молодой совы.

— Ты чего?.. Нам только вай-фая и недостает! Как жить?

— Не представляю, — ответил я зло. — Хотя... погоди-ка... Ага, скоро спуск закончится.

— Откуда знаешь?

— Откуда-откуда... От верблюда. Чувствую разницу температур. О термопреферендумах слышала?

Еще площадка, поворот, и после девятнадцати ступеней железная дверь, я остановился, прислушался, проверил мысленно замок, лишь тогда решился осторожно приотворить, высовывая перед собой ствол автоматической винтовки.

Ингрид, похожая на гранату с выдернутой чекой, жарко дышит в затылок, шепнула зло:

— Пропусти вперед!

— Женщина должна идти на два шага сзади человека, — напомнил я. — Если, конечно, не по минному полю.

По ту сторону двери темный, так показалось после яркого света вверху, простор, но глаза приморгались, я рассмотрел каменные плиты под ногами, что уходят вдаль, длинную цепочку ламп...

Она вышла следом, спросила так же язвительно:

— Что, там вай-фай?

— Точно, — ответил я. — Будь осторожнее.

Она посмотрела с недоверием, слишком я серьезен, но вообще-то хотя вай-фая и нет, но попытки выйти на связь засекаю сразу, достаточно включить мобильник, чтобы я увидел, в какую сторону потащили заложницу и в каком месте сейчас.

— Ого... Это куда нас занесло?

— Не занесло, — поправил я, как человек строгой науки, — а сами приперлись... Зачем? На одного больше, на одного меньше... Почему из-за одного человека часто зависит так много?

Она процедила:

— Завидуешь, что от тебя ничего?

Помещение просто исполинское, втрое шире перрона метро, сколько в длину, даже не знаю, все тонет в

темноте, однако по мере того, как продвигаемся, держа оружие наготове, лампы на стенах дают свет. Не слишком яркий, в таких редко посещаемых помещениях экономить нетрудно, но достаточный, чтобы различать даже плитки на стенах.

На полу яркие блики от ламп, камень влажный, как и стены, слева я даже увидел мокрую стену. Ход не оборвался, продолжается, но справа и слева отделились два тоннеля, по которым тоже вполне могли бы ходить поезда метро, но рельс нет, пол идеально ровный, чувствуется армейское строительство, на подготовку к войне и обороне денег отпускается из казны немерено, это не какая-то сраная наука, кому она здесь нужна....

Я порывлся в инете, скользнул в архивы, через пару секунд проговорил изумленно:

— Здесь в прошлом была шахта!.. Для межконтинентальной ракеты. Еще при Хрущеве... Помню о том деле, Пеньковского, кажется... Эта сволочь рассекретила все такие места. Пришлось перебазироваться в другие места, снова тоннели рыть.

Она буркнула:

— Прямо вот так помнишь?

— Деяния отцов не должны быть забыты, — напомнил я ей высокопарно. — Так вам говорят в военной академии, когда вбивают в головы деяния Суворова, Кутузова, Нахимова, слонов Ганнибала?

Она посмотрела в правый ход, затем в левый.

— Зачем они? Не понимаю...

— Для отвода газов, — сообщил я. — Когда ракета взлетает, газы создают такое давление, что даже не знаю... А так уходят по этим тоннелям и где-то за десяток километров, уже остывнув, выходят на поверхность, никем не замеченные.

Она посмотрела на меня с недоверием.

— А ты точно не ракетчик-наводчик?

— Нет, — ответил я, — но хорошо узнал про горячий выхлоп, когда ты спала ко мне жопой. Могу показать ожоги.

Издали донеслись некие звуки, она умолкла, начала прислушиваться так, что уши задвигались, как у хищного зверя. Хотя так и есть, женщины ближе к природе, мне импонируют исследования профессора Журавлевского, что разум появился сперва у самцов, потом через несколько тысячелетий его зачатки начали проявляться уже и у женщин.

— Похоже, — буркнула она, — они пошли не этой дорогой.

— Это точно, — согласился я.

Она спросила с подозрением:

— А ты и рад?

— Еще бы.

— Чему?

— Что не встретили нас кинжальным огнем, — ответил я. — И не перебили. Когда радуюсь жизни, я настоящий либерал! В общем, пойдем быстрее. Вряд ли они полезли в эти места, чтобы выбраться наверх на другом конце.

— Зайдем с другой стороны?

— С другой вряд ли, но хотя бы сбоку... откуда не ждут.

Тоннель повел дальше, но я увидел в стене плотно закрытую дверь из крепкого металла, поверхность покрыта окалиной, как у человека после ожогов, попробовал ее дернуть, не поддалась, поискал всевозможные электронные ключи, тут же распахнул. Все верно, тогда не могло быть замысловатых систем.

Комнаты явно для ремонтных бригад, мелкие, скудно обставленные слесарными столами и двумя токар-

ными верстаками, давно заброшенные, но в последней кто-то недавно был. Не так чтоб горячий чайник на столе, но огрызок булки еще не превратился в камень.

Да и крыс нет, что значит, какая-то защита против них предусмотрена и все еще работает.

Через эти подсобные комнаты шли на цыпочках, я заглядывал в ящики, возле одного остановился.

— Пожалуй, это пригодится.

Она оглянулась, раздраженная задержкой, а я уже вытащил на свет чудо извращенной научной мысли, 40-мм подствольный гранатомет AG36, заряжаемый сбоку.

В фирме Heckler&Koch трудятся настоящие виртуозы, но лучше бы они экзоскелеты для престарелых разрабатывали бы, армия работающих специалистов сразу пополнилась на десятки миллионов человек, но за усовершенствованные экзоскелеты, которые спасают жизнь миллионам, платят в десятки раз меньше, чем за разработку новых пистолетов, винтовок, гранатометов и пулеметов, что убивают миллионы людей...

Я подхватил небольшой деревянный ящичек, Ингрид буркнула:

— С дистанционными?

— Да, — ответил я. — Видишь, какой миниатюрный компьютеризованный прицел? В нем лазерный дальномер и баллистический вычислитель! Стоит примерно, как крупный сервер для нашей лаборатории. Только у нас он один, а таких прицелов здесь куча. На выбор.

Она сказала раздраженно:

— Ты мне нашу военную промышленность не критикуй!.. Не знаю, сколько тебе платит госдеп, но миллион долларов ты получил и от наших... благотворительных организаций.

— Это от швейцарцев, — сказал я нагло. — Прямо из Цюриха!

— Цюрих тоже наш, — отрезала она. — Пусть пока еще не весь. Давай понесу.

Я дал ей ящичек, а сам зарядил гранатомет, он дает прицельную дальность по точечным целям до полутора километра, и свыше двух по площадям, можно прямой наводкой, можно навесным.

У двери я некоторое время прислушивался, Ингрид порывалась выйти, но я придержал.

— Тихо! Заложницу все равно не догнали, теперь не торопись. Она где-то под землей, но я хочу найти ее, а не пулеметную очередь в упор.

Она буркнула:

— Ладно-ладно, нюхай. Специалист...

Дверь отворилась без скрипа, что значит, эти помещения поддерживаются в рабочем состоянии.

Ингрид охнула, мы вышли в настоящий зал, выложен кафелем, похож на дно бассейна. Если здесь круглогодично находился персонал ракетной базы без выхода на поверхность, то да, вполне мог быть и бассейн, чтобы ребята окончательно не свихнулись.

— Красиво, — сказал я.

Она зябко передернула плечами.

— Отвратительно.

— Царство геометрии, — сказал я с чувством. — Абсолютная гармония. Даже свет от тех ламп падает через математически точные промежутки. Эх, тогда же компьютеров еще не было, кто так точно строил?... Придет время, будем о коммунизме сказки рассказывать...

— Страшные?

— Страшные сейчас рассказывают, — уточнил я. — А потом будет перегиб в другую сторону. У нас страна такая широкая, как сказал Достоевский.

— А это кто?

— Музыкант был такой, — ответил я. — Тихо, вон там некое перемещательство...

Она всматривалась изо всех сил, но в полутьме ничего не видно, я тоже не видел, но далекие звуки мой мозг ловит, интерпретирует и складывает в достаточно ясную и законченную картину на основе не только самих звуков, но и едва уловимого эха.

— Ты в самом деле что-то слышишь? — спросила она с недоверием.

— Мы со Стельмахом рождены музыкантами, — объяснил я. — Только он пошел в политику, потому что надо, Ингрид, надо!.. а я в науку, потому что без нее сгинет не только Россия, но и весь мир. Вот так мы и наступали на горлы своим песням.

— Господи, — вздохнула она, — везде одни сумасшедшие. Ты меня не покусаеть?

— Не сегодня, — пообещал я. — Пока инкубационный период... Та-а-ак, они не в командном... Наверное, там что-то все еще важное, не хотят повредить при активной перестрелке... Хорошо-хорошо... ага, устроили засаду вон за той ремонтной мастерской...

— Что там ремонтировали, — пробормотала она, — звездолеты?

— Было время древних титанов, — ответил я. — Стельмах был последним...

— А сейчас?

— Новые стельмахи пока еще очень слабенькие... Тише! Там какое-то еще перемещение... Открой ящик, женщина. Представь себе, что ты верная жена, подающая патроны.

До того места, где огневые позиции, не больше пятисот метров, могу попасть в блюдо, но пока ничего не видно, там погашен любой свет, как, к счастью, и здесь, так что я, стараясь не шуметь, прицелился, нажал на спусковую скобу.

Граната сорвалась совершенно бесшумно, обожаю бесшумные гранатометы, как и вообще бесшумное

оружие, я же тонкий и чувствительный музыкант с ранимой душой...

Ингрид уже протягивает вторую, я выстрелил, первая взорвалась, осветив яркой вспышкой баррикаду из ящиков, бочек и даже блоки массивных станков, а вторую, уже мгновенно вычислив расстояние, я взорвал над головами засевших за баррикадой.

Ингрид подавала и подавала гранаты, каждая наносит ущерб, как авиационная бомба, я выпустил полдюжины, как вдруг Ингрид вскрикнула:

— Там сейчас ад... но заложницу не убьем?

— Даже пальчик не прищемим, — заверил я. — Они что, выставят ее на переднюю линию? Она для них сейчас все на свете... Давай еще одну на дорожку... нет, осветительную, и делаем рывок!

Сделав последний выстрел, я быстро сбросил с плеча гранатомет, винтовку на ремне забросил за спину, Ингрид как-то странно покосилась на мое лицо.

— Ты кто?

— Умный человек в стране... кроманьонцев, — ответил я, в последний момент заменив слово «идиотов» на более цивилизованное. — Ты же видишь, чем занимаюсь?.. Пошли!

Глава 11

Над баррикадой защитников вспыхнуло слепящее солнце, даже нам ярко, я ринулся со всех ног в ту сторону, Ингрид понеслась в двух шагах слева, но быстро отстала, потому что начала сразу стрелять, а я добежал до развороченных баррикад с десятком изуродованных тел, перепрыгнул через попавшиеся под ноги ящики и двинулся дальше уже медленнее, высчитывая, кто где затаился, кто где сейчас выпрыгнет с диким

криком навстречу, и бил короткими прицельными выстрелами.

Дважды подобрал автоматы, сменил рожок и пошел дальше, злой и яростный, чувствуя себя тем зверем, что вторгнулся в изнеженный Рим с надушенными легионерами и режет все живое, иногда насилует, но чаще просто убивает, потому что там прошлая жизнь, обязанная уступить место нашей новой, то ли варварам, то ли сингулярам.

Mark 23 в ладони хорош, настоящее произведение научного прогресса, хотя, конечно, свинство создавать оружие, но, думаю, его было так же приятно творить, как и сейчас пользоваться.

Пригибаясь, стараясь двигаться как можно бесшумнее, мы проскакивали вдоль стен, время от времени ненадолго затаивались, менялись местами, постоянно прикрывая один другого.

Однажды наткнулись на целый отряд, что явно держится обособленно от других, они нас не заметили, мы притаились за бочками, а боевики прочесывают подземелье быстро и четко, пробираются вдоль стен, выпрыгивают уже в полной готовности к стрельбе, двое с автоматами, еще несколько человек сзади в темноте.

Я подумал, с мрачным удовлетворением, что автоматы — это хорошо. Они дают чувство уверенности, но на таком расстоянии служат всего лишь средством устрашения.

Когда ближайшие подошли совсем уж близко, я тщательно прицелился из пистолета, нажал на скобу и поспешно перевел прицел на второго, не дожидаясь, когда первый упадет.

Второй успел инстинктивно открыть огонь в ответ на первый выстрел, но пуля ударила в его открытый

для крика рот, и боевик рухнул на спину, выронив автомат.

В темноте раздались крики, хлестнули две длинные очереди. Несколько пуль звонко ударили по бочкам.

Дождавшись паузы, я ринулся, пригибаясь, вслед за Ингрид. Однажды пробежал через полосу света, тут же застучали автоматные очереди, несколько пуль с неприятным визгом срикошетили от стен и потолка.

Освещение скудное, сюда заходят редко, мы пробежали по выщербленному цементному полу, под стенами, покрытыми крупной кафельной плиткой, несколько бочек, два полотера явно в нерабочем состоянии.

Дальше коридор настолько широкий, что по нему могут носиться не только электропогрузчики, но и «КамаЗы», только потолок низковат. Примерно через сотню метров мозг сразу уточнил, что за спиной сто двадцать шагов, а это значит сто тридцать два метра, могло быть и больше, но мы не все время бежали, дважды переходили на шаг... Опять поворот.

Слева коридор, никаких указателей, я поколебался и потащил Ингрид дальше, пока не увидел нечто вроде командного пункта начальника цеха, то есть приподнятую комнату с широкими окнами и металлической дверью. Само помещение тоже из толстых листов металла, явно его так и перевозят с места на место.

Из выбитого пулями окна раздался голос:

— Ну что, профессор?.. Не знаю, как ты сюда добрался, но здесь ты и останешься!.. заложница у меня, и пистолет у ее виска. Понял?

Ингрид прошептала:

— Нам не успеть. Этот гад выстрелит раньше.

— Эй, — сказал я, — заложница не у тебя.

Он крикнул издевательски:

— Ага, затрясся? Я здесь один, но сюда уже бегут люди со второго участка! Через пару минут будут здесь. Может, высунешься, я красиво всажу тебе пулю между глаз, и на этом покончим? А то здешние ребята такие звери, любят поиздеваться над неверными...

— Если заложница у тебя, — крикнул я, — пусть покажется. Тогда поговорим!

Он захохотал громче.

— Покажется, чтобы ты застрелил?.. Нет уж... но голосок сейчас подаст...

Тут же донесся болезненный женский вскрик. Ингрид злобно выругалась, я молча прицелился в металлическую стену внутри помещения, что отсвечивает слева, моментально рассчитал угол.

Палец боялся нажимать на скобу, но все-таки я заставил сделать усилие. Грянул выстрел, пронзительно вжикнула срикошетившая пуля.

Ингрид с диким воплем ворвалась в каморку, я вскочил следом и увидел, как морпех с нашивками лейтенанта поднимается с пола, из раненого срикошетевшей пулей виска течет кровь. Ингрид остановилась перед ним, держа обеими руками пистолет, нацеленный в голову.

За морпехом в углу сжалась в комок заложница, такая маленькая, что в метр семьдесят и семьдесят восемь килограмм даже не верится.

Я дважды выстрелил, пули ударили его почти в упор, пробив ключицу и грудь, отшвырнули к стенке напротив. Пистолет его остался на полу, сейчас наугад шарил растопыренной ладонью, ничего не видя залитым кровью глазом.

— Сволочь, — пошептал он, — руки кривые...

— А сейчас? — спросил я и выстрелил ему в голову. Ингрид вскрикнула негодуяще:

— Нужно брать живым!

— Зачем? — спросил я. — У нас демократия, наши два голоса с Абигель против одного твоего!

Абигель поднялась на дрожащих ногах, испуганная и с перепачканным лицом, Ингрид сказала ей быстро:

— Все кончилось!.. Мы сейчас отвезем вас в Москву. Или в Швейцарию, куда хотите.

Абигель разрыдалась и повисла на моей берберской жене, как енот на дереве.

Я оглянулся на труп, вообще-то я, как ни пыжусь, еще не постчеловек и даже не трансгуманист, иначе бы просто выстрелил, но человеку присуще позерство и необходимость, чтобы последнее слово было за ним, как будто мало последнего выстрела.

— Уходим, — распорядилась Ингрид властно. Абигель все еще старалась прижаться к ней всем телом, Ингрид ее обнимала одной рукой, похлопывала по спине и плечу, на меня бросила взгляд, полный недоумения.

— Ты чего? — спросил я.

— Как тебе удалось?

— Угол падения равен углу отражения, — напомнил я формулу из школьного учебника. — Рикошетом в висок.

— А если бы он выстрелил?

— Он не целился ей в голову, — сказал я. — Верно, Абигель? Он собирался застрелить нас.

Ингрид кивнула, сейчас для нас важнее побыстрее выбраться, а потом, возможно, задумается, не рисковал ли я все же чрезмерно. Заложница могла оказаться на пути моей пули, но ладно, вдруг да забудет.

Я сам вряд ли смогу объяснить сложный расчет взаимодействия голосов его и самой заложницы в

тесном помещении, многократного, хотя и едва слышимого эха, что дало объемную картинку и позволило точно вычислить как ее положение, так и этого гада, имени которого так и не узнал.

Мозг сработал безукоризненно, куда важнее того, что и трусливые мышцы все же дали возможность нажать на скобу и сделать точный выстрел...

Ингрид покрикивала:

— Быстрее!.. Быстрее уходим!

Она права, стараясь побыстрее удалиться от горящих обломков, но когда отбежали на достаточное расстояние, я сказал быстро:

— А теперь левее!

Ингрид крикнула:

— А что там?

— Возможно, выход, — сообщил я. — По крайней мере, спутники показывают там аномально теплый воздух.

— И ты запомнил?

— Да, — ответил я гордо, — я же ума палата!

Пробежали через просторное, просто исполинское помещение, отданное под свалку старых вещей, что еще могли бы послужить после простенького ремонта, но, как понимаю, раньше все руки не доходили, а потом спустили сюда, чтобы когда-то, когда будет возможность, все исправить, но возможность так и не пришла.

Я торопливо двигался вдоль рядов офисной техники под стенами, понимаю что это, как работает, но вот как возродить в современных условиях, не представляю, сейчас мир иной, и техника иная.

Абигель по-мышьиному тихо и пугливо перебегает вдоль стены, держась в двух шагах от меня.

— Неужели нас все еще преследуют?!!

— Еще как, — заверил я.

— Вы же столько совсем убили... Почему они от нас не отстанут?

Я ответил равнодушно:

— За неделю получают столько, сколько я за год.

Ингрид сказала Абигель:

— Не слушайте. Он говорит так, будто в мире уже не осталось ни совести, ни чести. Не все в деньгах меряется!

Я сдвинул плечами.

— Почему же... на нижних уровнях есть и честь и совесть. Хотя бы остатки. Но вот в тех кругах, где принимают решения, там нет точно. К счастью! Там только точный деловой расчет. Я говорю о правительстве любой страны. Шокированы? Да что там правительство... Любой директор, от которого зависит сотня человек на его обувной фабрике, уже принимает решение так, будто за него считает компьютер. Если бы он руководствовался чувствами, все рухнуло бы очень быстро...

Ингрид воскликнула:

— А ты?

— Я хочу счастья всем, — сообщил я. — Но всем дать нельзя, так как у многих желания часто жопа о жопу и кто дальше прыгнет. Потому выбираю вариант, когда счастье получит наибольшее число людей. Конечно, говорю про умных. А остальными приходится пренебречь. Даже если их большинство.

Далеко позади слышались крики, лязг, словно за нами пустили танк.

Я посерьезнел, сказал торопливо:

— Ингрид... тебе придется прикрывать наш отход. Продержись минут десять, потом отступай вот по этому ходу.

Она спросила резко:

— Какому?

— Прости, — сказал я виновато. — Вот дыра... Абигель, полезайте.

Абигель проговорила заячьим голосом:

— Но там темно и грязно... И наверняка крысы!

— А здесь вас изнасилуют десяток бандитов, — пообещал я, — а потом изрежут ножами. Так, для смеха. За нами гонятся не элитные группы из ГРУ, а простые бандиты и мародеры. Что, с одной стороны, и хорошо... Замечательно, если бы еще и обкуренные...

Она вскрикнула и полезла в отверстие в стене, что всего лишь труба для слива нечистот. К счастью, ею не пользовались уже десятки лет, там не только все засохло, но и окаменело, можно продавать в британские музеи как окаменелые экскременты динозавров.

Глава 12

Связи со спутниками нет, но карту помню, выход на поверхность через несколько десятков метров, хотя не думаю, что эта труба приведет нас именно туда вот так сразу, не для того она предназначена.

— Стойте! — сказал я. — Прижмитесь к стене... Вот так... Нет, насиловать не буду, не мечтайте, теперь пойдете назад...

— Ох, — проговорила она упавшим голосом, — это еще не все?

— Мы должны соблюдать местный этикет, — напомнил я. — Женщина идет позади человека.

Вжавшись в стену металлической трубы, она пропустила меня вперед, сказала сердито:

— Кто нас видит?

Я напомнил:

— Леди, входя даже в абсолютно пустую комнату, должна вести себя так, словно вдоль всех стен сидят джентльмены и смотрят на нее.

— Древние правила, — буркнула она. — Допотопный век! Теперь джентльменов нет.

— Может быть, потому, — поинтересовался я, — что исчезли леди?

С конца трубы, к которому продвигаемся на четвереньках, донеслись рокошующие звуки, словно проехал старенький трактор. Медленно появился и начал разрастаться рассеянный свет.

Я осторожно приблизился к краю, быстро выглянул и тут же втянул голову обратно как улитка под панцирь, но побыстрее. Мне достаточно, картинка схвачена и во всех подробностях разместилась где-то в уголке моего мозга, могу доставать в любое время и рассматривать как угодно долго, как хороший четкий снимок.

Труба обрывается в стене на некоторой высоте, где-то метра два до пола, назначение не совсем понятно, то ли служила воздуховодом, то ли был водопровод, а то и в самом деле канализация, но за десятки лет многое сломано, разворовано, что-то растащили, а что-то и само обрушилось...

Внизу просторное производственное помещение, даже за одной-единственной межконтинентальной присматривал целый штат, а сейчас вот проехал грузовик, старый «ЗИЛ», такие были в ходу в 50-х, в 60-х их уже начали замещать на более мощные армейские, так что понятно, боевики приспособили то, что еще работает, а здесь у них тайная база.

— Что там? — прошептала она за спиной.

— Тихо, — предупредил я. — Что-то производственное. Из него есть выход наверх, где свобода нас примет радостно у входа... Но подниматься придется в лучшем случае по крутым ступенькам. Иначе они бы спустили сюда хотя бы «Хаммер», а не катались на допотопном грузовичке, что вот-вот рассыплется... Как только скажу: вылезай, не задерживайтесь, поняли?

Она кивнула, а я, выждав, пока грузовик остановится за циклопического вида сооружением, а боевики побегут туда загружать или сгружать, быстро слез и повис на руках, прыгнул, и сразу же над краем показалась ее голова и тут же отпрянула.

— Ой, высоко...

— Оставайтесь там в говне, — предложил я ласково. — Но вас и в говне изнасилуют, тут одни мужчины, озверели без ледей...

Она торопливо и неуклюже повисла на руках, а когда прыгнула, я ощутил, что не удержу, и оба свалились за грудой мусора.

По ту сторону послышался шум приближающегося автомобиля. Она начала раздуваться для мощного чиха, я с силой зажал ей рот и прошипел на ухо:

— Только чихни!.. Сам убью.

Она с великим трудом переборола рефлекс, я дождался, когда шум удалился, осторожно выглянул, сфотографировав взглядом ангар с другого угла.

Мозг торопливо и с готовностью просчитывал размеры, функциональность, правильность расположения агрегатов, сравнивая со старыми фото и схемами расположения прежних ракет, наконец выдал ответ: кроме мощного подъемника, есть еще и выход для персонала, эта комната на той стороне ангара.

Я сказал страшным шепотом:

— Абигель, теперь за мной!.. Лучше так, чтобы касались моей спины, понятно?..

Она часто-часто закивала.

— Да... но они нас не убьют?

— А нас за что? — изумился я.

Она побежала, прячась за мной, как за щитом, я начал торопливо стрелять, точно высчитывая наиболее опасных, трижды подхватывал у рухнувших боевиков оружие, быстро проверял заряды и тут же стрелял.

— Да сколько же их! — прокричала она в ужасе.

— Восемь миллиардов, — заверил я. — И почти все такие... потомки обезьян.

Она пропищала:

— И всех хотите убить?

— Со временем, — пообещал я. — Так или иначе... они умрут.

— Вы чудовище!

— Просто трансгуманист, — ответил я скромно. — Сейчас это восходящий тренд. Не высовывайтесь, держитесь ко мне плотно. В меня не попадут, понятно?.. Значит, и в вашу нежную плоть. Вы же спортом не занимаетесь?

— Вы холодное злое чудовище, — определила она. — Что-то вроде крокодила.. нет, еще страшнее. Вы сколько человек убили?

— Ни одного.

— Что? А за нами гора трупов...

— А их не вы убили? Точно?.. А то у женщин такая жуткая слава... Ну ладно, не расстраивайтесь, даже если вы убили. Просто живая сила противника. Люди — это мы с вами. Хотя насчет вас не уверен, но так считать пока удобнее... Присядь!

Я выставил в щель между ящиками винтовку и стрелял одиночными, не давая никому даже поднять голо-

вы. Наконец в трубе показалась голова Ингрид, тут же увидела нас, я залюбовался, с какой грацией выпрыгнула и ринулась к нам.

Бежать ей пришлось сильно пригнувшись, а возле нас с некоторой натугой разогнула застывшую спину, сразу же дико посмотрела на обоих.

— Ну вы и звери! Там одни трупы.

Я отмахнулся.

— Да ладно, пили кофе без сахара.

— Откуда видно?

— Да какие-то подозрительные, — сообщил я. — Не понравились они мне. Точно, говорю тебе, такие пьют без сахара! Пойдем, я знаю где...

Пули ударили над головами. Ингрид тут же ответила короткой очередью, я присел за ящиками, мозг с ликованием проделал точный расчет и хвастливо выдал в виде красочной картинки: сколько там человек, у кого какое оружие и кто где находится.

Изготовившись, я быстро поднялся, выстрелил трижды и тут же нырнул обратно под защиту ящиков.

Ингрид спросила с подозрением:

— Что, попал?

— Не знаю, — ответил я, — но не выстрелить как бы неловко рядом со стреляющей самкой.

Мозг заново переформатировал картинку, там на троих меньше, осталось пятеро, я высунул ствол и, почти не приподнимаясь, выстрелил дважды.

Ингрид прислушивалась, спросила внезапно:

— Это ты в кого-то попал или решили нас обойти?

— Легли отдохнуть, — сказал я. — А трое оставшихся в погоню на открытом месте не рискнут. Пойдем! Бери женщину.

Ингрид метнула в мою сторону злой взгляд, она как бы не женщина, но спорить некогда, я начал вы-

двигаться в сторону, куда подсказывает память, а они обе, пригибаясь, побежали за мной.

Я уже видел ту массивную металлическую дверь, за которой ступеньки наверх, на чистый воздух и под открытое небо, но к боевикам, похоже, прибыла группа на помощь.

Сгоряча бросились в погоню, отважно и безрас судно нарываясь на пули, но у человека с оружием в руках уровень ай-кью всегда резко падает, зато инстинкты ржут и бьют копытами, что в данном случае мне на руку, мой ай-кью, если даже упадет, все равно будет как Эверест над Марианской впадиной моего прошлого уровня.

Ингрид тащит Абигель, та то и дело падает, я слышал грубую брань силовички, но смотреть за ними некогда, за нами взрывы и взлетают фейерверки огня, нужно успевать отстреливать на огненном занавесе эти темные орудия фигурки.

Дверь налетела на меня с разбега, но открывается на меня, я дернул и пригнулся, над головой звонко щелкнули о металл три пули, а за спиной прострелотал автомат Ингрид.

Я встал в открытом проеме и быстро-быстро отстреливал тех, кто только начинал поднимать автомат для стрельбы. Ингрид протащила мимо Абигель, я выждал несколько секунд и захлопнул дверь, и тут же о металл со злым визгом разочарования застучали пули.

Увы, малокалиберные, современные автоматы работают по принципу «лучше попасть мелкой пулей, чем промахнуться крупной», в тренде ставка на количество и скорострельность, потому на убийство человека и тратится семьдесят тысяч пуль, с ума сойти, дикое расточительство, человек столько не стоит, особенно тот, у кого в руках оружие, а если еще и носит

погоны, такого вообще можно лопатой по голове, чтобы патроны сберечь...

Лестница старая, штукатурка со стен обваливается от сырости и плесени, женщин уже не видно, но по топоту копыт могу сказать точно, кто на какой ступеньке, Ингрид бежит впереди, покрикивая на отстающую заложницу, та изо всех сил спешит, все чаще спотыкаясь и падая.

Когда впереди забрезжил уже солнечный свет, проникая в щель под дверью, я догнал Абигель, потом Ингрид, сказал тихо:

— Замрите. Вряд ли выход где-то в горах. Скорее всего, здесь тоже охраняемые места.

Ингрид сказала со злостью:

— Господи, когда же это кончится.

— Уже близко, — успокоил я. — Сегодня же будем в Москве. Правда, ночью.

Прислушался, но тихо, медленно приоткрыл дверь, в щель видно выжженное солнцем пространство, а на расстоянии полукилометра приземистые домики, что могут служить неплохой маскировкой, но если там окажутся боевики, тоже не удивлюсь.

Ингрид не успела хрюкнуть за спиной, а мой мозг, хватая информацию отовсюду, куда дотягивается, моментально выдал красочную карту со спутника и представил по ней фигурки боевиков.

— Иди сюда, — велел я, — смотри, женщина!.. в этих домиках есть люди, но о нас не знают. То ли связи нет, то ли это... иные. Не в смысле, инопланетяне, а иные группы. Конкурирующие или еще как, нам неважно.

— А чего мы тогда сюда лезли?

— Нам стоит перебраться вон в тот большой кирпичный дом, — сказал я, — двухэтажный! Через дорогу

и влево, видишь? Там за ним два внедорожника. Одно-го, как мне кажется, нам хватит.

— Ни черта не вижу!.. И дороги никакой нет.

— Тогда иди за мной, — посоветовал я. — Как и положено самцихе за самцом. Не забудь заложницу.

Ингрид огрызнулась устало:

— Она уже не заложница. Идем-идем!.. Поведешь Абигель, а я буду прикрывать.

Я сказал испуганно:

— Что?.. Я?.. Да я и сам не знаю, как побегу, ты такая антилопистая, будто гну какая. Нет уж, сама веди. Ты и вести сможешь, и отстреливаться. А мне бы только поспевать...

Она фыркнула.

— Не прибедняйся, стрелять тоже умеешь. В школьном тире мелкими пульками? Ладно, но тогда иди сзади. Если что, кричи погромче.

— Это да, — сказал я. — Это я умею.

— Готов?

— К чему? — крикнул я опасливо.

— Пошел! — заорала она и, держа Абигель за руку, выскочила наружу, уже там на бегу перехватила автомат двумя руками, а заложница побежала, пригибаясь за ее спиной.

Я бросился следом, готовый стрелять в тех, кто высунется хоть чуть, и в самом деле там поднялась одна голова в бурнусе. Я еще не видел, что у него в руках, но мозг оценил напряжение мышц его плечевого пояса и стойку, сразу выдал картину автомата в руках, я торопливо выстрелил на бегу.

Ингрид оглянулась, я заорал:

— Не останавливаться, Фатима!

Она чуть сдвинулась на бегу, обходя поставленные один на другой ящики, все-таки прикрытие, напуганная заложница не отстает, я крикнул снова:

— Прикрываю!.. Не останавливайся!

Она поняла правильно, даже поверила, продолжила бег мелкими из-за ковыляющей сзади, как старуха, заложницы, но быстрыми шажками, а я усилил стрельбу, надеясь, что Ингрид не заметит, что после каждого моего выстрела кто-то на той стороне стрелять перестает... хотя теперь уже неважно, насмотрелась достаточно, будут вопросы...

Я стрелял одиночными, мозг спешно просчитывает все варианты, слишком много открытого пространства, укрытий почти нет, а к этим местным с каждой минутой прибывает подкрепление.

— Пошли! — крикнул я. — Я прикрываю!

Ингрид дернулась вперед, волоча за собой заложницу. Я торопливо отстреливал всех, кто высовывается и готовится дать очередь, а когда она присела впереди за бетонной плитой и махнула мне, что прикрывает, я бросился вперед, но продолжал стрелять на бегу, мозг уже рассчитал мои шаги и движения, дал команду, как именно стрелять, чтобы синхронизировать с быстрыми шагами...

Она озверело поливала очередью всех, кто высовывается, я присел рядом и крикнул:

— Побереги патроны, они деньги стоят!

Она не поняла, огрызнулась:

— Чего?

— Твои каждый по четыре доллара!

Она сказала быстро:

— Я прикрою, иди вперед!

— Страшно, — ответил я. — Иди ты.

Она поморщилась, однако сразу побежала, сильно пригнувшись и стреляя на бегу, а я снова холодно и точно стрелял в каждого, кто высовывался хоть в полглаза.

Наконец они с Абигель вбежали в распахнутые двери, и, как я успел заметить, Ингрид сразу остановилась там, поводя по сторонам стволом автомата.

Я стрелял на бегу одиночными, Ингрид могу сказать, что длинными не умею, хотя не поверит, теперь уже точно не поверит, ну да ладно, как-то вывернусь...

Глава 13

Когда до здания оставалось шагов пять, из окна первого этажа яростно застрочил автомат. Пули пронеслись над моей головой, я успел увидеть темный платок Ингрид.

Ворвавшись в здание, я поспешно захлопнул за собой дверь и задвинул засов. Из ближайшей комнаты донесся крик:

— Мы здесь!

— Все наверх! — прокричал я. — Последний парад наступает!..

Вряд ли она оценила размах моей эрудиции, но вытащила Абигель, я пронесся, как горный козел, на самый верх, торопливо подбежал к окну, и как раз вовремя: к входу несутся трое боевиков, а за ними еще десяток.

Я торопливо выстрелил дважды, рука и прицел у меня, как у терминатора, и трое упали на бегу, остальные еще бежали, но я продолжал огонь, на земле остались еще четверо, остальные бегом вернулись обратно и схоронились за ящиками.

Ингрид заняла место у соседнего окна, Абигель присела в дальнем углу и согнулась в грязный неопрятный комок.

— Машины на той стороне дома? — спросила Ингрид. — Так чего мы взбирались на третий этаж?

— С той стороны тоже боевики, — нехотя сказал я. — Не успеем даже сесть... Держи пока что оборону, что-то да придумаем.

Абигель прокричала из угла:

— Нас окружили? Нам не выйти?... А-а-а-а, нас всех убьют!

Я обвел стены быстрым взглядом. Здание не только вчетверо шире обычных жилых, здесь еще и стены не из каких-то кизяков, а добротная кирпичная кладка в три ряда, богатый человек строил, не скупился на расходы.

Ингрид это оценила, дом за исключением входной двери и окон цел, даже оконные рамы уцелели, потеряв только стекла, а внутри осталась мебель, хотя диваны в едва заметных следах недавно пролитой крови, а постель кто-то непонятно зачем потыкал штыком.

Хотя какие теперь штыки, значит, ножом, что вообще непонятно...

Видимо, я сделал усилие понять, потому что услужливый мозг, изнемогающий от желания выказать мне свою любовь и жажду помогать, тут же собрал все мельчайшие фрагментики мозаики и нарисовал несколько сцен в этой спальне, когда здесь застали двоих, потыкали ножами в подушки, делая вид, что вот-вот убьют, потом выволокли в другую комнату, но там все-таки убили, потому те пятна крови...

Это что же, я могу восстанавливать в воображении, как кого-то убивали... если, конечно, осталось достаточно много улик. Пусть их мало для криминалистов,

но достаточно для моего мозга, что аж пищит от желания работать, искать и находить, раскрывать тайны... дурак, вот бы так работал над тем, как добиться бессмертия... но тут сразу прикидывается полным дураком, который даже не понимает вопроса.

Ингрид, не отводя взгляда от пространства с окружившими нас боевиками, буркнула:

— Что-то надумал, Пифагор?

— Сколько же ты патронов извела, — ответил я с укором. — Какой ущерб стране и народному хозяйству!.. А на борьбу за бессмертие и вечное здоровье для всех вечно нет денег!

— Это трофейное, — заверила она.

Я покачал головой. В ее руках автоматическая винтовка MDR калибра 7.62x51, не самая новая, но зато бьет дальше и, главное, пробивает любые бронежилеты, хотя в данном случае боевики обходятся без них.

— Это штурмовая винтовка, — сказал я, — которые недотепы называют автоматом, выпущена на «Desert Tech», стоит двенадцать тысяч долларов, а каждый патрон восемь долларов, в рублях вообще не вышепчу.

— За эти автоматы заплатили валютой наши противники, — объяснила она. — Думаешь, народные деньги просто так уходят на танки и самолеты?.. Мы их продаем за сумасшедшие суммы, а на чаевые субсидируем науку.

— А-а-а-а, — сказал я, — тогда нужно больше танков делать. А наши ядерные бомбы нельзя кому-то продать?

— Можно, — ответила она, — но нельзя.

— Жаль, — сказал я, — тогда бы точно на сто наук хватило. И народ бы ломился в ученые, а не в менеджеры.

Там во дворе вспыхнула безобразная стрельба, отвратительно грязная, как на взгляд ученого, впечатление такое, что им просто нравится стрелять, в восторге, когда в ладони зажат приклад автомата или рукоять пистолета, и тот вздрагивает и отпрыгивает при выстреле, а его надо удерживать, как норовистого коня.

Ингрид выпустила длинную очередь, но покосилась на меня и начала отвечать короткими, но все же очередями.

Я по-прежнему стрелял одиночными, зато достаточно точно, а если пуля из моей винтовки попадала не в голову, а в шею или грудь, у меня такое чувство, что рядом громко и отвратительно поскребли острием ножа по стеклу.

Правда, такое случалось очень редко, мозг хорошо контролирует тело, рука у меня как у Шатерхенда. Я нажимал курок и видел, как пули с наконечником из закаленной стали разбивают головы, а если кто в бронежилете, в тех оставляют дыры, погружаясь на ладонь в живую плоть...

...и ни малейшего сожаления или чувства вины, как должен бы чувствовать.

Ингрид прокричала:

— Что с тобой?

Я переспросил:

— А что не так?

— Ты застыл, — крикнула она. — Про мышек вспомнил?

— Все мы только мышки, — ответил я. — Блин, все-таки мы попали...

Они выскочили со всех сторон, раздались частые выстрелы, пока еще торопливые, но пули влетают в окна и бьют в потолок, со звоном разлетелось стекло,

взвизгнуло какое-то железо, что-то звякнуло от срикошетившей пули.

— Продолжай, — велел я Ингрид, — я на ту сторону!

Немного опоздал, они уже бегут наверх по лестнице. Я торопливо хватанул гранату, выдернул чеку и, чуть выждав, бросил вниз на лестничный пролет.

Там грохнуло, раздались крики, я приготовил еще одну и бросил снова туда же, стараясь попасть ниже.

Мозг работает в турборежиме, а медленное тело выжимает из себя все, на что способно: я быстро целился, стрелял, переводил прицел на следующего боевика и нажимал на скобу.

Это потом я понял, что для них я двигаюсь невероятно быстро, настолько быстро, что попасть в меня можно было только случайно, а мои одиночные выстрелы звучат почти как автоматная очередь, и там сраженные моими пулями падают, как подрубленные деревья.

За спиной Ингрид тоже стреляет короткими очередями, а я на своей стороне дома перебегал от одного укрытия к другому, сейчас главное — не дать им приблизиться, от пули я могу рассчитать, как уйти, но не от осколков гранаты.

Один все-таки швырнул, однако я успел попасть в нее пулей в тот момент, когда только-только выскальзывала из его ладони...

Еще трижды бросали гранаты, и трижды расстреливал в воздухе, трупов стало еще больше, наконец поняли, что нас вот так не взять, нужно либо бомбить, а где взять самолеты, либо из танка, но и танков у боевиков пока нет, хотя... хотя есть гранатометы.

Если мне пришла такая мысль, то думаю, они додумались еще раньше, теперь вопрос только в том, через сколько минут во все окна полетят снаряды.

Ингрид, наконец-то экономя патроны, стреляла уже вовсе одиночными, целясь тщательно, повернула ко мне ожесточенное лицо.

— Господи, сколько же их!

А в самом деле, мелькнула у меня злая мысль. Прут, как тараканы, нет им числа. Не нужно даже прицеливаться, все равно не промахнешься, не тот, так другой, какая разница, такие не нужны...

Я швырнул из окна одну за другой две гранаты, они покатались под ноги атакующим.

Ингрид вскрикнула:

— Да где ты их...

Грохнули один за другим взрывы, сухие и неэффективные, никакой пиротехники, но с десятков боевиков разметало в клочья, а более удаленные рухнули на землю, кто пытался отползти, кто корчится от невыносимой боли на том же месте.

— Если пришлют сюда еще людей, — крикнула она, — нам крышка!

— Не пришлют, — буркнул я.

— Почему?

— Уже знают, что нас всего двое.

— Не захотят позориться?

— И это тоже, — согласился я. — Меняй огневую точку!..

Она поднялась и отбежала к другому окну, на миг показавшись в открытом пространстве, а двое боевиков, что приподнялись, намереваясь достать автоматными очередями, одинаково откинулись назад, получив от меня по пуле в лоб и в переносицу.

У второго был бы шанс, приподнимись одновременно с первым, а так я сперва всадил пулю в лоб того, кто вскинул автомат на долю секунды раньше, а потом

выстрелил во второго, и у него как будто появился третий глаз между двумя прежними.

Ингрид крикнула задорно:

— Я на это и рассчитывала!

— На что?

— Я тебя раскусила, криворукий ты наш!

Я повернулся к Абигель, она трясется крупной дрожью и смотрит на меня с ужасом.

— Абигель, — сказал я строго, — слушайте внимательно. Вы все время сидели в подвале связанная и с мешком на голове! Потом, когда вас вытащили, все были убиты, а вы видели только нас!

Она судорожно закивала, еще не понимая, что и зачем это говорю сейчас, а я пояснил:

— Иначе, — сказал я зловещим голосом, — вас будут таскать на допросы, а потом и пристукнут вроде нечаянно за то, что слишком много видели!

Она вскрикнула жалобно:

— Я все время сидела в мешке! И ничего не слышала. И не видела! И сейчас ничего не слышу и не вижу!

— На этом и стойте, — одобрил я, коснулся пары клавиш, через несколько долгих секунд на экране смартфона возникло ошарашенное лицо Левченко.

Он всмотрелся в меня с великим изумлением.

— Это вы... Как?.. Откуда?.. У нас засекреченный канал!

— Старая система, — сообщил я. — Ломают даже школьники. Но давайте о деле. Нас тут окружила достаточно большая банда. Руки отвялятся всех перебивать...

— Где вы?

— У выхода из заброшенной ракетной базы, — отрезал я. — Как раз, где в полукилометре расположи-

лись боевики аласийцев. Было бы неплохо, чтобы они отогнали этих вопящих и стреляющих дикарей...

Его лицо дернулось.

— Почему вы решили...

Я прервал:

— Майор, нет времени. Я прекрасно знаю о чьих-то связях с аласийцами. Могу предоставить журналистам сколько и чего им передано из вооружения... так что пусть просто вытеснят напавших со своей территории. А мы промолчим.

Ингрид прокричала от дальнего окна:

— Ты с кем разговариваешь?

— Сам с собой, — прокричал я. — Приятно поговорить с умным человеком!

Глава 14

Все-таки банда ворвалась в здание, не считаясь с потерями, Ингрид прикрывала Абигель во внутренних комнатах, а я быстро стрелял из пистолета, экономя патроны, потом отступал и давал им пройти по квартире до самой спальни, тут же переходил в наступление, подхватывал автоматы из еще теплых ладоней и стрелял вдоль коридора и лестницы, усыпая новыми трупами пол и ступени.

Потом сквозь грохот выстрелов уши поймали шум работающих моторов тяжелых автомобилей, раздались яростные крики, затем снизу донесся властный голос:

— Свои!.. Не стреляйте!

Наверх взбежал массивный и рослый бородач, с автоматом и в камуфляжной форме, но типичный ала-

сиец, даже повязка зеленая, где кроме «Аллах акбар» еще и эмблема гордого аласийского народа.

Быстро окинув комнату, заваленную трупами, где кровь растекается и растекается все шире, он посмотрел на меня с великим уважением.

— Ты великий воин, — сказал он по-русски, хотя и с сильным акцентом. — Ты сражался доблестно, однако даже не ранен!

— Предпочитаю оставлять раны на врагах, — ответил я и добавил, — мужчина силен, если за спиной стоит верная женщина и подает патроны.

Из внутренних помещений вышла Ингрид, гордая и прекрасная, сердце мое сжалось, левая половина лица в крови, но, к счастью, уже не течет, быстро сворачиваясь и засыхая на щеке.

Вожак аласийцев сказал ей с сочувствием и почтением:

— Честь и слава женщине, что сражается рядом с мужем. Вы ранены...

Она отмахнулась.

— Царапина. Но платок, мерзавцы, испортили.

Он поклонился.

— Вы их наказать сумели. Нам почти ничего не пришлось делать. Остатки разбежались.

— Они испугались одного вашего вида, — сказал я вежливо, — и вашей мощи.

Он снова покосился на Ингрид, она поправила платок и стоит с опущенной головой, женщине непристойно смотреть на мужчин прямо.

— Ты счастливый человек, — сказал он мне с чувством. — Всякий бы хотел иметь такую женщину.

Он прочувственно поклонился Ингрид, сделал рукой почтительно прощальный жест, что-то из восточного фольклора, и быстро вышел из комнаты.

Слышно было, как торопил своих головорезов покинуть здание, вдруг да бандиты захотят отомстить, вернуться с новыми силами, нужно быть наготове...

Ингрид спросила шепотом:

— Чего это они...

— Что, почему хотели бы иметь тебя?

— Не меня, — огрызнулась она, — а такую!.. И насчет иметь ты что-то не так понял, мозг у тебя уже не тот. Так чего?

Я сдвинул плечами.

— Восток — дело тонкое. А я западник.

— Свинья ты, а не западник! Мерзкая западная свинья. Даже свинтус!.. А-а-а, вон кому ты звонил!

Рядом со зданием на мгновение завис вертолет, тут же на тросах сбросили вещмешки, а следом за ними начали спрыгивать десантники, быстро-быстро скользя по этим нитям, черные и страшные в футуристическом снаряжении.

Соскочившие первыми тут же разбежались по периметру и присели с оружием в руках, целясь во все стороны, а в центр продолжали соскальзывать все новые и новые бойцы.

Она сказала мне сердито:

— Не ржи. Действуют по инструкции.

— А мне нравятся военные, — ответил я откровенно. — Хорошо и спокойно с людьми, чьи действия выше таблицы умножения не поднимаются. Все заранее известно, депутаты Госдумы таких любят...

— Таких все любят, — редко сказала она.

— Даже в демократическом мире, — согласился я. — И стараются весь мир превратить в таких предсказуемых и управляемых...

В коридоре прогремели быстрые тяжелые шаги, в комнату вбежал Левченко, уже в боевых доспехах морпеха, за ним целый отряд с автоматами наперевес.

Он воскликнул с огромным облегчением:

— Все целы? А заложница?

Я указал большим пальцем за свою спину.

— В спальне, где еще быть женщине? Все в порядке. Напугана, однако даже без царапин.

Он вздохнул с облегчением.

— Прекрасно... Ох, капитан Волкова! Вы ранены?

Ингрид ответила с надменностью:

— Кожу царапнуло, но платок придется покупать новый. Спасибо за оперативность.

Он развел руками.

— Увы, не за что. Вы все сделали сами... Семигоров, Крупняк! Быстро женщину в лазарет... Да не эту, это капитан, а не женщина, а вон ту, в спальне. Как верно сказал профессор, где женщине еще быть? Прямо в санчасть, пусть на всякий случай посмотрят...

Двое морпехов с изумлением посмотрели на такого профессора, как-то с детства полагали, что профессора выглядят иначе, подхватили Абигель под руки и увели так энергично, что она почти не касалась ногами пола.

Левченко снова повернулся к нам.

— Спасибо, вы проделали огромную работу. Я просто не ожидал, что у вас такое получится.

— Мы тоже, — признался я. — Где-то дико везло, где-то местные помогали.

Он оживился.

— Местные? Кто?

Я покачал головой.

— Нет уж, это мои друзья, не дам впрягать их в вашу колесницу.

К Левченко подбежал младший офицер.

— Товарищ майор! Сюда на большой скорости не-
сется целая колонна машин. Полно боевиков!

— Уходим, — велел Левченко. — Все уходим. Капи-
тан, профессор... вы в первую очередь!

— После заложницы, — уточнил я.

— Она уже в вертолете, — крикнул он. — Быстрее,
быстрее!

Мы выскочили вместе с окружающими нас, мы же
гражданские, а десантники торопливо погрузились,
вертолет с натугой прыгнул вверх и спешно понесся
над домами, рискуя получить в пузо стингер, но еще
опаснее задержаться на несколько секунд, у боевиков
в машинах стингеры точно есть, а взлетающий могут
достать даже из гранатомета.

У Левченко на его базе мы с Ингрид после сытного
обеда с наслаждением пили кофе, сам хозяин расстег-
нул воротник на одну пуговицу, большей вольности
себе не позволил, даже пояс не ослабил, хотя, тоже
проголодавшись, перекусил всласть.

Я сижу спокойно, головой не верчу, но уже пони-
маю, что в прошлый раз мне показали здесь только
кончик верхушки айсберга. Сейчас вижу почти всю
верхушку, то есть понимаю, что это не просто поле-
вой блиндаж, каким его должны видеть со спутников,
чтобы не принимали всерьез, а настоящее укрепление
в скальном грунте, где ярусы этажей уходят на пару
сот метров вглубь, а грузовой лифт в случае необходи-
мости поднимет из тоннелей тяжелую технику.

— За внучку Стельмаха не волнуйтесь, — произнес
он успокаивающе. — С нею сейчас беседует наш пси-
хотерапевт. Процедура такая. Вам, понимаю, он ни к
чему.

— Если психотерапевту нужна помощь, — сказал я скромно, — могу побеседовать. С психотерапевтом.

Он засмеялся, широкие коржики, характерные для этих мест, звучно захрустели на его крепких зубах.

— Да вы побеседуете... Вон сколько уговорили! Все здание кровью пропитается. Прямо Шекспир!.. Это только у него гора трупов в конце каждой пьесы, а сцена залита кровью. Как говорят наши эстеты, для быдла творил.

Ингрид подумала, поинтересовалась:

— Сцена? Значит, он пьесами занимался?

Левченко кивнул, посмотрел на меня уже серьезными глазами.

— Мне все чаще кажется, мы не на той стороне. А вам?

Ингрид спросила:

— Должны быть на стороне халифата?

Он усмехнулся, покачал головой.

— Напротив. С халифатом тоже боремся недостаточно. Говорим про успешные действия, а уже три города вдоль границы захвачены бандами ИГИЛа. Пусть городки мелкие, пусть там народ чем-то недоволен русскими, но все равно это наша страна!.. Я знаю проблему с вашим Стельмахом. Нет, подробностей не знаю, тем более не видел документов, но слухи, слухи среди нашей секретной службы... Я, честно говоря, обнародовал бы, как было на самом деле! Пусть умоются, сволочи.

Он посмотрел на меня пытливо, я понял вопрос, развел руками.

— Думаете, я не хочу? Мне тоже хочется злорадно крикнуть, что госдеп нас вовсе не победил. Сами повзрослели и поняли, что лозунг, который везде тогда висел «Мы придем к победе коммунизма», все-таки

верен, мы придем, но не в этот раз. Слишком рано начали. Человек пока еще животное, еще очеловечивать и очеловечивать. А сейчас... отказавшись от строительства коммунизма и сбросив с себя тяжесть дотационных республик, Россия не только сумела вздохнуть свободнее, но и очень ловко подставила Европу и Америку!.. Те, пользуясь моментом, начали жадно хватать отпавшие от бывшей империи куски и делать их членами Евросоюза...

Ингрид, которая Стельмаха слушала очень внимательно, сказала Левченко с важностью:

— А Штаты, у которых аппетиты глобальнее, начали хватать все, что оставила Россия по всему миру. А та тоже не успела опомниться, как у нее начал трещать хребет от непосильных нагрузок. Их главная беда, что и привела к краху, в непомерном чванстве! Они так усердно доказывали всему миру, что это не СССР развалился, а они своей мудрой политикой развалили, победили, сокрушили и вообще уничтожили советскую империю, а вместе с нею и всю коммунистическую идеологию, что сами в это поверили!

Он молчал, не убежденный еще, я сказал с мягким нажимом:

— На это в КГБ и рассчитывали! В упоении «победой» западный мир потеряет осторожность, не станет учитывать трагический опыт Советского Союза... в самом деле, чего учитывать опыт побежденных?... и попадется в расставленную для него ловушку. Это долгосрочная стратегия. В масштабах страны, тем более, мировых, иначе не бывает!

— Гм, — сказал он, — что-то не вижу, что они там уже подымают в ловушке!

— У огромных стран и блоков, — повторил я, — огромная инерция. Теперь Евросоюз, как раньше СССР,

тянет на себе те республики, что не умели и не хотели работать, а только обвиняли Москву, что она их объедает. Теперь они в Евросоюзе, но Евросоюз не цацкается с ними, как Москва. Мы видим, как они становятся аграрными придатками Старого Евросоюза, население резко уменьшается... Но даже так Евросоюз сразу начал стонать из-за этих алчных, требовательных...

Ингрид сказала мстительно:

— Это еще они не приняли в свой состав среднеазиатские республики! Вот бы им еще Таджикистан, Узбекистан, Киргизстан... Надеюсь, и не примут, тогда у них совсем все рухнет! Нам это не нужно, как бы мы с Европой ни ссорились, но это наша Европа, она и нам нужна, это же все-таки духовный и научный центр, пусть уже только исторический...

— Второй такой центр, — поддержал я, — а по значимости первый — это США. Мы хоть и воюем против, но болеем за них и желаем, чтобы они выдержали все испытания. А воюем только из-за их оскорбительного чванства, когда они решили, что априори правы всегда и во всем, а мы только должны слушать и подчиняться.

В комнату заглянул солдат, Левченко покосился в его сторону.

— Карабибулин прибыл?

— Нет, шейх Исмаил-оглы.

Левченко отмахнулся.

— Пусть его лейтенант Багрянцев примет. Нет, лучше сержант Иванченко.

Солдат исчез, я заметил:

— Не слишком ли грубо? Все-таки шейх...

Он поморщился.

— Он такой же шейх, как из меня балерина. Здесь каждый бандит, сколотивший вокруг себя десяток го-

ловорезов, объявляет себя шейхом или беком, а то и вовсе эмиром.

Я сказал с укором:

— Все-таки с врагами не просто контактируете, а сотрудничаете...

Он сказал резко:

— Это не сотрудничество!

— А что?

— Они делают то, что мы указываем.

— А чем расплачиваетесь? — спросил я.

Он посмотрел на меня пристально.

— Это не ваше дело. Мне кажется, вы влезли слишком глубоко, профессор. А это чревато.

Я вздохнул.

— Вы же государственный, не либерал. Как вы можете сотрудничать с такими?

В комнату заглянул офицер, взглянул на Левченко с вопросом в глазах.

— Вертолет укомплектован ракетами. Погружено еще два десятка гранатометов и пять стингеров. Что-то еще?

Левченко отмахнулся.

— Достаточно. Присоединяйтесь к нам, лейтенант Багрянцев. Кофе здесь дивно хорош... Вот товарищ профессор утверждает, что недостаточно ювелирно ведем борьбу с этими бандами...

Лейтенант взглянул на меня с тем интересом, как смотрят дети на «гляди, живой профессор», но сказал почти равнодушно:

— Товарищ профессор не знает, что этот халифат, хоть и объявил священную войну всему Западу, отрезает головы практически только своим?... Я имею в виду, мусульманам... За все время головы отрезал четырем англичанам, троим японцам, одному американцу,

но за то же время головы были отрублены трем тысячам мусульман различных конфессий!

Левченко сказал с веселым цинизмом:

— Я бы не стал им мешать.

— Штаты это и делают, — заметил лейтенант. — Не понимаю, чего мы туда полезли. Пусть бы перебили друг друга. Реальная политика одно, средства освещения в прессе — другое...

Ингрид возразила горячо:

— А Штаты быстренько захватили бы там все залежи нефти, газа, а еще там много золота, циркония, тулия и лютеция, что вообще самые редкие и ценные минералы на земле!

Левченко вздохнул.

— Ну тогда да, надо лезть... только надо было раньше. Еще перед тем, как Штаты пошлют туда авианосцы с десантом.

Я заметил спокойно:

— А они уже послали.

— Что? — спросил Левченко. — Почему у нас не кричат в печати?

— Принято решение, — сказал я, — морским котикам отменили отпуска и велели прибыть на базу. Наша разведка хорошо работает, установили даже дату начала высадки. Потому у нас так торопливо и высадились первыми.

Он сказал угрюмо и с надеждой:

— Только бы не передумали!

— Красный слон перестал пищать, — сказал я. — А нам надоело прогибаться. Я не злорадствую, но как стало всем ясно, кто кого кормил, так и стало ясно, что наши уступки принимались как должное!.. А вот ныне, на новой основе, когда со сцены в силу возраста уходит старое поколение, выросшее на ненависти к

Советскому Союзу, новое уже смотрит намного реалистичнее. У всех карты открыты, видно: кто чем владеет и как работает. Никакого обмана.

Лейтенант фыркнул.

— Ну да!

Я уточнил:

— Все данные можно найти в Интернете, чего раньше не было.

— А кто станет копаться? — возразил он. — Люди читают только заголовки новостей. Потому для них всю суть вкладывают в заголовки. А в текстах добавлено чуть-чуть водицы.

— А можно и без них, — уточнил я. — Без текстов. Но обиды все еще тлеют. И наши противники их усиленно раздувают.

В комнату вбежал взволнованный сержант.

— Товарищ майор!.. Вас по закрытой связи!

Глава 15

Левченко вскочил, сказал «простите» и быстро вышел в коридор. Багрянцев, оставшись за хозяина, добавил нам кофе в чашки, но я видел по его лицу, что прислушивается к тому, что происходит в коридоре.

Левченко вернулся взволнованный, сказал быстро:

— Пришел приказ нанести удар по одной опасной банде!.. Как видите, мы с ИГИЛом боремся. Хотя как-то странно выборочно. Оставайтесь, ждите. Вернемся через три-четыре часа. Или даже раньше.

Багрянцев спросил с надеждой:

— Я тоже?

Левченко быстро взглянул в нашу сторону.

— Нет. Остаешься за старшего.

Он быстро вышел, Багрянцев повернулся к нам, развел руками.

— Ничего, он скоро вернется. Будьте пока здесь, я пойду узнаю, как там с людьми шейха Исмаил-оглы.

Как только он вышел, я шепнул Ингрид:

— С оружием не расставайся.

Она быстро прошептала в ответ встревоженно:

— А что случи...

— Ты ж моя берберочка, — ответил я громче, услышав, как по коридору прошли шаги, а возле нашей двери стук каблуков прервался, — как же ты любишь эти страшные игрушки... Фу, не стыдно?

Она ответила громко и задорно:

— Обожаю оружие!.. Да и надо входить в образ берберской женщины, ха-ха. Кстати, ты держи своего «Марка» под рукой.

— Я его не люблю, — признался я. — Мне к нему даже прикасаться противно.

— Можешь не прикасаться, — настаивала она громко, — но держи при себе. Здесь так принято. Мужчина без оружия уже не мужчина.

— Ну да, — сказал я кисло, — а профессор какой-то недобитый...

Шаги за дверью возобновились, Ингрид тоже прислушалась, спросила шепотом:

— Что-то ощутил?

— Не нравятся мне эти шейхи, — шепнул я. — Один мой друг здесь... что смотришь, у меня и здесь есть друзья!.. сказал, что этот один из самых отъявленных. За его голову в соседнем городе, где еще сохранилась полиция, назначена награда. Он не просто убил двести человек, а закопал их живыми по шею, а потом велел забить камнями!.. Это чудовище. Потому очень не нравится, когда ГРУ пытается манипулировать та-

кими людьми. Уже знаем, чем это кончается. И всякий раз снова и снова... Как будто нарочно!

— А может, и нарочно, — ответила она так же тихо. — У большой политики свои законы.

Она отошла к двери, из окна видно, что внизу в лагере уже полно живописных боевиков, все стараются выглядеть пострашнее, оружием обвешаны, как новогодние елки игрушками, пять «Хаммеров», на двух установлены американские крупнокалиберные пулеметы, там же ящики с патронами.

Зато как-то растворились или ушли с Левченко солдаты и офицеры российского контингента. Я прислушивался к разговорам внизу, по лицу Ингрид понял, что не понимает ни слова.

На этот раз не просто боевики, а настоящие, как мы считаем, в том смысле, что не местные, а откуда-то из родных земель халифата, романтики, пошли воевать, чтоб земли России халифу отдать.

— Побудь здесь, — сказал я тихонько. — Теперь, пока здесь заложница, нам отсюда нельзя.

— Только с нею, — согласилась она.

Я осторожно вышел, в коридоре стоит десантник с автоматом наперевес. Я прикрыл за собой дверь, морпех из тех, кто прибыл тогда на помощь вместе с Левченко.

— Заложница, — спросил я, — в безопасности?

Он торопливо кивнул.

— Да, в полной!

— Я хочу с нею повидаться, — сказал я.

Он покачал головой.

— Сейчас нельзя.

— Почему? — спросил я. — Она что, спит? Сейчас еще день. Заболела?

Он потряс головой.

— Нет-нет. С нею все в порядке.

— Тогда где она? — спросил я и продолжал смотреть ему в глаза немигающим взглядом. — Парень, я профессор нейрофизиологии! Сразу вижу, когда кто врет. И даже понимаю, почему... Тебе так приказали, верно? А майор Левченко увез заложницу, чтобы перепрятать понадежнее... Верно? Ну вот ты и сказал. Язык дан для того, чтобы скрывать мысли, но мимику создал дьявол, а она раскрывает все секреты.

Он остался, несчастный и понурившийся, а я быстро пошел по коридору, присматриваясь и прислушиваясь. Снизу голоса доносятся громче, я поискал, куда нырнуть, здесь хрен где спрячешься, вздохнул и пошел быстрым деловым шагом.

Двое боевиков с автоматами на груди скользнули оценивающими взглядами, но раз я не выказал ни малейшего замешательства, а пру прямо, поспешно поосторонились, а я спустился на этаж, справа и слева коридор идет в полтора раза шире, двери в стене расположены по-военному в равных промежутках, металлические, с кодовыми замками.

Здесь я уже ощутил неуверенность, а со спутника не посмотришь, вообще вай-фая нет, пичалька, но когда навстречу попался боевик, чем-то смахивающий на мордовского тракториста, я сказал требовательно:

— Стой! Отвечай быстро, в какой комнате поместили спасенную от противника заложницу? Женщина такая...

Он сказал торопливо:

— Это этажом ниже! Я ей только что ужин относил!

— Она здесь? — переспросил я. — Еще не увезли?

— Нет, — поклялся он испуганно, — конечно, здесь...

— Непорядок, — сказал я громко и с возмущением. — Ладно, иди! Я разберусь.

Он с облегчением заспешил дальше, я отыскал лестницу вниз, но когда был уже на середине, сверху раздался голос:

— Вот вы где, профессор!.. Поднимайтесь сюда, дело срочное.

Лейтенант Багрянцев на ярусе выше машет рукой, но улыбка недобрая, я быстро прикинул разные варианты, однако с ним двое десантников, что сразу бросились ко мне, а я сказал мирно:

— Да, конечно. А то я что-то заскучал там.

Боевики расступились, давая мне дорогу, и пошли за спиной. Багрянцев сказал с укором:

— Что же вы так?.. Здесь военная база, нельзя так вот...

— Да возжелалось пройтись, — сообщил я. — Как ученому, мне все интересно.

— Нельзя, — отрезал он. — Прошу вас вернуться в свою комнату. Ах, у вас еще нет?.. Хорошо, тогда... Тахир! Возьми двух человек и отведи этого товарища в двадцать девятую комнату.

Словно из ниоткуда появился широкий в плечах боевик, настолько темнокожий, что похож на уроженца Африки, хотя, возможно, всего лишь таджик из горных районов.

— Есть, — ответил он четко, вскинул руку, подав некий знак пальцами, и к нам подбежали двое с зелеными повязками на головах, тоже смуглые, как головешки. — Прошу вас...

Я кивнул, не драться же здесь, и пошел с ними, вроде бы свободный, но все трое смотрят так, что сделай я неверный шаг, тут же набросятся, скрутят в бараний рог и потащат уже силой.

Двадцать девятая комната на первом этаже, крохотная, минимум необходимой мебели, окон нет, что и понятно, две яркие лампы.

Я прошел на середину комнаты, повернулся, боевики отошли друг от друга в стороны, стволы их автоматов смотрят мне в живот.

Тахир сказал резко:

— Пистолет сдайте. Посторонним нельзя.

— Это мое личное, — запротестовал я.

Он молча сделал шаг вперед и требовательно протянул руку ладонью вверх. Я с горестным вздохом вытащил пистолет и опустил ему на ладонь. Он тут же сунул его за пояс, даже не подумав потребовать снять пояс с кобурой.

— Ждите, — велел он. — Это секретный лагерь, вы должны понимать, тут строго.

— Понимаю, — ответил я.

Они ушли, плотно закрыв за собой дверь, но по коридору прозвучали шаги только четырех ног, а это значит, одного из боевиков оставили охранять эту дверь.

Где-то минут через десять через порог переступил в сопровождении двух огромного роста боевиков грузный человек в черном балахоне игиловца. Впервые вижу, чтобы так откровенно демонстрировали свою принадлежность к террористам.

Еще до того как он поднял голову и впери́л в меня нещадный взор, я ощутил исходящую от него ауру власти и силы. Могучий волк, что подчиняет одним видом и четко проецируемой свирепостью.

Я поинтересовался на арабском:

— Мне выпала честь видеть прославленного шейха Исмаила-оглы?

Если он и удивился, то не показал виду, остановился передо мной, взгляд пристальный, оценивающий.

— Да, — ответил он на арабском с примесью наречия бедуинов, — я слышал, вы ученый человек. Что скажете, профессор, когда услышите, что среди этих новобранцев, которые продали все, что у них было, чтобы купить оружие и снаряжение, и теперь пополняют мои отряды, почти все, как говорите, белые?.. Русские, украинцы, белорусы...

Я бросил взгляд на охранников, один из них точно русский или украинец, пробормотал:

— Когда будут топтать через Таджикистан, присоединятся и местные. Небелых станет больше, демография станет близка к общему составу ИГИЛа.

Он посмотрел остро.

— Знаете!.. Но все равно. Если борьба цивилизаций, почему русские уходят в армию халифата?

— Молодые, — ответил я. — Дури много. Жаждают действий.

Он хмыкнул.

— А вы не молодой?

— Я доктор наук, — напомнил я. — Это предполагает зрелость ума. Без нее доктором не станешь. Я не смотрю на халифат, как западный обыватель, для которого это абсолютное зло, но и не идеализирую, как восторженная ребятня.

Он нахмурился.

— А что, по-вашему, в халифате плохо?

— Говоря откровенно, — сказал я, — это не для ушей моих друзей и коллег, мне в халифате нравится очень многое, а главное — здоровый стержень. Да и сам Коран, что шокировало бы моих коллег, на порядок выше и умнее Нового Завета. Это бесспорно, хотя

вслух никому не скажу, не люблю спорить с дилетантами.

Он спросил настороженно:

— Тогда что...

— В малости, — ответил я. — В той малости, что позволила вырваться вперед Ирану и Турции. Иран сейчас обгоняет по темпам развития любую западную страну, не так ли? И даже в области наук, кто бы поверил раньше?.. А вот как халифат поступает с учеными, несмотря на то что в Коране записано, что чернила ученого так же дороги Аллаху, как и кровь мученика?

Он нахмурился.

— На этом участке дороги к Аллаху нам важнее кровь мучеников.

— Вы поправляете Мухаммада, — спросил я, — или самого Аллаха?

Он дернулся, вскипел, но взял себя в руки достаточно быстро, чувствуется ментальная дисциплина руководителя.

— Идет война!

— Народ, — сказал я, — люди которого обвязываются взрывчаткой и взрывают себя в стане врага, победить невозможно. Это мы доказали еще в то время, когда вся промышленность Европы работала на немецкую армию, а она победно катила по нашим землям. Тогда наши бойцы, обвязавшись гранатами, бросались под немецкие танки...

Он пробормотал:

— Понимаю. Это были герои.

— Это был массовый героизм, — подтвердил я. — Бросались на амбразуры дзотов, направляли горящие самолеты на колонны врагов... но сумели выстоять, а когда уже погнали врага обратно в его норы, тогда уже наши бойцы под танки не бросались.

Он сказал мрачно:

— Склоняю голову перед таким народом. Но теперь этот народ погряз в пьянстве. Над миром взошла звезда ислама!

— Вас такими тоже не победить, — сказал я. — А как, никто на Западе не знает. Пока только натравливают друг на друга. Это вы уверены, что шииты и сунниты разные, а для Европы вы все — мусульмане, и чем больше перебьете друг друга, тем лучше. Не подумали о таком?

Он покосился на своих охранников, потом кивнул мне.

— Мне нравится говорить с учеными людьми. Мы еще пообщаемся, профессор. Будьте здесь.

Я проводил всех троих взглядом, но мозг работает в своем режиме, и для него прошла уйма времени, прежде чем дверь снова распахнулась, вошел один из офицеров, хотя по виду не отличить от боевика, та же одежда, платок на голове, а оружие так вообще даже у негров такое же.

Двое боевиков, что, как вижу, всегда топают позади любого офицера, остановились по обе стороны двери.

Офицер кивнул в мою сторону:

— На стул!

Боевики моментально оказались рядом, усадили, придавив за плечи.

Я сказал мирно:

— Можно было просто сказать. Я и сам люблю сидеть. У меня вообще вся работа сидячая. Мечтаю о лежачей...

Офицер оглядел меня в непонятном недоумении.

— Не понимаю, почему так... Дайте планшет!

Один из боевиков тут же подал ему уже с включенным экраном, офицер потыкал пальцем, сказал гром-

ко, ориентируясь не только на меня, но и обоих конвоиров:

— Мы знаем, кто вы. Крупный ученый, доктор наук, нейрофизиолог, опубликовавший много научных работ... вот их перечень на моем планшете. И ваши фотографии на конференциях...

Глава 16

Жесткие ладони на моих плечах ослабели, один из боевиков даже отошел и посмотрел через плечо офицера на экран планшета. Я не слишком активен в социальных сетях, но иногда выступал с докладами на симпозиумах и конференциях, откуда, конечно, в сеть попали как фото, так и ролики.

— Ваша роль, — сказал офицер, — у Стельмаха нам понятна, а почему здесь?

Я ответил вежливо:

— А кому еще ему довериться?... Я его поля ягода. Не академик, правда, но профессор и доктор наук... Кстати, а где мой спутник... спутница?

Он переспросил с интересом:

— Капитан войск специального назначения Ингрид Волкова?... Ее сейчас допрашивают в отдельной... комнате. А потом и поместят отдельно. Вам, ученому, не пристало находиться в одном помещении с сиволапой солдатней.

Мой мозг работает быстро, сразу подавил желание сообщить, что у этой сиволапой кандидатская по спортивной медицине, а то вдруг подумает, что и я такой же доктор, как она кандидат.

— Да, — сказал я с облегчением, — я уже чувствую оторванность от своего коллектива ученых. Это, знаете ли, тяжело.

Он кивнул.

— Я не так давно побывал в селе, где родился и прожил школьные годы. Встретился с одноклассниками... Это такие бараны! Лучше удавиться, чем жить с ними всю жизнь.

Я вздохнул с облегчением, показывая всем видом, что да, у нас с ним настолько много общего, что мы вообще из одного клана высоколобых.

— Ладно, — сказал он наконец, — что-то здесь не сходится... Пусть сам Громов и разбирается. Иванищенко, позови полковника!

Один из боевиков тут же выскользнул в коридор, а через пару минут дверь резко распахнулась, в сопровождении того же боевика вошел быстрыми шагами тот, кого я все равно, несмотря даже на то что за ним послали, меньше всего ожидал увидеть.

Полковник Громов, злой, взволнованный и даже расстроенный, с порога вперил в меня злой взгляд, полный отчаяния и отвращения.

— Профессор, — сказал он сдавленным голосом, — вы спутали все карты!.. И за это ответите!.. Начиная с момента, когда уговорили Стельмаха задержаться с разоблачениями!.. А потом еще и вырвали из наших рук его внучку!.. Сейчас она снова у нас, но теперь о нашей роли в этом деле стало известно... что непредсказуемо... Я уже не говорю, что вы натворили... но... вы сорвали операцию, вы... вы пошли против решения, принятого на самом верху!..

— Значит, — сказал я, — не на самом. Иначе достаточно было бы сказать слово. У нас страна, к счастью,

авторитарная, а либерализм выдавливает из себя как застарелый гной.

Он смотрел на меня с бессильной ненавистью.

— Вы спугали все карты, — повторил он, — я не знаю, что с вами делать!

— А что говорит Центр?

— Жду ответа, — отрезал он. — Запрос подан, жду с минуты на минуту. Молитесь, профессор! Вы затронули слишком чувствительные нервы!

— Здесь все такие? — спросил я. — Левченко тоже за халифат?

Он молча сделал знак застывшему офицеру, что тот свободен, один из боевиков распахнул перед ним дверь, и офицер вышел, а оба боевика остались и все так же не спускали с меня взглядов.

Громов выждал, когда шаги офицера затихли, и сказал раздраженно:

— Нет здесь таких, чтобы за халифат! И я не за халифат, но некоторые группы стоит снабжать оружием и разведданными, потому что... Да ладно, все вы понимаете. Левченко, идиот, отказывается с ними сотрудничать, за это можно и погоны потерять, а вот я выполняю приказы, потому что в Центре думают о стране, а не о морали!

Коротко звякнул мобильник. Он тут же ухватил в широкую ладонь, бросил к уху. Я слушал одновременно с ним, холодок еще не расплзся по внутренностям, соматика отстаёт, я покосился на дверь, там уже вошли еще двое с автоматами наперевес, не спускают с меня глаз.

Громов слегка побледнел, кожа на скулах натянулась. Выслушав, он произнес деревянным голосом:

— Да. Все будет выполнено.

Положив мобильник на стол, он кивнул боевикам, стараясь не встречаться со мной взглядом.

— В наручники.

Один тут же упер ствол автомата в бок, второй завел мои руки за спину и защелкнул на запястьях неприятно холодные кольца, соединенные коротенькой цепочкой.

— Отведите... в двадцатую, — произнес Громов безжизненным голосом.

Взглядом он по-прежнему старался со мной не встречаться. Боевики вздернули меня со стула, я не сопротивился, вывели в коридор, а потом долго конвоировали, пока не подошли к комнате с номером двадцать.

Дверь открылась без всякого кода, я шагнул, подталкиваемый в спину, через порог, здесь только железный стол, утопленный толстыми ножками в пол, а также по стулу на обеих сторонах, оба тоже вросли ножками неизвестно на какую глубину, где еще и зацементированы, думаю, так, что вырвать можно только бронетранспортером.

К моему удивлению, дверь за мной тут же с лязгом захлопнулась. Я оглянулся, прислушался. Стены тоже вырублены в скальной породе, в коридоре можно стрелять из пушки, здесь не услышать.

Только минут через десять дверь распахнулась снова. Вошли трое боевиков, все аласийцы, у каждого по два пистолета, один в кобуре, а второй сзади за поясом.

От них сразу пахло жестокостью и смертью. Все явно из жарких стран, это чувствуется в движениях, взглядах на меня, выражении лиц.

Неделю назад я не отличил бы негра от скандинава, ну разве что по цвету кожи, а сейчас...

Похохатывая, они пошли вокруг меня по кругу, один наконец вытащил десантный нож с зазубринами на тыльной стороне, красиво поиграл им в руке.

— Ты нам все скажешь, — сказал он на арабском. — Да, мы уже посмотрели, ты доктор наук и все такое. Но раз ты здесь, ты пленный...

— Если военнопленный, — ответил я, — то есть правила...

Все трое расхохотались.

— Дорогой, сейчас война идет без всяких правил. Это американцы все перемешали, когда сказали, что раз они самые сильные в мире, то им насрать на все правила. А мир таков, стоит одному... так и все тоже, чтобы не оставаться в дураках.

Мозг уже просчитал все варианты, отобрал лучший, теперь только бы мышцы не подвели, я резко дал ближайшему подножку, он с проклятием повалился на соратников.

Я быстро повернулся к нему спиной и скованными руками выдернул из-за пояса пистолет, тут же выстрелил ему в спину, развернулся и всадил пулю во второго, а третий распахнул рот и очень-очень медленно начал вытаскивать пистолет из кобуры.

Развернувшись и к нему спиной, я дважды нажал на спусковую скобу, моментально присел возле того, что с ключом, выудил из кармана и быстро отпер стальные brasлеты.

Дверь кабинета распахнулась, на пороге возник Громов. Лицо злое и здорово измученное, сразу услужливо мелькнули строки «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста...» Как же забодала меня эта классика, складки у рта стали совсем глубокими.

Он охнул, увидев направленный в глаза ствол, застыл, глядя на меня вытаращенными глазами.

— Говно, — сказал я, — а не боевики. Обыкновенные мародеры! Так, здесь нам делать нечего, быстро собираемся и выходим.

Он сказал слабо:

— Я шел, чтобы освободить вас, профессор...

— Так я и поверил, — ответил я.

— Правда, — сказал он быстро. — Левченко прав, лучше потерять погоны, чем совесть...

— Поворачивайтесь, — сказал я. — Мне ваша жизнь вообще-то не нужна. Как и смерть. Сперва побудете моим щитом, а потом обменяем на капитана Волкову или внучку Стельмаха. Так что слушайтесь и останетесь живы и даже целы. Но если взбрыкнете...

Я сунул ему под нос ствол пистолета. Он сказал слабым голосом:

— Да-да, я не...

— Пойдемте, — прервал я. — Топайте впереди, но помните, я не промахиваюсь. Если не верите, посмотрите еще раз на своих орлов-мародеров. Не промахиваюсь и стреляю быстро.

— Да-да, — проговорил он торопливо, — я иду, я все сделаю... Не из-за страха, я на вашей стороне...

Дверь распахнулась, я успел увидеть боевиков и направленные в нашу сторону автоматы. Прикрывшись Громовым, я выстрелил дважды. Охранники задержались, но один успел выпустить в нашу сторону короткую очередь.

Я чувствовал, как задержалось тело Громова под ударами пуль. Раны наверняка тяжелые, если не смертельные, тут же перестал поддерживать его тело, бесполезен, быстро вышел в коридор, втащил в комнату трупы охранников, быстро переложил из карманов Громова к себе айфон и флешку на двести гигабайт, нехи-

ло, ладно, потом разберусь, вышел и плотно закрыл за собой дверь.

На ярусе ниже навстречу идет парень с автоматом в руках, я крикнул ему властно:

— Где пленная?.. Ее срочно к шейху Исмаил-оглы!

Он сказал испуганно:

— Она все еще в офицерской комнате!.. Первый этаж, пятая...

— Стой здесь, — велел я. — Бди!

Вихрем пронесся на первый, мышцы заныли, вот наконец та офицерская под номером пять, прекрасно, удар ноги в дверь с такой силой, что она ударилась о стену и послушно захлопнулась снова, как и рассчитывал, а я не сводил пистолет с красивого боевика с черной, коротко подстриженной бородкой.

В комнате еще один, попытался протянуть руку к пистолету, но я покачал головой.

— Парень, с трех метров я точно не промахнусь.

Он застыл, а чернобородый красавец сказал тягучим наглым голосом:

— А мы твою бабу поимели. Сперва я, потом Хасан...

— Не было такого, — возразил я.

— Как же нет, — сказал он победно, — когда я...

Я выстрелил ему в голову, тут же перевел прицел на лоб вытаращившего глаза Хасана. Хлопнул второй выстрел, боевик завалился на спину.

Я пинком отворил дверь в спальню. Ингрид связана по рукам и ногам на стуле, еще и к самому сиденью примотана крепко. Я первым делом снял повязку со рта, женщин больше всего оскорбляет, когда им затыкают рот, взрезал веревки.

— Как же тебя насиловали, — сказал я озадаченно, — вот камасутрики восточные, да, это дело тонкое...

Она поспешно вскочила, потирая кисти рук

— Где мое оружие?

— Вернем, — пообещал я.

Она кивнула на два трупа, их видно через открытую дверь.

— Обоих?

— Подумалось, — сообщил я, — все равно их не возьмут в сингулярность... Так зачем им сейчас топтать землю и пожирать невозполнимые ресурсы? Опять же запасов нефти в мире только на двадцать лет...

Она посмотрела на меня чуть ли не с отвращением.

— Да ты вообще не человек.

— Я субсингуляр, — пояснил я. — Все чаще чувствую себя таким... близким тому наступающему миру. Хоть и не представляю, каким он будет... Кстати, они точно не надругались над тобой?.. Как-то особо цинично?

Она вздохнула.

— Вообще никак. А так хотелось проверить, в самом ли деле такие уж горячие, как рассказывают о себе.

Я оглянулся.

— Насчет горячих не уверен, но пока что еще теплые, подтверждаю.

Она забрала их пистолеты и автомат Хасана, повернулась ко мне, злая и решительная.

— А где Громов?

Я буркнул:

— Я его немножко убил.

Она дернулась.

— Это... как?

— Прервал нить его жизни, — ответил я. — Так говорят?.. Остановил его существование. Думаю, он вредил прогрессу, потому не нужен в этом мире. А в качестве гумуса пользу принесет, так как высокоорганизо-

ванные молекулы его тела попадут в растения, а оттуда либо прямо нам на стол, либо через мясо животных.

Она поморщилась.

— Прекрати! Я все больше убеждаюсь, что ученые — страшные люди. И меня страшит мир, который вы создаете!.. Где Левченко?

— Он не только сам смотался, — ответил я, — но и ребят своих забрал, якобы по делу... Так что стреляй во все, что движется.

— А заложница?

— Где-то внизу, — сообщил я. — К счастью, здесь остались только непрофессионалы. С бандитами даже воевать неприлично, однако ты же силовая структура, просто обязана очищать мир от всякого говна.

— А ты?

— Мне генералов подавай, — сообщил я. — Ладно, помогу и офицеров, хотя это для моей докторской как бы унижение.

Глава 17

Охрана, как я понял, сосредоточена вся наверху, что и правильно, кому придет в голову убежать вниз, где тупик, потому без проблем спустились на два этажа.

Охранники, ничего не подозревая, указали ее комнату. Ингрид сразу вошла, я завел туда охраняющего ее дверь и, прикрыв за нами, выстрелил ему в ухо.

Ингрид оглянулась на выстрел.

— Ты снова... Надо было?

— Надо, — ответил я смирно. — Прогресс требует. Абигель в своей дальней комнатке испуганно вскочила, слышав выстрел.

Ингрид сказала быстро:

— Все-все, теперь нас не обманут! Уходим... Владимир, это будет трудно.

— А кому сейчас легко? — спросил я. — Зато последний рывок. Доставим заложницу Поддубецкому и на этом свою работу закончим. Поняла, берберка? Выходим.

— Только соберу еще кое-что, — сказала она деловито. — Видела сумку с гранатами и хорошую снайперскую. Надеюсь, машину найдем, не обожаю таскать на себе всю амуницию.

— И не одну найдем, — согласился я. — Шейх не мог приехать на ишаке. Он сам ишак.

Ее поиски привели к тому, что нашла даже мой Марк23М, я разыграл, чем-то мне этот пистолет нравится, хай-тек чувствуется даже в дизайне, и хотя магазин всего на двенадцать патронов, но пули пробивают не только бронежилеты, а даже легковооруженные бронесамомобили и бронетранспортеры.

По этажам пришлось подниматься медленно и печально: я навинтил глушитель и отстреливал боевиков по одному, чтобы не подняли шум раньше времени, Ингрид сзади вела трепещущую Абигель.

Машин в самом деле во дворе с полдюжины, но и боевиков там десятка два. Расположились живописно, кто в кузове машин, кто сидит на ящиках.

Выглянув осторожненько, Ингрид предупредила:

— Абигель, жди!.. Мы скажем, когда и что.

Сзади и снизу послышался шум, явно боевики в каких-то комнатах обнаружили убитых, я сказал быстро:

— Готовь гранатомет. Не задень вот тот «Хаммер», что в сторонке.

И, не дожидаясь ответа, начал прямо от двери стрелять быстро, выбирая самых старших, без них суматоха будет дольше.

Через несколько секунд от боевиков осталась половина, но опомнились и открыли ответный огонь, и тут Ингрид трижды бабахнула из гранатомета.

Три машины, одна с боевиками, а две те, за которыми укрывались стрелки, с грохотом и в облаках огня взлетели на воздух.

Мы торопливо выбежали во двор, стреляя действительно во все, что движется. Уцелело всего трое, да и то оглушенные и раненые.

Ингрид пробежала мимо к автомобилю, который наметили заранее, я после трех контрольных выстрелов вскочил за баранку.

Абигель, вся в слезах и соплях юркнула на заднее сиденье и сразу же присела там как можно ниже. Ингрид заняла место рядом с ней, автомат в руках, и, не жалея патронов, поливала выход из блиндажа, откуда начали выскакивать и тут же прятаться обратно боевики.

Я развернул автомобиль и погнал в сторону дороги, быстро наращивая скорость.

Перед глазами еще картинка с множеством трупов, которые только что были живыми людьми, но мои пули сделали их неживыми. И ничего не шелохнулось, как говорится, в душе, хотя вообще-то не понимаю, о чем речь, какой-то литературно-духовный термин.

В реальности я вообще-то спокоен, один только вопрос копошится: таким я и был или стал вот теперь, когда нервная система после нейродистрофии спешно восстанавливается, а потом как бы с разгону идет дальше той красной линии, которую перед нею за чем-то провела природа?

Наверное, частично все-таки я таким и был, плюс мои занятия наукой, а не, скажем, музыкой или рисованием, хотя предполагаю, все-таки мое излечение от

нейродистрофии дало побочный эффект. Мне он нравится, еще бы, чувствую себя постчеловеком...

Но тогда законный вопрос: а какими будут постлюди? Каким будет общество, если все станут такими?

Ингрид с силой толкнула меня в спину. Я посмотрел на нее с интересом в зеркало.

— Что-то хочешь?

— Да, — ответила она. — Раньше бы скрючился, а сейчас спасибо, что заметил!

Я сказал добродушно:

— Берберочка, я не поверю, что ты могла меня пнуть больно! Ты же добрая... где-то в глубинах своей заскорузлой мохнатой и черствой души. Кстати, что такое душа?

Она посмотрела на меня несколько дико.

— Ты чего? Смотри, в религию не ударься. А то бывает...

— Не среди ученых, — заверил я. — Это всякие там актеры, а то и вовсе артисты уходят в буддизмы, да еще музыканты, их не жалко, а ученые... ученые и так все веруют в Творца.

— Это ты верующий?

— Ну да, — ответил я. — А кто нам тогда помогает?

— Смотри, — предупредила она, — не стань тем чокнутым... Помнишь, уверял, вселенная существует только для него?

— Глупец, — ответил я с чувством. — Когда они поймут, что вселенная существует только для меня?.. Блин, как мне нравится этот «Хаммер»! Молодцы американцы! Всех террористов Ближнего Востока снабдили автомобилями, оружием... а от тех и нам что-то перепадает.

— Да еще как перепадает, — согласилась она. — Весь Кавказ ездит на трофейных американских. Круто!.. Только от пыли не спасает...

Пыль в самом деле на дороге мельчайшая, пролезает в любую щель, ненавижу юг за это, просто не знаю, что за пыль час и больше висит в воздухе, указывая, где промчалась машина, и этот хвост может тянуться на километры, словно песчаный дракон, расположившийся в низине между гор.

Далеко впереди на дороге с косогора сбежал мужчина, Ингрид сразу насторожилась, но у того автомат на плече стволом вниз, а сам вскинул руки в приветственном жесте.

— Спокойно, — велел я. — Это друг.

Она хмыкнула, но смолчала, узнав Магомеда. Он быстро скользнул на переднее сиденье, крикнул мне весело:

— Красивая у тебя женщина!.. Даже две! Ты богатый человек. Какая моя?

— Не называй ее женщиной, — предупредил я. — Обидится и убьет.

— А кто она?

— Лютый зверь, тигр пустынь!.. Московская берберка!

Он сказал уважительно:

— Почему тебе так везет?

— Какое везение, — возразил я, — это несчастье. Хочешь, продам? Или сменяю?

— На что?

— На трех коз!

Он покачал головой.

— Это нечестно. Наверное, знаешь, что у меня их всего три. А вторую за сколько уступишь?

— Я тебе кое-что дам получше, — объявил я. — Вот держи! Айфон Громова и его флешку с сумасшедшим паролем, но я его разблокировал. Там все адреса мафиозных авторитетов, все конспиративные квартиры, наркотрафик, имена крупных и мелких дилеров и еще много чего, увидишь.

Он вскрикнул воспламененно:

— Ты даже не представляешь... что ты сделал!

— С тебя коза, — ответил я. — Ладно, согласен на молодого барашка на шампурах.

Он тут же вставил флешку в разъем планшета, отключился от мира, Ингрид помалкивает, как и Абигель, а я внимательно наблюдал с высоты спутников, как с параллельной дороги в нашу сторону резко повернули два автомобиля с открытым верхом, один военный грузовик, второй пикап, в каждом полно людей с оружием в руках, и оба пошли на полной скорости.

По идее, мелькнула мысль, уйти сможем легко, у «Хаммера» и проходимость нехилая, и скорость дай боже, так что тревожиться особенно не стоит, хотя на эти две машины посматривать не мешает...

Мчаться по пыльной горной дороге, наверное, круто и романтично, но я дитя асфальта, предпочитаю чистый город, а сейчас эта удушливая пыль всюду. Раньше думал, что горы — это идеально чистейший воздух, прозрачный и свежий, однако так, наверное, где-то в районе вершин, а здесь внизу, где и расположены все города, городишки и села, много пыли и мало воды.

Дважды проскочили мимо обгорелых кузовов машин на обочине. Ингрид не повела глазом, хотя видно, что не просто водитель не справился с управлением, видно по искореженной раме, мина рванула снизу...

— Пыль, пыль, пыль, — сказал я, — из-под шагающих колес... Здесь еще та Африка!.. Тьма наступает. В Библии сказано, что перед концом света придет антихрист и увлечет народы ложной религией...

— Ты про ИГИЛ?

— Я про халифат, — ответил я. — Такое заманчиво простое решение... Все мы любим простое. Потому кухарки в соцсетях подсказывают президенту, как рулить страной, а диванные хомяки с легкостью решают все мировые проблемы... Так, Ингрид, что-то мне впереди не ндравится...

Она крикнула:

— Что там?

Люблю роскошную южную природу, здесь такие картинные деревья, как будто сошли с картин Рубенса, тот рисовал не только толстых баб, но и толстые деревья с роскошными выпуклостями, толстыми изогнутыми ветвями.

Одно из таких деревьев недавно рухнуло, вижу по еще не затянувшейся яме, лежит так удобно, что на нем рассядется два десятка баб с подсолнухами в руках, но главное в том, что рухнуло очень удобно на самом узком месте, слева камни в рост человека, а справа жуткий обрыв.

Резко остановив машину, я крикнул:

— Быстрее дай винтовку!

Ингрид подала так быстро, словно ждала приказа. Мозг уже поработал над картами, два багровых пятна справа и слева от дороги, прекрасная позиция, перекрестный огонь всех нас срежет начисто.

Я быстро прицелился, выстрелил, отыскал крестиком прицела вторую цель, хорошо замаскировался, молодец, ни за что бы не заметил, но сейчас он не тому засаду устроил...

После выстрела я оставил винтовку на сиденье, вдвоем с Магомедом выскочили и ухватились за толстые ветки.

Он прохрипел с натугой:

— Ты что... засаду увидел?

— Будет время, — выдавил я с такой же натугой, — пошаришь у них по карманам...

Подбежала Ингрид и тоже ухватилась за чудовищную корягу. Пыхтя и прилагая все силы, сдвинули на шаг, еще на шаг, Ингрид оглянулась, прокричала в страхе:

— Нас догнали!

— Еще рывок, — велел я.

Коряга сдвинулась на ладонь, я крикнул:

— В машину!

Втроем понеслись, как убегающие от тигра лани, а там на дороге из-за пригорка выросли два автомобиля с орущими и ликующими боевиками.

С первого открыли стрельбу, бежать навстречу пулям страшно, я с сильно бьющимся сердце почти упал за руль, Магомед плюхнулся рядом, а Ингрид крикнула на бегу:

— Пошел!

Я видел, как запрыгнула уже на ходу, «Хаммер» ринулся по дороге, но перед упавшим деревом пришлось резко затормозить, сдвинули ровно настолько, чтобы протиснуться, и сейчас я послал машину между камнями, скрежеща боком «Хаммера» и обдирая другим боком сухую кору со ствола.

Пару раз казалось, что застряли, не просчитал размер, мощность автомобиля, но с огромным трудом все же протиснулся и только тогда ощутил, что за спиной Ингрид что-то кричит яростно и бьет из автомата длинными очередями.

Автомобиль рванулся освобожденно, Магомед оглянулся, погрозил им кулаком.

— Сволочи!.. Бензобак пробили!

— Мы уже близко, — крикнул я. — Держись, должны отстать...

Но взгляд со спутника показал, что первый автомобиль, мощный военный грузовик, уперся решеткой и медленно сдвинул дерево в сторону, после чего понесся, как носорог, за нами, а носороги, как уже знаю, очень резвые твари и умеют развивать просто дикую скорость, пусть и на коротких дистанциях.

Второй автомобиль, пикап, не отстает, и хотя «Хаммер» прет неплохо, однако пробитый бак, проклятый бак...

Еще до того момента, как мотор начал давать перебои, я просчитал с первого же чиха, через сколько минут заглохнет, а тогда боевики догонят точно...

За спиной раздался горестный вскрик Ингрид:

— Джип!

Глава 18

Я посмотрел через спутник, сердце болезненно сжалось. В том месте, где мы оставили наш джип под кроной огромного платана и где нас обещали ждать brave морпехи Гнатюк и Вовк, расплывается черное пятно дыма.

Еще через пару минут увидели черный дымок, что уже рассеивается, крышу джипа сорвало взрывом с такой силой, что искореженный кусок металла торчит из канавы, колесо отлетело на десяток шагов.

Несколько тел распростерто на дороге, а один, в камуфляже, прямо у двери, явно успел выскочить, подстрелили, а уже раненный, не имея возможности бежать, отстреливался, пока не изрешетили с головы до ног.

«Хаммер» заглох окончательно, я выскочил с винтовкой в руках, пистолет в кобуре на поясе, Ингрид и Магомед с автоматами, но Ингрид еще и тащит с собой под защиту кустов и камней Абигель, из нее сейчас неважный боец.

— Залечь! — прокричал я. — Падай!

При слове «залечь» она даже не повела ухом, но «падай» я крикнул, похоже, таким голосом, что она сразу рухнула, прижимая под собой Абигель.

Над головой просвистели пули, срубая листья и мелкие веточки, а секундой позже простучала частая очередь из автомата Магомеда, я его уже узнаю даже по одиночному выстрелу.

Ингрид продолжала прижимать Абигель к земле, а я, высмотрев этих орлов, их трое, медленно взял одного на прицел, нажал на спуск. Второй затаился слишком уж, рубашка у него такого цвета, что спутник со своими сверхмощными объективами нового поколения никак не различит его на фоне жухлой травы.

Помедлив, я высчитал расположение третьего, что не стреляет, а затаился с гранатометом позади всех, достать его никак, но могу зацепить... нет, уже и ногу спрятал, гад, как будто мысли читает.

Прикинув свои возможности, я медленно вытащил гранату, сердце колотится часто-часто, крикнул Ингрид:

— Не двигаться! Голову не поднимать!

И, выдернув чеку, изо всех сил швырнул гранату. В ответ раздалась автоматная очередь, но я ждал, и руку опустил раньше, чем пули ударились в камни, за которыми мы присели.

Обе машины остановились на дороге, с первой начали спрыгивать боевики и, на ходу стреляя, двинулись к нам, вторую тоже покинули, но эти явно пытаются обойти с тыла.

Ингрид стреляла уже короткими очередями, как вдруг сбоку прогремела автоматная очередь, и сразу трое боевиков, как срезанные косой, рухнули вниз лицом.

С той стороны из-за завала донесся крик:

— Это я, Гнатюк!.. У меня заканчиваются патроны!

Слава богу, мелькнула у меня мысль, возле машины не его тело.

Ингрид крикнула радостно:

— Сейчас наберешь с запасом! Ползи к нам.

Она снова начала полосовать длинными очередями, я стрелял скупой одиночными, как ученый я привык к точности, для нас невыносимо тратить материал зря, а когда вижу, как выпускают длиннющую очередь пулей, а из них если только одна попадет в цель, и то хорошо, сердце обливается кровью, но, с другой стороны, автомат — полицейское оружие, как его определяли в первые годы, для стрельбы в помещениях или на улице для устрашения...

Я отбежал в сторону, там массивный поваленный ствол лесного гиганта, я присел за ним и сразу начал выбирать цель.

Не знаю, зачем винтовке отечественного производства дали имя ORSIS, вон у ракет дальнего и среднего радиуса действия, а также всяких мощных орудий можно залюбоваться именами: Буратино, Аленушка, Зайчик, Птенчик, однако сама по себе винтовка хоть и точно поражает цель на расстоянии больше полутора километров, однако в лучших традициях «калаша» она не страшится ни песка, ни грязи и работает безотказно там, где сразу же умолкли бы американские или британские.

Холодно и почти бесстрастно, слава трансгуманизму, я начал отстреливать самых опасных, сверяясь с данными со спутника. Меня еще не увидели, но откры-

ли яростную стрельбу и в эту сторону, пули с визгом рикошетят о каменные глыбы в сторонке, до меня пока еще далеко, но все равно неуютно, даже тревожно, не люблю такие ситуации.

Потихоньку отполз, передвинулся на три метра, там массивные каменные глыбы, отыскал щель между камнями, чтобы просунуть ствол винтовки и смотреть хотя бы одним глазом.

Ага, вот целая группа, что пошла в обход, хорошо, идите, вот это место вообще открытое...

Медленно надавил на спуск и тут же, досадуя на такие медлительные мышцы, поймал в прицел второго, выстрелил, перевел на третьего, снова выстрел...

Со стороны это должно казаться невероятно быстрым, тем более что у меня снайперская, из них всегда целятся долго, но я не стану упускать преимущество: их больше, у них автоматы, но прицельная дальность ничтожна, так что могу расстреливать практически безнаказанно, меня может достать только случайная пуля, да и то на излете...

Я подумал, что Ингрид на моем месте встала бы во весь рост и стреляла бы открыто, но я не позер, хоть и позер, выстрелил еще несколько раз, все пули ушли в цель, там падали и оставались на тех же местах, даже не пытаюсь уползти.

От группы осталась треть, когда там не выдержали и, развернувшись, ринулись прочь.

Я перебежками добрался до Магомеда, он посмотрел на меня, потом поверх прицела.

— Что-то затихли?

Я привстал и трижды выстрелил. По дороге убегают по направлению к машинам пятеро боевиков. Трое упали, двое успели заскочить в пикап, автомобиль резко подал задом и, круто развернувшись, унесся в обратную сторону.

— Обходной маневр не удался, — пояснил я. — Думаю, убежали все. Они простые мародеры, а мы здесь суперпрофи!

Он польщенно посмеялся.

— Да, мы такие... пойду посмотрю, кто нам так неожиданно помог.

Он убежал, Ингрид перестала прижимать к земле Абигель, подняла голову.

— Неужели отбились?

— Пожалуй, — ответил я, — думаю, на обратном пути в ночной клуб заходить не стоит...

— Почему? — спросила она. — Обычно открыты до утра!

— А мне и здесь было не так уж скучно, — сообщил я. — Хотя, конечно, могло быть и посмешнее... но ладно, в другой раз.

Она зябко передернула плечами.

— Иди к черту! В другой раз иди сам или с кем-то еще.

— А танец у шеста? — напомнил я.

Она огрызнулась:

— Если сдуру пообещала, то исполню.

Я гордо подбоченился, с винтовкой в руках отправился к брошенному военному грузовику. На сиденье водителя хрипло дышит тяжело раненный боевик, при моем появлении повел на меня белыми от боли глазами.

— Врача... Вызови врача...

— С какой стати? — спросил я.

— Ты же франк...

— Добро пожаловать в новый мир! — сказал я и, выстрелив ему в голову, выкинул из машины. — Эй, морды!.. Мотор не поврежден, в баке еще на двести километров!

Ингрид спросила с подозрением:

— Ты что ему рассказывал?

— Знакомил с миром трансгуманизма, — ответил я. — Как там те ребята?

— Вовк сильно ранен, — ответила она. — Но выживет, а Гнатюка пару раз зацепило, он даже без перевязки. Этого Вовка всего перевязал так, что в лазарете его будут долго искать среди тряпок.

— Несите в машину, — сказал я. — Помчимся с ветерком.

Перевязанного Вовка Гнатюк с помощью Ингрид перенес в кузов, где разместили на тряпье, я снова сел за руль. Ингрид и Абигель остались с раненым, наверняка смутно ощутили в себе нечто женское, Магомед остался с ними, а Гнатюк сел рядом со мной.

— Я же местный! — сообщил он. — Каждую тропку знаю, каждый камешек!.. Когда патроны кончились, я утащил Вовка в потаенное место и спрятал за камнями, завалил ветками. У них собак с собой нет, пробежали мимо.

— А как же нас прикрыл огнем?

Он ухмыльнулся.

— Когда уложил троих, у одного автомат соскользнул в расщелину. Когда все ушли, забрав трупы, я сумел выловить, а в нем диск почти цел. Вроде бы пригодился.

— Еще как, — похвалил я. — Еще бы пару патронов в диске, вообще бы классно!

Грузовик прет мощно, с ревом, дорога стремительно несется навстречу и пропадает под колесами. Впереди показались и начали приближаться камни по краям дороги, за которыми, как уже знаю, скрытые огневые точки.

Гнатюк высунулся из кабины и радостно орал, что и послужило часовым как паролем, так и пропуском.

Через несколько минут я остановил автомобиль на площадке, дальше которой на транспорте нельзя, там защита от шахидов, выскочил и подал руку Ингрид.

Почему-то даже не облаяла, а соскочила с надлежашей грацией.

— Ингрид, — сказал я негромко, — к тебе просьба...

Она вытаращила в изумлении глаза, такого еще не было, чтобы я к ней обращался таким заискивающим тоном.

— Что с тобой?

— Да так, — ответил я. — Не распространяйся, что нюх научного работника, приученного анализировать тысячи данных, пару раз помогал нам замечать засады или ловушки... Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут... Это я к тому, что пусть военные остаются военными, а научные работники занимаются наукой. Ни в коем случае не хвали меня! От того, что нам дико повезло, это... для меня ничего не значит здесь. Хотя ты, конечно, показала себя с блеском и, конечно, достойна ваших военных наград. А я тихохонько пойду к своим мышкам.

От главного блиндажа в нашу сторону побежали морпехи, Ингрид указала на кузов грузовика, оттуда поспешно вынули Вовка и торопливо под бдительным наблюдением Гнатыока унесли в лазарет.

Нас проводили в дом, ликующий Поддубецкий не знал: кого обнимать раньше, расцвел, наконец отечески прижал к груди Абигель, ласково похлопал по спине.

— Страшно было? Понимаю. Но все закончено, сейчас вас самолетом отправят в Москву. И больше никому захватить не дадут. Заговорщики разгромлены, а в Москве начались аресты.

Мы с Ингрид мирно ждали, а он бросил десантника у двери:

— Желудева ко мне!

Через несколько минут ввели Желудева, руки в наручниках, бледный, но когда увидел нас, вздохнул с великим облегчением.

Поддубецкий смерил его с головы до ног строгим взглядом.

— Ваше решение, лейтенант... было крайне рискованным. Если бы эти двое погибли, с нас обоих бы сняли погоны. Но все удалось, тьфу-тьфу и еще раз тьфу! Заложница вырвана из рук террористов, тем самым спасены чьи-то задницы на самом верху. Так что это... победителей не судят. Победителей награждают, чтобы не отбить охоту к победам ни у них, ни у тех, кто смотрит издали и приценивается, как жить. Снять с него braslety!

Десантник с огромной охотой, улыбаясь во весь рот, освободил Желудева, а Поддубецкий снова вперил острый взгляд в лейтенанта.

— Управление захочет увидеть вас в числе награжденных за успешную операцию, проведенную в особо трудных условиях. Что правильно. Потому сейчас напишу наградной лист, а также представлю вас к званию капитана. Уверен, с этим затруднений наверху не будет. Идите, капитан Желудев!

Раскрасневшийся, как красная девица, Желудев с блестящими глазами откозырял и двинулся к выходу почти церемониальным шагом.

Поддубецкий сказал ему вслед, когда тот уже перешагивал порог:

— Кстати, посетите своих Гнатюка и Вовка в лазарете. Ордена им обеспечены, так и скажите. Самое главное, сегодня же приказом по части перевожу обоих в сержанты.

Желудев закрыл за собой дверь, Поддубецкий повернулся к нам, тоже сияющий и довольный.

— Повышенное жалование их не так впечатлит, молодые ищщо, а вот ордена на груди и лычки сержантов на плечах — другое дело. Такое девки увидят издали.

— Главное, — согласился я, — девки.

Он покосился на Ингрид.

— А если они еще и стрелять умеют или хотя бы визжать... Что думаете дальше?.. Вижу-вижу. Вертолет подать сейчас?.. Хотя скоро ночь?

— В самолете посплю, — ответил я. — Капитан Волкова тоже спать еще как умеет. А что храпит, ничего... зато рев мотора заглушит.

Он обнял нас, что, как мне казалось, ему очень не свойственно, но слишком уж неожиданно и красиво все получилось, сегодня на ночь точно напьется от радости.

Когда мы с Ингрид шли к ожидающему нас вертолету, она сказала неожиданно:

— А фамилия у тебя не такая уж и гадостная.

Я испуганно дернулся.

— Но-но!

— Ага, — сказала она ехидно, — струсил. Не бойся, операция завершена, сейчас из всех записей загса и прочих мест удаляются все упоминания о нас.

— Фу-у-у, — сказал я с облегчением. — Ну тогда жить можно... Кстати, кто-то обещал после освобождения внучки станцевать стриптиз у шеста.

Она фыркнула.

— А что, у тебя есть шест?

— М-да, — сказал я с сожалением, — тогда отменяем. Она посмотрела с вызовом.

— Так быстро сдаешься? Могу и без шеста.

Оглавление

Часть I

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	45
Глава 6	53
Глава 7	62
Глава 8	72
Глава 9	80
Глава 10	89
Глава 11	99
Глава 12	107
Глава 13	117
Глава 14	125
Глава 15	130

Часть II

Глава 1	139
Глава 2	147
Глава 3	156
Глава 4	167
Глава 5	175
Глава 6	186
Глава 7	196
Глава 8	206
Глава 9	213

Глава 10	223
Глава 11	232
Глава 12	239
Глава 13	247
Глава 14	252

Часть III

Глава 1	260
Глава 2	271
Глава 3	280
Глава 4	286
Глава 5	296
Глава 6	305
Глава 7	313
Глава 8	322
Глава 9	331
Глава 10	338
Глава 11	346
Глава 12	353
Глава 13	362
Глава 14	369
Глава 15	379
Глава 16	388
Глава 17	396
Глава 18	404

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
КОНТРОЛЕР. ФАНТАСТИКА ЮРИЯ НИКИТИНА

Никитин Юрий Александрович

КОНТРОЛЕР
Книга вторая
СКЕЛЕТ В ШКАФУ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *С. Кладов*

Корректор *Е. Захарова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 12.09.2016.

Формат 84х108 1/32. Гарнитура «Гарамонд».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 6793.

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография».

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-88861-0

9 785699 888610 >

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ЮРИЙ НИКИТИН К О Н Т Р О Л Е Р

Большое видится на расстоянии, тайна распада СССР начинает вырисовываться только с дистанции в три десятка лет, да и то в общих чертах. Однако многие в ГРУ полагают, что раскрывать ее все равно рано. Но кто-то решил открыть миру правду... и вызвать мировой кризис. Владимиру Лавронову предстоит срочно вмешаться и самому решить судьбу великой тайны и, если получится, предотвратить апокалипсис...

ISBN 978-5-699-88861-0

9 785699 888610 >

